

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН 1/2010

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. А. АҚЧУРИН

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Е. Г. КОЛЕСНИКОВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

О. И. РЯБОВ

На первой стр. обложки: фрагмент картины
К. Артыкбаева «Зимние хлопоты»

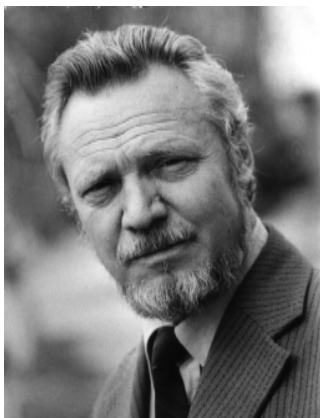
Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны:

62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

Евгению Колесникову - 75!

Этому неординарному, талантливому человеку из Алтайской глубинки, давшей столько светлых умов и Киргизии, и России, не перестаешь удивляться. Еще со студенческой скамьи взвалив на себя тяжелую ношу высокого писательского труда, он с честью несет ее по жизни, радуя своих бесчисленных почитателей замечательными творениями прозы и поэзии. «Моя звезда», «Я пришел с миром», «Лунный всадник», «Синица пила воду», «Мать и мачеха», «Дикое поле» - всех его книг, изданных во Фрунзе и Москве, не перечить. Евгения Григорьевича считают своим учителем, привившим любовь к образности мышления, к вкусному и точному русскому слову, такие известные писатели, как Вячеслав Шاپовалов и Александр Никитенко, Александр Иванов и Светлана Сулова, Николай Пустынников и Светлана Луговая... Десятки лет посвятил он работе в родном «Литературном Кыргызстане» - редактором отдела прозы, ответственным секретарем журнала. Именно ему доверял редактирование своих произведений, предназначенных для «ЛК», Чингиз Айтматов. А когда в начале 90-х Евгений переезжает в Москву и становится консультантом по литературе Средней Азии в Международном сообществе писательских союзов, то продолжает участвовать в жизни журнала в качестве члена редколлегии.

Женя, Евгений Григорьевич... Он всегда рядом с нами, и мы просто, по-дружески обнимаем нашего дорогого юбиляра, желаем ему крепкого здоровья, долгих и славных лет пребывания на белом свете - в творчестве и процветании!

Редколлегия «ЛК»

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 1/2010

ПРОЗА

Олег Рябов. Архип и Петруша. Рассказ	5
Николай Труханов. Тепло твоего дома. Рассказ	24
Аман Газиев. Шабдан Батыр. Три новеллы	42
Влад Заречный. Эксперимент. Главы из документально-фантастического романа	80
Дмитрий Ащеулов. Миниатюры	142

ПОЭЗИЯ

Светлана Сулова. Новые стихи	148
Вячеслав Шاپовалов. Из новой книги	161
Анна Зарубина. Откровения будущих дней	170
Валерий Жернаков. Тихая сельская родина	175

КУЛЬТУРА

Виктор Кадыров. Кризис чтения – кризис духовности	180
Найра Сейранян. Романы Чингиза Айтматова – феномен современного пророчества	187
Андрей Кузнецов. Его стихия – хор	195
Коротко об авторах	200

ПРОЗА

Олег РЯБОВ

АРХИП И ПЕТРУША

Рассказ

...Грохот от разрывов снарядов, вой бомб, падающих с неба, монотонный нескончаемый автоматный и пулеметный треск, свист пуль, людские крики и вопли слились в одну непрерывную, ужасающую симфонию смерти. Земля дрожала, вздыбливалась и, казалось, стонала от боли, когда в нее вонзалось смертоносное железо. Вместо воздуха в атмосфере образовалась некая субстанция, состоящая из пыли, порохового газа и гари, к которой примешивался запах человеческой плоти и крови. По всем человеческим и божьим законам в этом аду не могло выжить ничто живое. Да и что такое ад по сравнению с тем, что сейчас творилось на поле боя?

Рядовой штрафбата Архип Горин, вжавшийся каждой частицей своего тела в холодную землю в воронке от снаряда, вдруг вспомнил детство. В ту беззаботную пору, когда ему становилось страшно, достаточно было прижаться к своей матери, и все тревоги отходили на задний план, а после ее ласкового поглаживания и вовсе исчезали прочь. С ночными страхами справиться вообще было легче: просто накроешься одеялом и все – эту крепость не одолеет никакая нечисть. Он внутренне усмехнулся. Ну, допустим, к чему прижаться ему есть и сейчас – к Земле-матушке, поглаживают его, да еще как – фрицы из пулемета, а вот накрыть его может только снарядом, а там и действительно все страхи пройдут... навсегда. От этих воспоминаний и сравнений ему стало весело, он даже хохотнул. «Ну, все, – подумалось Архипу.

– Кажись, приехал. От страха, что ль, с катушек начал сходить?». Но ничего подобного с ним не приключилось. А вот страха действительно не было. Было простое понимание того, что если сейчас безрассудно подняться, то погибнешь без всякого толку. А жить именно сейчас, после лагеря, когда появился шанс реабилитироваться и смыть позорное, хотя и незаслуженное, клеймо «враждебный элемент» хотелось со страшной силой.

– Эй, отзовитесь, кто живой, – услышал он сквозь разрывы и пальбу голос своего командира взвода лейтенанта Веселова.

– Рядовой Горин, – выкрикнул Архип.

Через минуту к нему в воронку ввалился сам Веселов.

– Неплохо устроился, – перевернувшись на спину и тяжело дыша, выдохнул ротный. Затем громко закричал:

– Второй взвод – кто живой, ко мне на голос – соберись!

– Что дальше делать будем, товарищ лейтенант? – спросил Архип.

– Умирать, – коротко ответил тот, потом подумал и добавил: – А ты на что рассчитывал? На долгую, сытую и счастливую жизнь? Ты думал – тебя из лагеря выпустили и по балетам возить будут?..

– Да нет, просто уже полчаса как залегли.

– Залегли – не полегли, – Веселов перевалился на бок и выглянул из воронки. – Меня другое беспокоит – где все наши? Я на брюхе уже метров сто прополз, и ты первый, кто откликнулся.

– Да, может, приотстали или, наоборот, вперед пробежали, – предположил Горин. – Или где-то рядом, но не слышат.

– Возможно. Давненько такого тарараму от фрицев не было, – ротный посмотрел на него. – А ты что так в землю-то вцепился – обосрался, что ль, со страху?

Архип хотел ответить что-то резкое, но сдержался.

– Ты землицу-то отпусти, еще успеешь с ней побрататься – недолго осталось, – продолжил Веселов.

– А я туда и не спешу, – огрызнулся Горин.

Веселов полностью оправдывал свою фамилию – любил побалагурить, пошутить, за что и пользовался заслуженной благосклонностью женского пола. Но после того как из-за какой-то пикантной истории с женой своего полковника загремел в штрафбат «на двухмесячное исправление», его шутки приобрели ка-

кой-то черный оттенок. Все чаще в остротах Веселова затрагивалась тема смерти. Его можно было понять – за месяц взвод уже трижды обновлялся почти полностью. Он даже не успевал запоминать имен своих солдат. Они либо «пали смертью храбрых», либо ранеными отбыли в госпиталь, откуда их отправляли уже в обычные части, как «искупивших».

Артобстрел прекратился внезапно.

– Это верно – мы на тот свет не спешим, – согласился с рядовым Веселов. – А вот фашист, мать его, нас туда поспешает! – Он выглянул из воронки, достал бинокль и внимательно осмотрелся вокруг.

– Ну, это еще посмотрим, кто кого, – зло бросил Архип. – Товарищ Сталин не зря сказал: «Наше дело – правое. Мы победим!». У товарища Сталина есть стратегический план затащить главные силы фашистов вглубь нашей территории, затем внезапно взять их в кольцо и раздавить немецкую гидру.

– Похоже, мы этого не увидим, – задумчиво проговорил лейтенант, – да и затягивание что-то уж слишком затянулось. Дозатягивались, мать его, почти до самой Москвы.

– Вы, что, не верите самому Сталину?! – задохнувшись от столь кощунственных слов, бросил Архип.

Ротный, оторвавшись от бинокля, спустился на дно воронки и внимательно посмотрел на рядового.

– Месяц за тобой наблюдаю, все никак не пойму, что ты за фрукт, – сказал он. – Из партии выперли, «десятку» впаяли, а ты поидейней нашего политрука будешь. Вечно вперед лезешь, на собраниях самый активный – реабилитироваться хочешь побыстрее?

– Я ни в чем не виноват.

– Ага, – усмехнулся Веселов, – у нас тут несколько батальонов таких невиноватых.

– В незаконных и неоправданных репрессиях замешаны недобитые беляки и жиды из окружения Великого Вождя, а сам он просто не знает обо всех этих бесчинствах, – горячо заговорил Архип. – Настанет время, и все будет расставлено по своим местам. Тогда-то мы увидим, кто прав, а кто виноват.

– Тут бы завтрашний день увидеть, – проворчал ротный.

– Я увижу, – твердо заявил Архип.

Сколько Петруша себя помнил, кушать ему хотелось всегда. Казалось, что чувство голода родилось вместе с ним в один день. Думать о чем-то другом, кроме жратвы, он не умел, да, впрочем, и не хотел.

И сейчас, сидя на крыше полуобгоревшего вагона, загнанного в тупик, Петруша мучительно размышлял, что делать: дожидаться пацанов, которые с утра ушли «промышлять» на рынок, оставив его одного из-за сильного поноса, который мучил его с утра (копаясь вчера в мусоре возле привокзального ресторана, вероятно, съел какую-нибудь тухлятину), или, раз живот уже отпустило, самому смотаться куда-нибудь и набить этот проклятый, вечно бурлящий и просящий пищи желудок.

Размышлял он недолго. Спустившись с крыши вагона, Петруша вздохнул. Конечно, дожидаться дружков было бы проще – вдруг от них что-нибудь да и перепадет ему на халяву, но, с другой стороны, есть вероятность вообще остаться голодным: или «улов» будет небольшим, и ребята съедят все сами, или о нем просто забудут. Еще раз вздохнув, он поплелся в сторону вокзала...

Железнодорожные вокзалы послевоенных лет в стране, не оправившейся еще от войны, разрухи и голода, жили своей, обособленной от всего другого мира жизнью. По сути, они-то и были ее центром. Здесь располагались барахолки и лавки, забегаловки и мастерские. Да и где еще могли приютиться эти невзрачные, обшарпанные деревянные зданьица и лачуги с блеклыми, безвкусными вывесками? Единственным общедоступным и прогрессивным транспортным средством этой эпохи был паровоз, приходивший на станцию и убывающий от нее без какого-либо расписания. Поэтому вокзалы круглосуточно забивались мешочниками, оборванцами и просто праздно шатающимися. Но больше всего здесь было людей в шинелях – демобилизованные возвращались домой. И, конечно, этот вечно оруще-матерящийся людской муравейник был домом родным для всяких жуликов, проходимцев и просто откровенных бандитов. Короче, все жители таких небольших привокзальных городков, каким был Луганск, так

или иначе зависели от Его величества Вокзала – кормились, одевались, жили с него...

Петруша, дойдя до базарчика, где торговали различной снедью, остановился. Он понимал – воровать в одиночку с прилавков было опасно. Другое дело – налететь на лотки целой ордой таких же, как он, беспризорников и действовать по четко отработанной системе: часть пацанов отвлекает сытых, толстомордых торговков, а другая хватается все, что попадет под руки и сразу же врассыпную. Блеск! И риск минимальный, а вот одному... Конечно, можно заняться попрошайничеством, но Петруше этот раболепный промысел был противен. Оборванный, грязный, завшивевший, ни разу не спавший на обычной человеческой кровати, Петруша был гордым и не любил унижаться. Возможно, его родители принадлежали к знатному роду, к «бывшим», и от них гордость «голубых кровей» передалась ему по наследству. Или, что вероятней всего, были они какими-нибудь мошенниками, которые считали, что просить милостыню – это позорно и недостойно.

Оглядевшись, Петруша заметил высокого бородатого мужика, увешенного связками бубликов и стоявшего возле широкого лотка с какой-то снедью.

Примостившись к толстой тетке, которая шла в сторону торговца, Петруша двинулся туда же под прикрытием ее необъятного зада.

Когда тетка поравнялась с бородачом, беспризорник осторожно, просунув руку между ней и лотком, подхватил большой пряник и уже хотел быстро засунуть свою добычу за пазуху, как на его беду толстуха резко развернулась и остановилась. Наткнувшись на внезапное препятствие, Петруша от неожиданности споткнулся и упал. Тетка, громко взвизгнув, подпрыгнула на месте. Стоящие рядом люди, как по команде, обернулись на крик и уставились на Петрушу, сидящего в луже с пряником в руке.

– Ах ты, мразь беспризорная! – закричал мужик с баранками и, проворно обежав лоток, схватил Петрушу за шиворот, да так сильно и резко, что ветхая одежонка разошлась по швам и осталась у него в руках, а маленький воришка вновь плюхнулся в лужу, обдав стоящих рядом зевак сочными брызгами грязи. Большая же часть ржавой жижи досталась торговцу. И сейчас, стоя в центре толпы, покрытый с ног до головы серо-

коричневыми ошметками, он представлял собой довольно забавное зрелище. Окружающие захихикали. Это разъярило бородача еще больше.

– Ух, сучье отродье! – он с размаху пнул кованым сапогом Петрушу в спину.

Тот слабо охнул и завалился на бок. Мужик занес ногу для нового удара, но тут за его спиной раздался негромкий с хрипотцой голос:

– Почто дитя забижаешь?

– А твое какое соба..., – обернувшись, хотел было ответить торговец, но тут же осекся.

Невысокий коренастый мужчина в кепке, надвинутой на самые глаза, и в пиджаке, наброшенном на плечи, вынул руки из карманов, выплюнул обмусоленную папиросу и вновь спросил:

– За что малого мордуешь?

– Да он это... Пряник вот... с прилавка...

Коренастый нагнулся, поднял из лужи злосчастный пряник и протянул его бородатому.

– Жри, гнида.

– Да вы что! Я...

– Лучше кушай, дорогой, – посоветовал ему стоящий рядом с коренастым молодой татарин, – оч-чень пряник вкусный.

Бородач, не глядя ни на кого, поднес пряник ко рту и начал жевать.

– Большого приятного аппетита, – пожелал татарин с усмешкой.

– А ну, вы, людозвери, – обратился коренастый к толпе, – валите отсюда, а то я ваши зырки любопытные своими пальчиками-то пощекочу. – В голосе коренастого прозвучала угроза. Наклонившись, он взял полуголого Петрушу на руки.

– Жив?

Петруша что-то невнятно пробубнил и, закрыв глаза, затих.

Любопытные быстро рассосались по своим делам. Возле лотка со сдобой остались четверо: татарин, торговец и коренастый с беспризорником на руках.

– Завтра Рашиду, – сказал коренастый торговцу и кивнул на татарина, – штраф принесешь. Пятьсот рублей.

– Да за что?! – всплеснул руками бородач.

– За то, что ты сволочь! За десятиграммовый кусок теста готов человека до смерти забить. Мироед ты, капиталист недобитый. А за то, что вопросы любишь задавать, я штраф могу и удвоить. Все. Завтра жду.

– Видишь, какой Архипушка добрый, – ласково сказал Рашид, но глаза его потихоньку наливались кровью. – Добрый и справедливый. Я бы на его месте этот пряник тебе не в рот – в другую бы дырку засунул, да при всех, – зло сквозь зубы процедил он и добавил, – что и сделаю завтра, если деньги не принесешь.

Архип, которого все почтительно называли, Ионыч, отнес пацана домой, коротко бросив своей жене:

– Будет жить с нами.

Высокая, статная и в то же время по-русски дородная женщина старше тридцати, не произнеся ни слова, принялась раздевать Петрушу.

Потом последовало долгое купание в трех водах – иначе невозможно было смыть с него многолетнюю грязь и вытравить первобытный запах человеческой плоти, не знавшей мыла и мочалки.

С волосами долго не церемонились. Изобразить что-то похожее на прическу из свалявшихся, посеченных, выцветших косм было невозможно, поэтому, недолго думая, Петрушу обрили наголо.

Жена Ионыча Марьяна сбегала к соседям, у которых было четверо пацанов, и на время взяла для нового жильца одежку. Рубаха и штаны, застиранные до белого цвета, были без дыр и, самое главное, были чистыми! Впервые за свою жизнь Петруша вдохнул запах свежего белья, и у него, как ему показалось, закружилась голова.

Все происходящее он воспринимал как сон: базар, побои, угрюмый дядька, женщина, пахнущая чем-то сдобным, купание, стрижка, чистая одежда.

Вечером за ужином, когда Петруша съел вторую тарелку борща и хотел было попросить еще добавки, Ионыч несильно хлопнул ладонью по столу.

– Ша, Петруха, лопнешь.

– Тебе что – жалко? – вступилась за мальчика Марьяна, – смотри какой худой и болезненный.

– Ничего, еще отъестся. А на сегодня достаточно. Не дай Бог, еще что-нибудь с желудком случится. Видал я таких. Нажрутся с голодухи, а потом – бац, скрутило – и мертвяк.

– Как знаешь, – вздохнула Марьяна и начала собирать со стола.

Петруха исподлобья следил за ней. Вообще-то кушать сейчас он уже не хотел, но все равно не отказался бы еще чего-нибудь перекусить. Хоть желудок был полным, чувство голода не проходило – привычка.

– Иди сюда, малец, – позвал Ионыч Петрушу, и когда тот подошел, усадил его себе на колени.

– Отца и мать помнишь?

– Нет.

– Как в нашем городе очутился?

– Всю жизнь здесь живу.

– Наверное, родные его потеряли на станции, – вздохнула Марьяна.

– Возможно, – согласился с ней муж. – Или, наоборот, оставили – всякое бывает.

В дверь постучали.

– Не заперто, – крикнул Ионыч.

В комнату вошел Рашид-татарин.

– Ну, как дела, крестник? – спросил он Петруху, погладив его по лысой голове.

– Есть хочу, – проворчал тот.

Все громко рассмеялись.

– Ничего, ничего, – прижимая к себе ребенка, произнес Ионыч: – Теперь ты забудешь, что такое голод, холод и плохие люди – обещаю тебе.

Рашид присмотрелся к Петруше.

– Слышь, Ионыч, вылитый Володенька, – прошептал он.

– Тихо ты, – шикнул на него Ионыч.

Но слова Рашида услышала и Марьяна. Она обернулась и пристально посмотрела на Петрушу. Ее глаза повлажнели. Она поспешно вышла в другую комнату, откуда послышались негромкие всхлипывания.

В комнате повисло тягостное молчание.

– Дурак ты, Рашидка, – в сердцах сказах Ионыч. – Хотя прошлого не вернешь, но как-то поаккуратней надо.

– Сам виноват, – обиделся тот. – Месяц не прошел, а ты его притащил, – он кивнул на Петрушу. – Сам ей раны бередишь, а я виноват.

– Все – забыли, – отрезал Ионыч. – А ты садись и слушай, – сказал он Петруше, усаживая его перед собой на табурет.

– Был у нас с Марьяной сынок. Володенькой звали. Ты на него очень похож. Да и возраста вы одного. Тебе, думаю, годков семь-восемь, не больше. Хороший сын у нас рос, но месяц назад играл он с соседскими ребятами на улице перед домом, а тут водитель – солдафон пьяный... Одним словом, схоронили сынка мы нашего...

– И водителя тоже... – словно про себя сказал Рашид.

– Поэтому будешь нам Петруха за сына. Согласен?

– Да.

– Хорошо. А теперь запоминай. Нас с Марьяной должен слушаться во всем. Обижать тебя не будем, но и ты веди себя прилично, не озоруй. Узнаю, что воруеть – бить буду. Незачем воровать, у нас, слава Богу, всего в достатке. И еще, к Марьяне относись поласковой, мучается она, бедняжка, сильно. Ну, а если когда-нибудь нас отцом и матерью назовешь, спасибо скажем – значит, хорошо мы тебя воспитывали. А теперь пошли спать...

У Петруши началась новая жизнь. Ионыч перво-наперво отвел своего новоявленного сына в школу, где вызвал из класса в коридор какого-то толстого дядьку в очках и что-то негромко ему сказал, кивая на Петрушу.

Директор школы, а это был именно он, на секунду задумался, потом пожал плечами:

– Я не против, только оформите нужные документы.

Затем они направились в центр города и посетили какое-то большое серое здание, где около часа бродили из кабинета в кабинет. В итоге, оставив мальчика на попечение тетки-секретарши с ярко накрашенными губами, Ионыч скрылся за массивной деревянной дверью с большой ярко-красной табличкой с золотыми буквами.

Минут через десять выйдя оттуда с довольным лицом, он дал легкий подзатыльник Петруше и весело пропел:

– А в остальном, прекрасная маркиза, – все хорошо, все хорошо!

По дороге домой Ионыч сказал, обращаясь к мальчику:

– Значит так, документы тебе справят дня за два-три, хотя и хорохорились там: по закону полгода нужно! Но мир не без добрых знакомых людей. Обещали помочь по старой дружбе. Будут бумаги, пойдешь в школу – в первый класс. Правда, занятия идут уже месяца два, но это не страшно, с помощью Марьяны, я думаю, вы быстро догоните остальных. Кстати, вот тебе мое первое условие: сначала в школу мы тебя, конечно, будем провожать, потом будешь ходить сам, но никогда, понял – никогда ты не должен появляться на вокзале – это закон! Ферштейн?

Петруша кивнул. Понял, что Архип не хочет, чтобы он встречался со своими бывшими друзьями. В принципе, он и сам не горел желанием вновь общаться с ними. Во-первых, запросто могут забрать новую одежду, которая ему очень нравилась, и к которой он относился с каким-то трепетом и благоговением, а во-вторых, их старшой просто набьет ему морду за то, что он бросил их шайку.

Словно угадав его мысли, Ионыч добавил:

– А встретишь в городе своих бывших дружков, беги от них ко мне, хорошо?

Петруша вновь кивнул.

Все сбылось, как и говорил Ионыч.

Получив через несколько дней какие-то бумаги, Ионыч пришел домой и посадил Петрушу себе на колени, ласково погладил его по голове и твердо, но с каким-то надрывом произнес:

– Вот... теперь ты кто есть? А есть ты – Петр Архипович Горин, то бишь наш законный сын.

Марьяна, наблюдая за этим, поднесла платок к глазам. Потом резко подошла к Ионычу, порывисто взяла Петрушу на руки и сильно прижала его к себе. Ионыч отвернулся и, как показалось Петруше, смахнул с лица слезу.

Петруша не понял, отчего, но ему вдруг тоже захотелось плакать, и он внезапно по-детски разревелся, чего не позволял себе делать никогда – среди его дружков слезы считались позором и первым признаком «девчачества», а что может быть более оскорбительным для настоящего мужика, чем брошенное кем-то ему в лицо презрительное: «девчонка»!

Без стука вошел татарин Рашид. Увидев эту сцену, он не-

много опешил, но через мгновение к нему вернулась его привычная расхлябистая веселость.

– Что за номер – кто-то помер? Я не понял: когда нужно радоваться, петь и смеяться, некоторые неосознательные элементы, разводят тут, понимаешь, сырость, сопли и мелодраму. Баста! Нет больше в этом помещении грустных лиц, а есть только веселые улыбающиеся физиономии...

– ...и одна татарская морда, – сказал Ионыч с улыбкой. – К тому же наглая и беспардонная – мог и постучаться, прежде чем войти.

– Да ты что! – картинно возмутился Рашид. – Да с такими подарками вы меня должны встречать у дверей с оркестром!

И он ловко вынул из одного кармана широких штанов бутылку водки, а из другого – большого красного сахарного петушка на палочке.

– Марьяна, давай ставь на стол что-нибудь – праздновать будем, – попросил ее муж. Та, опустив Петрушу на пол, поцеловала его в темечко и направилась на кухню.

Петруша захрустел леденцом, а Рашид ловко разлил водку по стаканам.

– За нового Горина, – произнес он торжественно и выпил, ни с кем не чокаясь.

– Ты бы хоть закуску подождал, – сказала Марьяна, ставя на стол тарелки с квашеной капустой, солеными огурцами, помидорами и хлебом.

– Закуска – она весь вкус водки портит, – крякнув в кулак, выговорил Рашид. – К тому же еда мешает спирту быстрее в голову шарахнуть, а это непорядок.

Тем не менее, взяв огурец, он аппетитно захрустел им. Ионыч тоже выпил, но закусывать не стал.

– Петруха, завтра в школу пойдешь. Новая жизнь у тебя начнется, – он немного подумал, потом, взглянув на жену, добавил, – и у нас тоже.

Так жизнь Петруши вошла в новое русло.

Учительница, молоденькая девушка, привела его в класс и, представив детям, сказала: – Меня зовут Вера Васильевна. Иди, занимай свободное место и пока просто слушай, ты отстал от

нашей программы, но после уроков мы будем заниматься с тобой индивидуально.

Петруша оказался сообразительным и шустрым пацаненком.

Он ежедневно ходил в школу, где внимательно и жадно слушал учительницу, а по вечерам, повторяя пройденное и готовя уроки на завтра, поражал Марьяну своей незаурядной памятью и тем, что буквально все школьные предметы давались ему с одинаковой легкостью.

Неудивительно, что уже через месяц классная руководительница наравне с другими вызывала его к доске и, слушая его правильные, четкие ответы, поражалась успехам своего нового ученика.

Ну а Архип с Марьяной просто преобразились на глазах. При виде Петруши от них исходили какие-то флюиды счастья, которые окружающие явственно, кожей ощущали на себе, при этом на их лицах проступала неземная, ангельская умиротворенность, а в глазах плескалось такое море любви, что многим становилось даже как-то неловко от столь пронзительного проявления родительских чувств. В них нельзя было узнать тех потухших от горя людей, которыми они были еще несколько месяцев назад после гибели сына.

Марианна так полюбила приемного сына, что в те короткие часы, что он находился в школе, она просто не находила себе места, постоянно выглядывала в окно на улицу или выходила на порог дома и, прикладывая ладонь к глазам, смотрела, не идет ли ее любимец.

По ночам, когда Петруша засыпал, Марьяна раздевалась и ложилась с ним рядом, чтобы комары, которых в тот год развелось видимо-невидимо, не дай Бог не побеспокоили ее дитятко – пусть уж лучше жалят ее.

Близкие друзья радовались за них, искренне полагая, что после всего, что им выпало пережить, они заслужили простого человеческого счастья. А пережить им пришлось ох, как много...

Архипу было чуть за сорок. Родился он в начале века, и поэтому ему пришлось испытать не себе и пропустить через себя все тяготы того сурового времени. Юношей он воевал с беляками. Потом работал на заводе, учился. Затем последовала комсомольская и партийная работа. Все, казалось, складывалось хо-

рошо и удачно. Но грянул 1937-й год. Массовый молох репрессий зацепил и Архипа.

... «Брали» его как-то буднично, без засад и целого взвода вооруженных чекистов. Не было даже «черного воронка», который, по словам многих очевидцев – в основном торговков с базара, – всегда подъезжает к домам уже обреченных. Просто вечером в дверь постучали. Архип открыл. На пороге стоял участковый. Он вошел, несколько мгновений потоптался в прихожей, потом, как бы извиняясь, с запинкой произнес:

– Это... здесь к вам... значит... пришли.

В комнату вошли двое молодых парней в гражданке.

– Горин? – спросил один из них.

– Горин, – почему-то за хозяина ответил участковый и добавил, – Архип...

– Собирайтесь, – молодые люди даже не взглянули ни на милиционера, ни на Архипа, казалось, они смотрели прямо перед собой. Их безучастное отношение к происходящему как бы говорило: мы просто выполняем свою работу, мы выше эмоций, пройдите с нами, а там, где надо – разберутся.

Не было слез и стонаний со стороны родственников – мать-старушка и сестра-старшеклассница быстро, как-то по-деловому собрали кое-какие вещички в узелок и даже присели «на дорожку». Казалось, что процедура ареста была для них уже давно привычной.

Сам Архип чувствовал себя спокойно и уверенно. Он был глубоко убежден, что это просто недоразумение, а может быть, даже и проверка его на стойкость как большевика.

Но в кабинете следователя он понял – это не шутки. Чекист зачитал ему анонимку на него, где говорилось, что в разговоре с товарищами Архип горячо отстаивал товарища Тухачевского, уверяя, что тот не может быть предателем, что это вероятно чудовищная ошибка или, хуже того, происки недобитых «перерожденцев», которых не удалось выявить при последней партийной «чистке», но товарищ Сталин разберется во всем, нужно только время.

Потом следователь уставшим голосом спросил, говорил ли эти слова Горин. Архип, не отпираясь, подтвердил, что действительно высказывал свое мнение среди товарищей-большевиков.

Следователь похвалил его за чистосердечность и даже посоветовал, мол, все бы были такими сознательными, работы у органов было бы поменьше. А то некоторые такие упертые, что приходится «работать» с ними целыми сутками, а работники НКВД тоже люди, у них тоже семьи, и они тоже имеют право, как все советские люди, на отдых.

Тогда Архип не понял последних слов следователя. Лишь потом в лагере ему объяснили, как работали энкэвэдэшники сутками с «несознательными», делая их при этом инвалидами и калеками. Но и после этого он был убежден, что Сталин не имеет к массовым репрессиям никакого отношения, что это какой-то заговор внутри партии. Скоро «вождь» разоблачит этих мерзавцев, а все невинные, в том числе и он, будут оправданы.

По печально знаменитой 58-й – «враг народа» – Архип отделался довольно «легко» – «всего-то» десять лет. С первых дней на лесоповале он с каким-то остервенением накинулся на работу. Вскоре стал бригадиром, и у него появилась надежда выйти на свободу досрочно. В лагере ввели систему зачета срока – выполнил план на 200% – один день отсидки засчитывается за два. А Архип в день нередко выдавал и больше!

Началась война. Архип один из первых написал прошение с просьбой «...дать возможность делом и кровью доказать...» и попал на фронт в штрафбат. Сражался храбро, с какой-то бесшабашной отвагой ввязывался в самые рискованные операции, но смерть обходила его стороной. Вскоре был реабилитирован, но в восстановлении в партию ему отказали. Тем не менее, с войны вернулся «старлеем», с тремя орденами, с пятью медалями, с нашивками за ранение, с женой Марьяной, с другом-татаринцем Рашидом и с приклатненным образом уркагана, доставшимся ему от «лагерного» прошлого и общения с однополчанами-штрафбатниками.

Все это время в душе он оставался истинным ленинцем и беззаветно любил товарища Сталина.

О его любви к вождю наглядно говорил огромный портрет Сталина в позолоченной раме который висел на самом видном месте в его доме – в зале, рядом с лестницей. Портрет Ионычу подарил один полковник, которого он раненым вынес из боя. Ионыч портрет любил и холил. Ежедневно сам протирал его от

пыли, а несколько раз в год подкрашивал раму свежей позолотой, если ему казалось, что она поблекла. Иногда он вел с портретом разговоры. Например, подходил к нему и спрашивал: «Как вы думаете, товарищ Сталин, правильно ли мы с Рашидкой прижали такого-то спекулянта?». И сам же себе отвечал: «Правильно. Потому как спекулянт есть нарыв на теле трудового народа!». Подобные разговоры с портретом происходили каждый день, поэтому не удивительно, что к портрету в семье Гориных относились, словно к члену семьи.

После войны Ионыч не смог найти работы – хоть и фронтовик, хоть и реабилитированный, но для бюрократов-чиновников все равно кадр с «душком». Поэтому, чтобы хоть как-то прокормиться, занялся он мелким барыжничеством – продавал на базаре сигареты, которые дома набивала на специальном станке Марьяна. В то время многие фронтовики, особенно калеченные, не найдя работы, устремлялись на рынок, где промышляли мелкой спекуляцией, а иногда и приворовывали. За короткий срок Ионыч стал среди этой братии за главного. Умея обращаться и с бывшими вояками, и с блатными, он быстро снискал у них авторитет человека справедливого, умного, но в то же время жесткого и, если надо, беспощадного. Такое положение на рынке устраивало всех: и власти в лице милиции, которые были осведомлены, что Ионыч приказал своим людям вести свои дела честно – торгуй, работай, но воровать или совершать другие пакости не смей, и самих «бывалых»: кто-то же должен был организовать и контролировать порядок среди всей этой братии, а то раньше что ни день, то драка или поножовщина. Теперь, если и возникал на базаре конфликт, все знали – нужно идти к Ионычу, он рассудит по справедливости, кого надо – защитит, кого надо – накажет, нередко, как говорил его друг и подручный Рашидка, «по законам военного времени»...

Так и жили они втроем: Ионыч, Марьяна и Петруша. Глава семьи понимал, что его базарная жизнь скоро закончится, что государство уже в недалеком будущем воспрянет после войны и тогда непременно разгонит всех этих спекулянтов, барыг, мешочников. Поэтому он постоянно искал работу. И вскоре ему улыб-

нулась удача – на местном лесозаводе, где, как оказалось, в начальниках ходил его знакомый по отсидке. Учитывая его стахановский труд и умение руководить людьми, ему пообещали место бригадира, но нужно было немного подождать, чтобы согласовать кое-какие документы. Но Ионыч не обижался, все понимал: что ж поделаешь – «из бывших» – это клеймо теперь на всю жизнь.

Придя домой, он поднял и посадил на руку приемыша, пошел к жене, приобнял ее и сказал:

– Ну, дорогие мои, чувствую, заживем мы скоро с вами счастливо, честно, и будем жить так долго – до полной победы социализма.

Его взгляд упал на портрет Сталина. Ионычу показалось, что вождь одобрительно пошевелил бровями. Ионыч не удержался и игриво подмигнул портрету, чего раньше себе никогда не позволял.

Петруша возвратился из школы и, вбежав на кухню, резко обнял Марьяну сзади. Она не вздрогнула и не ойкнула – привыкла уже к этому ежедневному, уже привычному и по-домашнему милому ритуалу.

– Мама, я пойду полежу, что-то глазки слипаются, – зевнув, сообщил Петруша.

– Иди милый, иди. Намаялся, видно, с этой учебой, – мягко проговорила та. Обернувшись, она посмотрела вслед мальчонке, который с холщовой сумкой поднимался по крутой винтовой лестнице на второй этаж в свою комнатку на чердаке.

Как всегда, ближе к вечеру, погас свет. Марьяна, подбросив в печку немного угля, решила быстренько сбегать в продуктовую лавку. Очень хотелось в пятницу, перед выходными, побаловать своих мужиков пирожками с кислой капусткой, да как на зло дрожжи в доме закончились!

...Из-за чего начался пожар, не удалось впоследствии установить ни пожарным, ни следователям. Может, уголек из печки вывалился да ветерком сдулся на кухонный коврик, или, когда дали свет, проводка где-то замкнула – никто не мог дать ответ на

этот вопрос с полной уверенностью. Факт, что первым дым, валивший из «Архиповской усадьбы», заметил сосед, живущий напротив, который вышел в огород справить нужду. Он-то и выбежал на улицу и стал орать, резко взмахивая руками: «Ёть-медь-вашу пожар, пожар ёть-медь!» и колотил какой-то железякой по пустому ведру.

Ионыч, как всегда уверенной, но немного вразвалочку походкой шел домой. Издали услышал беспокойный гул человеческих голосов и увидел, что где-то впереди в небо поднимаются клубы дыма. Он зашагал быстрее, все ускоряя и ускоряя шаг, потом побежал. Выбежав на свою улицу, увидел свой дом, охваченный пламенем. Пожарных еще не было, а соседи кричали, бегали, бестолково суетясь вокруг огня. Он увидел Марьяну, стоящую в толпе людей со сложенными, как при молитве, руками.

...Петруша... он там ...спаси, – подавшись ему навстречу, умоляюще простонала она. В ее глазах была такая дикая боль и страх, что он, не раздумывая, кинулся к входной двери и резко распахнул ее. На него полыхнуло сильным жаром, кожа на лице моментально стала пунцовой, но он, накинув на голову свой пиджак, ринулся, в самый центр огня. Как раз в этот миг откуда-то из огня раздался отчаянный и испуганный Петрушин крик: «Папа, папа!». Этот крик услышали и на улице, и люди еще сильнее заволновались.

– Да там же ребенок, ребенок в огне!

Услышав Петрушин зов о помощи, Марьяна побледнела и пошатнулась. Еще секунда – и она бы без чувств упала на землю, но в этот момент ее подхватил примчавшийся на пожар Рашид.

...Вбежав в коридор, Ионыч увидел, что все стены полыхают огнем. Дым слепил глаза. Он миновал кухню и, натываясь на мебель, уже дошел до середины зала, когда раздался второй, такой дикий и леденящий душу детский крик: «Спасите!!!». Женщины на улице схватились за сердца, а мужики сунулись было к дому, но яростный огонь отогнал их. Марьяна ойкнула и бессознательно повисла у Рашида на руках. Тот легонько хлопнул ее по щеке, и Марьяна открыла глаза. Взгляд ее стал осмысленным.

По крику Ионыч определил, что Петруша находится в своей комнатке. Он быстро кинулся к лестнице и уже схватился за

поручень, но тут его взгляд упал на стену, где висел портрет Сталина. Удивительно, но, несмотря на сильный огонь, он уцелел, лишь только-только начала темнеть и плавиться позолота на раме. Ионыч остолбенел. Нетронутый огнем Сталин смотрел на него с укором, а его усы в клубках дыма, казалось, сердито топорщились. И вдруг, поддавшись какому-то непонятному, совершенно необъяснимому порыву, он бросился к портрету и, сорвав его со стены, побежал к выходу. В это время опять закричал Петруша.

– Сейчас, милый, подожди минутку, я только Отца нашего спасу, вынесу – и быстренько за тобой вернусь, – бормотал он как будто в бреду, пробиваясь сквозь огонь к выходу. – Я скоро, скоро...

Выбежав на улицу, он жадно вдохнул свежего воздуха и стал озираться, ища, кому бы передать портрет, чтобы кинуться назад, в пекло. В этот момент дом, словно прощаясь, протяжно ухнул, крыша обрушилась, взметнув в небо столб искр.

Над толпой пронесся полный отчаянья и боли вопль, заставивший всех вздрогнуть. Старушки быстро стали креститься. Вопль исторгала из самых недр своих Марьяна, переводя безумные глаза с мужа на портрет и обратно – с портрета на мужа. А тот стоял спиной к пожару в каком-то бессознательном состоянии и словно заведенный повторял: «Вот спас товарища Сталина... Вождя нашего вынес... Сгореть не дал».

В этот момент на улицу влетела пожарная машина. Выскочившие пожарные, оттеснили всех людей и стали заливать огонь водой из брандспойта, не давая ему перекинуться на соседние дома.

Какой-то молодой пожарный подошел к неподвижно стоявшему Ионычу, который сжимал в руках чуть тронутый огнем портрет Генералиссимуса и одобрительно похлопал его по плечу: «Молодец, отец! Герой!»...

После пожара Горины поселились у Рашида. Трагическое событие как будто состарило их лет на двадцать. Ионыч дико запил, а Марьяна стала странной: тронувшись умом, она постоянно бормотала: «Володечка, Петрушечка, где же вы, деточки мои, где же вы, мои родненькие?».

Каждый день она уходила из дома и, слоняясь по улицам города, искала своих сыночков, приставая ко всем прохожим с расспросами, не видели ли они их.

– Блаженная, – говорили о ней люди, но никто не смеялся над бедняжкой и не обижал.

Пьяный Ионыч находил ее, но она снова поутру отправлялась на поиски... Ведя ее в очередной раз домой, Ионыч давился пьяными слезами и все твердил невидимому собеседнику: «Спас товарища Сталина... Вождя нашего вынес... Сгореть не дал... Герой!».

Умерли Ионыч и Марьяна в один день. Он перепил какой-то гадости, а она просто сгорела от горя и, наверно, голода – не могла ни есть, ни пить.

Когда Рашид утром нашел бездыханные тела супругов, то поразился выражениям их лиц – они были какие-то безмятежно-спокойные и даже удовлетворенные.

– Наверное, встретились со своими мальчиками, – проговорил он, и, хотя был мусульманином, перекрестился...

Николай ТРУХАНОВ

ТЕПЛО ТВОЕГО ДОМА

Котёнок был маленький, грязный и мокрый. Ему было одиноко и страшно. И он так жалобно мяукал, что у некоторых прохожих в глубине души даже возникало ми-

момлётное желание как-то помочь ему. Но люди, озабоченные собственными проблемами – собственные проблемы всегда гораздо значительнее, чем чужие несчастья, – выходя из магазина, раскрывали над собой зонтики, как бы отгораживаясь от этого крохотного живого комочка, сочувствовали про себя и всё же проходили мимо.

– Ты что, малыш, потерялся? Или тебя бросили? – улыбаясь, Денис наклонился над котёнком.

Пакет с только что купленными продуктами мешал, и он поставил его прямо на мокрый асфальт возле то и дело открывающихся дверей магазина. Осторожно поднял и спрятал в ладонях кроху, подержал немного, обогревая. Испорченное настроение в самом конце рабочего дня от долгой нудной речи прораба по поводу какой-то мелочи тут же пропало. А котёнок ненадолго замолчал, почувствовав, что о нём кто-то большой и сильный решил позаботиться.

Денису всегда казалось, что без его помощи все эти бедолаги пропадут, и он иногда подбирал неустроенных бездомных собак, кошек... Правда, потом их приходилось пристраивать по знакомым, потому что его жена была категорически против живности в доме. Она с трудом после длительных уговоров согласилась только на аквариум с рыбками: ни пыли, ни мусора,

да и забот почти никаких. А кормить, воду менять, чистить аквариум – это была забота Дениса и Алёшки – их сына.

Почему-то для многих взрослых невдомёк, что доброта, чувство сострадания у малышей появляются тогда, когда они сами, по зову своего маленького сердца начинают опекать разных зверюшек, общаться с ними, кормить, гладить, ухаживать за ними, постепенно понимая, насколько их забота нужна этим существам. Почему-то не задумываются родители о том, что когда-то придёт старость, и так не будет хватать любви, сочувствия и доброго отношения к ним их уже взрослых детей...

– Может, ты есть хочешь? – уже в машине Денис достал из пакета колбасу, отломил кусочек, подsunул под розовый крохотный нос котёнка... И второй, и третий кусочек тот съел также жадно. И ещё один...

– Пока хватит. А то объешься, – он осторожно засунул котёнка под куртку и завёл двигатель.

Мелькнула, было, мысль позвонить домой, чтобы сообщить о находке, но потом он решил – пусть будет сюрприз.

В свете фар капельки дождя мелькали короткими чёрточками, резали глаза фары встречных машин... Дворники беспрерывно металась по ветровому стеклу... Но ни эта сырая промозглая погода, ни холодный дождь со снегом, обычные для ранней весны, но всё же нагоняющие почти осеннюю тоску и уныние, уже ничего не могли с ним поделать: Денис беспричинно, как могло показаться со стороны, улыбался. Ему казалось, что он чувствует, как бьётся сердечко у котенка. А тот, поворочавшись, высунул наружу сквозь не застёгнутую молнию свою мордочку и мяукнул. Но уже не от страха, холода и неустроенности, а просто, по-домашнему. И на Дениса накатила волна нежности – он осторожно, одним пальцем, грубым пальцем рабочего человека погладил котёнка по крохотной головке. Такое же тёплое чувство он испытывал несколько лет назад, когда, переполненный счастьем, с каким-то трепетом, осторожно и неумело взял из рук медсестры сверток с родившимся пару дней назад сыном Алёшкой...

Свернув в свой переулочек, представил, как его приходу обрадуется сын... Он всегда, встречая отца, с разбегу кидался ему на шею. А уж когда Денис вытащит котёнка!..

Их дом был третьим от угла. Правда, должен был быть четвёртым, но второй дом по переулку лет восемь назад продали, новые хозяева снесли его, но почему-то так и не собрались что-либо построить.

Денису дом достался от отца по наследству: на высоком фундаменте, светлый и тёплый, просторный и крепкий, любовно сложенный умелыми руками, огороженный с улицы невысоким штакетником. Вместе с отцом они ладили его. Отец и научил его всему, что должен уметь настоящий мужчина.

И с женой ему тоже повезло: и умная, и хозяйственная – она принесла с собой что-то необъяснимо-особенное, из-за чего всё в доме: мебель, все вещи, посуда как бы впитали доброту и нежность новой хозяйки. С её приходом каждая комната как будто стала светлее, заулыбалась безупречной чистотой! А какие чудесные, солнечные занавески и шторы появились на окнах!

– погоди, погоди, – остановил Денис сына, который кинулся было к нему.

Алёшке на прошлой неделе исполнилось шесть лет, и в свой день рождения он получил ярко-красный школьный рюкзачок – осенью в школу. Но когда Денис осторожно достал из-за пазухи свою находку, прихожая вмиг наполнилась звонкоголосой Алёшкиной радостью! Что там рюкзачок, ведь ему принесли живого котёнка!

– Принеси из холодильника молочка и попроси у мамы блюдечко – он сильно проголодался, – попросил Денис сына.

– Вы что тут? – из кухни показалась Марина, – Так, снова подобрал! Что, опять с прорабом поругался?

– Да ладно, Марина, первый раз что ли! Ты посмотри, какое чудо!

– Не первый. Ты как поругаешься, обязательно кого-нибудь домой притащишь. А, может, это «чудо» заразное. Где ты его нашёл?

Она чуть-чуть картавила, даже не картавила, а как-то мягко, удивительно симпатично по-французски произносило «р-ь-ь». Из-за этого, теперь уже очень давно, она и понравилась Денису. Другие... В других он видел то кокетство, то распущенность, то озабоченность непонятно чем, жеманство, а то и капризность, или явный недостаток ума... Встречались разные: и вульгарно накрашенные, и красивые, но надменные в своей красавости.

А Марина... Марина была совершенно непохожа на всех остальных... Какая-то спокойная уверенность во взгляде, во всём её облике, в движениях... И совсем немного косметики, которая только подчёркивала природную русскую красоту Марины. А ещё – улыбка, которая и покорила Дениса!

Счастье переполнило его, когда Марина согласилась стать его женой! Потом оно дополнилось счастьем от родившегося сына... Но вот сын подрос, и постепенно его отношения с женой устоялись, они привыкли друг к другу, как привыкают к матери, к отцу... Всё стало просто и ясно между ними, тепло и солнечно, как будто идёшь по ярко-прозрачному берёзовому лесу, неосознанно наполняясь радостью от этого согревающего света! И любишь этой красотой! Так и Денис, уже сроднившись с Мариной, иногда ловил себя на том, что любит её, а она, замечая его взгляд, смущалась, как невеста.

– Марина, давай его накормим, обогреем, а потом я его, конечно же, ветеринару покажу. Нам ведь кот в доме нужен?

Жена неодобрительно покачала головой.

– Пойдём, Лёшка, молока дам. Покормишь, убери за ним, а потом обязательно вымой руки! Денис, ты тоже умывайся, ужинать будем.

Марина была хорошей хозяйкой, и ему иногда было совершенно непонятно, как она всё успевает: и приготовить, и зашить порванную футболку сына, и погладить, и убраться в доме... И всё это после работы! Как-то Денис обратил внимание, что многое Марина делает как бы между делом: то тряпочкой пройдёт по журнальному столику, по полкам, по телевизору, то незаметно простирнёт его носки и что-то своё... Понимая, что любимая женщина не может не уставать, он старался часть «женской» работы брать на себя: и посуду мыл, и большая стирка зачастую была на нём... При этом он каждый раз с улыбкой вспоминал, как первый раз проделал это перед выпиской Марины из роддома.

В своей холостой жизни стирать ему приходилось только свои брюки, а тут он решил сделать сюрприз жене: сделал генеральную уборку в доме, собрал и постирал всё бельё. Но по незнанию вместе с цветным бельём вложил в машину и белое постельное, которое после этого покрылось разноцветными пятнами. Долго ещё ему припоминали эту стирку! Но в устах любимой

жены это было совсем не обидно – она чувствовала меру, Потому что он уже не делал ошибок. Правда, развешивала бельё во дворе всегда сама Марина – она не могла допустить, чтобы соседские мужики подсмеивались над её мужем.

Серьёзных размолвок у них никогда не было – Денис старался уступать жене, Да и Марина была не из тех, кто любой ценой старается доказать свою правоту и верховенство. Но в отношении чистоты в доме... Можно было подумать, что чистота в доме – это цель её жизни. Мало того, что много времени она сама тратила на уборку, ещё и своих мужчин она заставляла каждые два дня пылесосить все ковры, проникать во все углы, обметать светильники и люстры, книги на полках... Совершенно незаметно она добилась того, что сын и муж первым делом при входе в дом надевали тапочки, оставляя уличную обувь за порогом. И без напоминаний мыли руки перед едой. Посуда у Марины всегда сияла – мыла её до скрипа, до блеска! Особой заботой у неё была газовая плита, на которой самый придирчивый не смог бы заметить ни единого пятнышка!

Когда же тарелки, ложки, пиалки мыл муж, то она иногда даже контролировала, насколько тщательно он это сделал. Денис старался не придавать таким мелочам большого значения, хотя и было это немного обидно. Когда же Марина проверяла, чисто ли Алёшка почистил пылесосом палас, они «искрились»:

– Я уже не раз тебе говорил, что не надо так делать! А ты как будто не слышишь? – Денис старался говорить мягко, но это не очень-то получалось, – Его хвалить надо! Не проверять, а хвалить! Ему это очень нужно! Как ты не понимаешь? Он же ещё больше стараться будет!

– Я просто хочу, чтобы он сразу приучался делать любую работу хорошо! – возражала Марина.

Однако этого Алёшка не слышал, он вообще никогда не слышал, чтобы родители ссорились!

Снова выглянув в прихожую, она увидела, что отец с сыном сидят перед котёнком, который лакал молоко из блюдца, и улыбаются.

– Пап, смотри, смотри, какой у него маленький язычок! – восторгался Алёшка, – А как мы его назовём? – Алёшка повернул голову к отцу, глаза его сияли.

Марина тоже улыбнулась и, забыв напомнить про руки, позвала:

– Эй, любители животных, давайте за стол, ужин готов.

Уже пили чай, когда Марина вспомнила:

– Да, Денис... Какая-то женщина около нас ходила – я как раз с работы возвращалась. Ты знаешь, она как будто что-то выглядывала. Мне сказала, что подошла очередь на установку телефона у наших соседей, какие-то бумаги у неё в руках были. А в них – адрес того дома, что снесён. И фамилия... Потапченко, кажется.

– Там жили Потапчуки. И они действительно подавали заявление на установку телефона лет... лет тридцать назад. Представляешь, тридцать лет назад подали, а телефонное ведомство только сейчас зашевелилось! А они восемь лет, как продали свой дом. У нас-то в течение полугода поставили, – он помолчал, подумал, – Знаешь, Марина, надо будет хороший забор из кирпича поставить, и замок попрочнее на двери. Не нравится мне всё это.

– И ещё. Крёстный заходил. Кем он там тебе приходится? Кумом, что ли? Просил помочь линолеум на кухне постелить.

– Он не сказал, когда? Кстати, вот и назовём кота нашего Кумом.

– Нет, папа, давай назовём его как-нибудь по-другому. Пусть он будет... «Пушок», ладно?

– Ну, хорошо, Алёшка. Пушок, так Пушок.

Когда уже укладывались спать, Марина сказала:

– Слушай, ты вечером как-то очень долго бреешься. Не дождёшься тебя...

– Я ещё зубы чищу... По десять секунд на каждую сторону, – не ожидая подвоха, отозвался Денис.

– Да? А я думала по десять секунд на каждый зуб! – глаза её лукаво светились.

Со временем Пушок превратился в красивого пушистого кота. А уж ласковый был! И игривый: сам Денис порой не прочь был поиграть с ним, ну а Алёшка, резвясь, носился с котом по всему дому! Бывало, что-нибудь и опрокидывали, а то и разбивали. И уж тогда доставалось им от хозяйки! Марина всерьёз сердилась и бранила сына. В таких случаях Денис никогда не всту-

пался, не защищал, не оправдывал его. Так же поступала и Марина, если Алёшке что-то строго выговаривал Денис. Они не улавливались, это получилось как-то само собой. И не создавали сыну стерильных условий – он мог и в луже летом постоять, и вымазаться непонятно в чём... Зимой бывало, наигравшись с соседними пацанами, возвращался весь мокрый – его не ругали. Да и как ругать, когда он вносил в дом вместе с собой нерас-траченное веселье! И в угол его никогда не ставили, не было в их доме «лобного» места. Но когда он заходил с улицы, как говорится «по уши в грязи», его просто отправляли умыться и надеть чистую одежду. Может быть, поэтому болел Алешка редко, рос здоровым, крепким и жизнерадостным мальчишкой. А когда уходил спать, улучив момент, обнимал Марину, прижимался к ней и шептал: «Мама, я тебя люблю!». И хоть это стало уже привычным, каждый раз теплело на сердце!

Обычно поздним вечером, когда все намеченные работы по дому были сделаны, Денис располагался перед телевизором либо в кресле, либо прямо на паласе. Бывало подолгу переживал очередную перепалку с бригадиром или прорабом. В своё время он получил диплом инженера-строителя, но вынужден был работать рядовым монтажником и зачастую видел неверные решения, оспаривал их, предлагал своё... Те повышали голос – начальники всегда правы. Настроение портилось... Это у маленьких детей нет проблем, которые бы терзали их вечерами, а у взрослых... А кот, как будто что-то чувствуя, приходил именно к нему, мягко вспрыгивал на колени, если Денис сидел в кресле, или повозившись, сворачивался клубочком рядом. Невозможно было не погладить его, а тот как бы в благодарность, начинал мурлыкать свои ласковые песни. И такое тепло шло от него, от его ласкового мурлыкания, что неприятности и тяготы прошедшего дня куда-то отходили, забывались...

Порой Алешка, наигравшись с котом, с трудом укладывал его рядом с собой, устраивался у ног отца... Ещё долго кот крутил хвостом, а потом утихал и лежал спокойно, довольно мурлыча.

– Пап, смотри, Пушок лежит, глазки у него закрыты, а ушки иногда шевелятся, как будто он что-то услышал.

– Есть такая поговорка: «Кошка спит, а мышку видит», – напомнила Марина.

Иной раз, чтобы позабавить Алёшку, Денис брал нитку, лаская кота, прицеливался и щекотал у него в носу. Тот смешно чихал раз, другой, а отец с сыном заразительно хохотали. Да и Марина улыбалась, глядя на их проделки. Иногда строжилась:

– Что старый, что малый! Прекратите издеваться над животным!

Или:

– Будет вам! Мешаете сосредоточиться! – она стала брать работу на дом и до полуночи, а то и дольше что-то считала на калькуляторе, заполняя какие-то бумаги.

Любимым местом у Пушка был подоконник. Он там или спал, пригревшись на солнышке, или равнодушно поглядывал на улицу, поджав под себя лапки. Если же ему хотелось погулять, он грациозным прыжком вспрыгивал на форточку, а оттуда на крыльцо. Весь дом он уже считал своим, разгуливал по всем комнатам. Как бы понимая не очень дружеское расположение к нему хозяйки дома, не досаждал Марине своим мяуканьем, а если хотел есть, неслышно заходил на кухню и ласково начинал тереться об её ноги. Тогда она, смеясь, звала:

– Эй, кошатники! Идите, кормите своего любимца.

Окончательно Марина смирилась с его присутствием только после того, как в доме исчезли мыши. Да и не чуждо ей было чувства прекрасного. А котом невозможно было не любоваться! Она даже как-то заметила:

– Наш кот на выставках медали получал бы за красоту!

Как у всякой хорошей хозяйки, холодильник у Марины всегда был полон, забит, что называется, под завязку. Как-то, не найдя места, она приготовленные впрок борщ и плов выставила на мороз за дверь, прикрыв кастрюлю и казан ящиком. Но, вернувшись после работы, у калитки обратила внимания на непонятно-розовые пятна на снегу, а потом разглядела и капусту с картошкой. Встревоженная, она прошла к двери и поняла, что приготовленную на пару дней еду украли! По-видимому, воры хотели и в дом залезть – на крыльце было много грязных следов, но ничего с замком они сделать не смогли, вот и решили прихватить хоть что-то.

Едва не плача, Марина пожаловалась Денису.

– Ладно, Марина, в марте, когда потеплеет, поставлю забор из кирпича.

– А до этого времени нас успеют обворовать! – она расстроено вздохнула, – Теперь что-то надо на скорую руку готовить на ужин, да и на завтрак тоже.

– Ну, давай собаку заведём. Впрочем, знаешь, у нас кот сторожем «подрабатывает». Я как-то днём заехал домой за инструментом, а со двора из калитки выскочил парень. Он дико орал, а руками лицо закрывал. Наткнулся на меня, руки убрал и я увидел, что всё лицо у него было страшно, до крови исцарапано! Я так думаю: когда он полез в форточку – помнишь у нас как-то форточку разбили, – на него накинута наш Пушок! Представляешь?

– Правда? – Марина улыбнулась, – Не ожидала. Ну, тогда наш кот – молодец! А я-то думала, что это ты взялся решётки на окна ставить? И ведь мне ничего не рассказал тогда, – Денис был рад, что Марина отвлеклась и немного повеселела.

Но в очередную весну, когда коты начинают петь свои любовные песни, вызывая приступы ненависти у всех окрестных собак, отношение Марины к Пушку изменилось, да и не только к нему.

Видимо, усталость незаметно, по чуть-чуть, по капельке, но всё же накапливалась. И уже трудно было ей заставить себя вставать пораньше, чтобы приготовить завтрак для мужа и сына. И по вечерам глаза слипались за работой, которую Марина всё также брала на дом. Но прежде, чем сесть за стол и взять в руку ручку, ей необходимо было кое-что постирать, посмотреть Алёшкины куртку, брючки, пришить оторванные пуговицы... А ещё сварить суп на пару дней, пожарить котлеты... И погладить постиранное бельё, одежду... Неудивительно, что позавчера она внезапно почувствовала себя неважно. Но, как для любой матери и жены, для нее главнее всего была забота о близких, а недомогание – наверное, просто простуда, – пройдет сама собой. И усталость – стоит поспать в выходные подольше, и снова всё будет в порядке.

Вот и сейчас Марина что-то считала, писала, зачёркивала и снова считала. Денис видел, что у неё сегодня ничего не получается.

– Марина, ну что ты себя мучаешь! Брось, завтра доделаешь.

Она подняла глаза на мужа.

– Шеф дал задание к утру подготовить материалы о перспективных работах, да ещё просчитать несколько вариантов. И просил позвонить ему домой до десяти вечера. А у меня что-то ничего не выходит.

Она перечёркивала написанное, снова писала... И снова... Наконец итог, видимо, удовлетворил её, и она, не отрывая глаз от написанного, подняла телефонную трубку, задержалась, опять и опять анализируя результаты, а потом стала набирать номер... Ещё и ещё раз проверяя записи, ждала ответа... И вздрогнула от громкого смеха. Денис безудержно хохотал, не в силах остановиться.

– Марина, ты бы ещё на счётах, на счётах набирала номер телефона! – он продолжал смеяться.

Только теперь она поняла, что набрала номер... на калькуляторе. И хотя ситуация была действительно комичной, и в другой раз она бы тоже посмеялась, но, видимо, усталость сказалась – по сердцу царапнуло: это над ней смеётся её муж, над ней! Ему-то что: пришёл, поел, ну посуду помыл, ну мясо провернул на мясорубке... И уселся пялиться в телевизор. Или в книгу уткнулся. Она же от усталости уже чуть не падает! Не понимает он, что ли, как она утомлена! Но как ещё можно удержаться? На работе же её ценят как раз за то, что тащит она непосильный воз! А он смеётся!

Эта первая маленькая обида на мужа да ещё недомогание как-то вдруг, сразу сделали её раздражительной. И хотя весна оглушала и радовала ярким солнцем, подзабытым теплом и свежей зеленью, звала радоваться просыпающейся новой жизни, она стала срывать на сына, зачастую беспричинно. Денису, повышая голос, выговаривала:

– Твой горячо любимый кот приходит с улицы грязный! Лижет, шерсть с него по всем комнатам, и на постель он лазит! Палас... ты посмотри, во что палас превратился!

Денис не узнавал своей жены: куда девалась та, от которой в доме становилось тепло? Думая, что Марина просто здорова устаёт, пытался оправдаться:

– Слушай, мы с Алёшкой итак полы часто трём. Хочешь, мы каждый день будем пылесосить! Но тогда на паласах и коврах скоро дыры появятся.

Марина шутки не приняла:

– Я не знаю, появятся ли на них дыры, но сейчас на них кошачья шерсть! – ожесточенно сказала она, – А у меня может быть аллергия! И мебель он дерёт когтями!

– Так это он их точит, к охоте готовится. Помнишь, позавчера он продемонстрировал свой трофей – принёс и около двери положил задушенную крысу.

– Не морочь мне голову, защитник! Я хочу, чтобы ты от него избавился!

Вот тут Денис проявил твёрдость, хотя обычно уступал жене:

– Марина, этого никогда не будет! Кот останется в доме! Разве ты не видишь, как к нему привязался Алёшка! И растёт он добрым человечком. Это мы его так воспитываем, но и кот тоже...

– Боюсь, что он растёт слишком добрым. Он не жалуется, а я знаю, что в школе его обижают.

– Ну, сдачи он тоже может дать. На прошлой неделе прибежал в слезах – разбил нос какому-то мальчишке, который его постоянно задирает.

– Вот именно – в слезах! Слишком жалостливый, а в нынешние времена нужно быть жестким! – сердито возразила Марина.

Эта неприязнь к коту, в конце концов, вылилась едва ли не в трагедию.

Погода уже позволяла, и Денис за пару дней установив ворота и калитку, стал заливать фундамент для забора. Сама по себе эта затея не доставляла ему радости, но он понимал – надо.

Радовало то, что Алёшка помогал ему, инструмент приносил, придерживал доски, когда они сколачивали опалубку. Он иногда доверял сыну что-нибудь отпилить, гвоздь забить... Не всё и не сразу получалось у сына, но Денис не спешил делать работу вместо него.

А Марина тем временем почему-то становилась всё более раздражительной. Находила какие-то зацепки, что бы сделать за-

мечание, съязвить, выговорить за какой-нибудь пустяк... И стала кричать на сына, хотя часто была не права. Денис едва сдерживался, и всё же, как у них было заведено, не вступался за сына.

Как-то раз, придя из школы и переодевшись в чистую белую водолазку и джинсы, Алёшка отпросился у отца и пошёл к другу. А, вернувшись, увидел, что Денис замешивает раствор и ему вот-вот может понадобиться мастерок. Тут же принёс.

– Какой ты у меня догадливый! – сын расцвёл от похвалы.

И так лихо пошла у них работа: Денис подхватывал мастерком раствор, разравнивал его на готовой кладке, а тут уже и кирпич сын успевал поднести. Кирпич, раствор, кирпич раствор... Оба увлеклись, и время полетело быстрее. Не успели оглянуться – кончился раствор. И только тут Денис обратил внимание на Алёшкину водолазку.

– Лёшка, посмотри, как ты вымазался! Ты что, не мог переодеться? – он не сумел сдержать раздражение – водолазка действительно была уделана донельзя, – Вывозился как свинья! Ты хоть что-нибудь думаешь? Переодеться надо было! Матери опять стирать!

Сын стоял перед ним, губы у него дрожали. И на ресницах уже смаргивались слёзы.

– Папка, я же помочь хотел! Я же тебе помогал! А ты кричишь! – Денису стало стыдно, и, помолчав, он сказал, извиняясь, уже обычным голосом, – Ладно, давай сами быстренько стираем. Тихонечко, чтобы мама не видела, прошмыгни в свою комнату, переоденься.

Алёшка взял на руки сидевшего рядом Пушка и прижал его к груди, замаскировав грязь на одежде. Но их хитрость, к сожалению, не удалась. Что тут началось! Марина схватила сына, грубо содрала с него одежду, вертя его, как куклу... Тот, напуганный её криком, не сопротивлялся... А мама, которую он так любил, даже не замечала его слёз!

– Марина, это я не доглядел! – попытался защитить сына Денис.

– Ты вообще молчи! – оборвала его она, – Ещё этот кот поганый!

Что только Марина не делала, чтобы кот не забирался на их кровать! Сперва её это даже веселило, особенно, когда кот,

заслышав шаги хозяйки, начинал прятаться под тюлевую накидку, думая своими кошачьими мозгами, что там его не заметят. Когда же ей это надоело, она стала просто закрывать дверь, но Пушок как-то научился её отворять. Тогда она подпёрла дверь лёгкой табуреткой. Придя домой, увидела, что табуреточка непостижимым образом совсем немного отодвинута, дверь приоткрыта, а кот, как ни в чём ни бывало, опять возлежит на кровати.

Сегодня же и табуретка была отодвинута, и дверь приоткрыта, и кот прятался за подушками. А около двери валялись осколки разбитой банки. Эту банку с вареньем Марина поставила на табуретку, думая, что коту будет не под силу отодвинуть такую тяжесть. Теперь варенье было разлито по полу. Любимое клубничное варенье Марины! Это переполнило её терпение! Да ещё и сын так испачкал белоснежную водолазку!

– И мог бы почище работу найти! Сколько ты ишачишь на этих стройках в грязи? Я стирать на тебя, на вас обоих устала! – Денис покачал головой и вышел во двор, пытаясь успокоиться, походил вдоль сооружаемого забора...

А Алёшка, перепуганный до ужаса – ещё никогда не видел он свою маму в таком состоянии, – забился в свою комнату и потихоньку плакал там.

Через некоторое время вышла Марина на крыльцо.

– Мне нужно кое-куда съездить! – сухо сказала она, – Дай ключи. – Денис проводил её недоумённым взглядом; ведь она вроде бы никуда не собиралась.

Не знал он, что Марина, разозлённая почему-то на мужа, на сына, на весь мир, сама до конца не понимая, что делает, схватила кота и засунула его в сумку. С этой сумкой она и села в машину.

Она долго кружила по пригороду, без конца вспоминала ссору с мужем, всё более распаяясь. Наконец остановилась почти в самом конце какой-то узенькой улочки, откуда уже видны были поля, вытащила из машины сумку с котом... Огляделась, прошла немного вперед, разминувшись с какой-то бабулькой.

«Ведьма! – злая на весь мир подумала Марина, – Ведьма! Ещё наколдует что-нибудь!» – оглянувшись, увидела, что старушка глядит ей в след и как будто что-то шепчет своими старческими губами.

Она сделала не более трёх шагов, как вдруг кот завопил в сумке и заорал дурным голосом. Боже, ей показалось, что он закричал «Люди!». Испугавшись, она швырнула сумку через невысокий забор. Было слышно, как она упала на что-то мягкое, должно быть на траву. Донельзя перепуганная, Марина бросилась к машине. Открывая дверцу, увидела, что старая женщина осуждающе всё так же смотрит на неё подслеповатыми глазами и качает головой, как бы говоря: «Что ж ты наделала, девонька?»

Вечером за ужином Алёшка спросил:

– Пап, ты не видели нашего Пушка? Уже поздно, а его нигде нет.

– Загулял наш кот. Весна, а весной коты всегда в загул пускаются, – успокоил его Денис.

Но, когда и на следующий день кот не объявился, он что-то заподозрил. И, уловив момент, когда Марина начала мыть посуду, а Алёшка ушёл делать уроки, стал рассказывать:

– Знаешь, Марина, когда я ещё пацаном был, жил у нас кот. Матёрый да шkodливый. Цыплят ловил и давил. В конце концов, решили, что надо его выбросить где-нибудь подальше, лучше на другом конце города, чтобы он не смог вернуться. И вот отчим поймал его, посадил в мешок, и поехали мы с ним через весь город, туда, где за каналом располагался большой парк. Но когда шли по берегу, он неожиданно швырнул мешок в воду. Я тогда дико заорал и бросился за котом в воду, едва не захлебнулся – мешок оказался тяжёлым, оказалось, что отчим туда камней положил, – вытащил его на берег, выпустил кота... Тот сразу бросился наутёк! Понимаешь, отчим хотел во мне таким образом жестокость воспитать. А я его возненавидел на всю жизнь и ушёл жить к отцу.

Марина резко перебила:

– Ты что, из-за какого-то кота готов... готов возненавидеть меня?! Да, это я! Я выбросила его, увезла и выбросила!

– Марина, ну что ты выдумываешь – возненавидеть? И не из-за кота! Ты сама не понимаешь, что сделала! – ему трудно было найти нужные слова, – Не из-за кота, Марина! Страшно то, что ты смогла это сделать! Пойми ты! Я может быть более толстокожий, а Алёшка... Если он узнает, как он станет к тебе относиться?

– Что я такого сделала? Что? Я же не убила его, не утопила! Просто я хочу, чтобы в моём доме было чисто! А Алёшка не узнает, если ты ему не скажешь!

– Так ты предлагаешь, обманывать его? Это же... – Денис помолчал, – Не удивляйся, если со временем он станет лгать тебе! И, знаешь, не о той чистоте ты печёшься! Не о той!

Чтобы не сорваться, он резко двинул стулом и выбежал на крыльцо, с размаху присел на ступеньки...

«Как она могла? Как могла?» – Денис закрыл лицо руками.

Потом вскочил, схватил какую-то толстую палку и изо всех сил хряснул об угол дома! Руки обожгло болью, но Денис даже не обратил на это внимания! Он бесцельно мотался по двору, пытался понять: почему, как этот человек, которого он полюбил, смог совершить такое!? Между ними, думал он, выросла стена, которую ему сложно, почти невозможно будет преодолеть. А Марина? Сможет ли она? И захочет ли? Ведь ей придётся ломать себя! Самой!

Денис остановился перед недоделанным забором... И эта, сложенная его руками защита от внешнего зла, вдруг предстала перед ним стеной, которая прошла через его дом! И от осознания бессилья что-либо изменить он забытым ломом хватил по кирпичам! И ещё, и ещё... Раствор пока не схватился, и кирпичи вываливались один за другим...

Он не мог знать, что в это время Марина раздражённо собирала посуду и, не в состоянии сдерживаться, с грохотом швыряла на полку. Надо же, её поступок сравнили с убийством! Не убила же она в самом деле этого кота! Приблудится к кому-нибудь. Никуда не денется – жить будет! Они, кошки, вообще живучи – вон их сколько бездомных на улице. Ничего, живут! Может быть, у новых хозяев ему ещё лучше будет.

– Мама, так это ты? – в дверях стоял сын, подбородок его дрожал, – Мама, мама... – Он бросился вон!

И как будто холодными, пронизывающими сквозняками потянуло изо всех углов... Силы враз покинули её, и тарелка, вырвавшись из рук, со звоном разлетелась у ног... Она опустилась на кухонную табуретку, закрыла лицо руками и разрыдалась.

Вечера в их доме превратились в пытку молчанием. И полусумрак, который раньше был таким ласковым и уютным, теперь стал каким-то мрачным и настороженным.

Алёшка, поужинав, уходил к себе и даже любимые мультики уже не смотрел. Денису же, после того, как он заканчивал все дела во дворе, деваться было некуда, и он вынужденно сидел в кресле перед телевизором и, занятый своими мыслями, даже не видел, что там происходит на экране. А мысли были невесёлыми:

«Как теперь жить? Вместе? Или... Чужие... А сын? Но ведь я же люблю её! Люблю! И что – простить, забыть? Простить эту её беспричинную жестокость? Не смогу! Не смогу! А она... Сидит, работает... Как будто ничего не произошло!»

Не знал Денис, что мысли Марины далеки от работы. Задумавшись, она останавливалась, не видя цифр на калькуляторе, не видя исписанных листов... И каждый раз ощущала болезненный укол холодности двух её родных людей... Если бы Денис в это время мог увидеть глаза Марины, он поразился бы её отрешённому взгляду! А она в это время как бы всматривалась в себя, в своих близких, думала о муже, о сыне, об их доме, о чистоте в нём... О себе... И постепенно приходило понимание, что в доме должно быть не только чисто... Да, нужно, чтобы и руки были чистыми, и пыли не должно быть на мебели, полках, коврах... Но, пожалуй, важнее, чтобы в доме было ещё и тепло! Тепло не только от жарко протопленной печи зимой... Должно быть тепло и уютно всем, кто рядом, кто любит её! Любому живому существу. И коту, который теперь неизвестно где, и рыбкам в аквариуме...

На работе, конечно же, заметили, что с Денисом что-то не так, допытывались, что случилось, но он отмалчивался, отговаривался, что неважно себя чувствует. Перестал спорить с прорабом, бригадиром; на их придирки и замечания отвечал: «Хорошо, я сделаю, как вы хотите». А сам без конца думал о том, что произошло, о Марине...

Возвращаясь после работы, Денис каждый раз по мобильному телефону холодно спрашивал жену: «Кот не вернулся?» или «Пушок не приходил?». Наскоро поужинав, он принимался

доделывать забор. Тягостная тишина поселилась в доме. Эта тишина давила на него. Плохо было и Марине. Ей было, пожалуй, даже хуже – в конце концов она стала чувствовать, какую грань переступила.

С трудом отыскав улочку, где она выбросила сумку с котом, Марина, расклеила объявления: «Пропал пушистый, красивый кот дымчатой масти. Просьба вернуть за большое вознаграждение». Звонили и предлагали кошек, всяких других котов, но Пушка среди них не было.

На железной калитке Денис поставил замок с секретом, установил хитрый код... Отойдя на другую сторону улицы, оглядел дело рук своих. Но приятного удовлетворения от хорошо сделанной работы, как случалось прежде, не было...

На следующий день, возвращаясь домой, Денис вдруг понял, что не помнит, ну напрочь забыл, какие цифры нужно набирать на замке. Надо же – забыл! А ведь только вчера установил! И, заранее сжимаясь внутренне от необходимости разговаривать с женой, набрал номер на мобильнике. Услышав её голос, сухо спросил:

– Скажи... код дома, – произнося эту, в общем-то, простую фразу, он переключал скорость, а слева его нагло и опасно обгоняла крутая иномарка. И получилось, что он опять спрашивает о коте.

– Дома, дома! – раздался в телефоне ликующий голос жены.

Не поняв её радости, Денис, психанув, отключил телефон.

И только через какое-то время вновь решился позвонить.

Раздражённо и отдельно он сказал в трубку:

– Я... хочу... знать... код... дома.

И опять услышал радостное:

– Да дома! Я же говорю – дома! Пришёл, вернулся! Денис, Пушок вернулся! Я так рада!

Да, кот вдруг вернулся!

– Боже мой, сколько ж километров ты прошёл, как нашёл наш... свой дом? – Марина так обрадовалась, что скормила половину мясного фарша, что приготовила на котлеты. Отщипывала маленькие кусочки и кормила Пушка с рук, умиляясь, как он,

изголодавшись, жадно хватал их, но при этом был очень осторожен. И позволял себя гладить, хотя раньше никогда не проявлял желания приласкаться к Марине. А она, покормив кота, взяла его на руки, чего тоже никогда не делала, и тот не воспротивился нелюбимой когда-то хозяйке, а уютно устроился на её коленях и замурлыкал. В груди вдруг больно кольнуло, защемило от этой неожиданной ласки! Постепенно боль отпустила, как будто в груди растаял колючий ледяной кристаллик.

Марина поднялась с дивана навстречу мужу. Она стояла перед ним, держа кота на груди, как держат ребёнка. И что-то было в ней... Как будто сияние от неё шло! И глаза лучистые... И какая-то просветлённость появилась в её лице!

– Денис, я хочу тебе сказать...

– Марина, ну что ты? Я уже всё понял!

– Да нет, Денис! Я хочу тебе сказать, что у нас ... У нас будет ребёнок!

«Мадонна! – извиняясь и прощая, подумал Денис, осторожно и нежно обнимая жену, – Мадонна!»

Аман ГАЗИЕВ

ШАБДАН БАТЫР

Новеллы

Шабдан Джантаев (1839 – 1912) – крупнейший сарыбагышский манап, один из потомков зна-

менитого Атаке-батыра. Родился в местности Туюк-Булун на северном берегу Иссык-Куля. В юности прославился удачными набегами в барымте; был представителем кыргызов на приеме у Малля-хана в Коканде, получил от него в подарок оружие и шелковый халат. Служил два года в Ташкенте при ханском наместнике Канаате. Ему предлагали стать беком крепости Туркестан, но Шабдан предпочел свободу и уехал в родные кочевья. После того, как его отец Джантай подчинился русским, Шабдан также безоговорочно принял российское подданство и стал верно служить новым властям. В 1868 г. со своими 200 джигитами он помогал токмакскому уездному начальнику Загряжскому утверждать новое административное управление в Центральном Тянь-Шане. В 1876 г. Шабдан принимал участие в завоевании русскими Кокандского ханства, в операциях против повстанцев Пулат-хана, командовал «летучим отрядом» в войске генерала М.Д. Скобелева.

До самой смерти Шабдан верно служил российскому правительству. Получил чин войскового старшины, соответствовавший званию подполковника. Ему определили пенсию в размере 300 руб. в год и выделили в личное пользование пожизненно 400 десятин земли. В 1883 г. находился в составе туркестанской делегации на коронации Александра III.

В 1909 г. он открыл в Кемине (с. Тарсуу) школу, которую содержал на свои средства. Как свидетельствовали современники, в «школе Шабдана» обучали детей по самой передовой методике (так называемые ново-методные школы). В ней обучалось 150 учеников, преподавал и сам Шабдан, приобщая кыргызских детишек к русскому языку и через него к мировой культуре.

Умер Шабдан 6 апреля 1912 г. Поминки по манапу собрали представителей почти всех основных кыргызских родов, и траур отмечали несколько дней.

В некрологе, помещенном в газете «Семиреченские областные ведомости» на смерть Шабдана Джантаева, организатор Иссык-Кульского конезавода В. Ровнягин вспоминал: «Нужно было видеть домашнюю жизнь Батыра в Б. Кемине, чтобы уразуметь всю силу обаяния имени Шабдана среди киргиз и понять внутреннее содержание киргизской жизни.

Каждый день Батыра был деловой день. Из близких и дальних мест съезжались к дому Батыра сотни киргиз со своими делами и думами. Много запутанных семейных и вообще бытовых дел Батыр разрешал, как авторитетный третейский судья по «адату» (по обычаю). Батыр был властителем киргизских дум. Он сеял мир в утешение враждовавших и обиженных – и пожал почет».

Читателям «ЛК» предлагаются три новеллы Амана Газиева о Шабдане.

Владимир Плоских, академик

СРАЖЕНИЕ ПРИ УЗУН-АГАЧЕ

В начале мая 1860 г. наместник кокандского хана в Пишкеке Атабек-датха с большим войском выступил для сбора зякета с кочевников Чуйской долины.

Атабек был настроен решительно. Эти негодные кочевники каждый раз пользуются сменой власти в ханстве и возникающими беспорядками, чтобы не платить. В позапрошлом году, когда изгнали Худояра и на трон сел Малля-хан, Атабеку вот так же только при помощи войска удалось выколотить налог. Многие кыргызские манапы тайком переписываются с русским начальником из Верного и призывают его на помощь.

Армия двинулась на восток в сторону Токмака. Там кочевал старый и хитрый беркут Джантай с сарыбагышами. Наместник торопился: чуйские кыргызы имели привычку уже в мае сниматься со своими стадами и откочевывать через горные ущелья в долину реки Сусамыр. Он не стеснялся. Встречные отары овец и конские табуны забирались в счет Джантаева долга. Наместник не спрашивал, кто хозяин скота – за все должен ответить верховный манап сарыбагышей.

Теперь Джантай не уйдет в горы, не оставит на произвол судьбы ограбленных соплеменников.

Расчет оказался верным. В Чон-Кемине Атабека встретил сам родоплеменной владыка сарыбагышей в окружении подвластных манапов, биев и аксакалов. Наместнику преподнесли подарок – сказочной красоты аргмака, а также целый косяк горных кыргызских лошадей.

В честь высокого гостя устроили пиршество с играми и состязаниями. Хозяин приглашал поохотиться в горах на маралов, но Атабек вежливо отказался.

Между тем зякетчи оценивали сарыбагышские отары и проворно отгоняли в сторону двух баранов из каждой сотни. Некоторые ухитрились и трех. Другие грузили капы – мешки с просом на арбы.

Наконец, налоги собраны. Атабек хотел было собрать еще и дополнительный налог – на военные нужды, по золотой тилла с каждой юрты (цена трех баранов), однако воздержался: слишком уж угрюмы сарыбагыши. Пожалуй, не стоит углубляться даль-

ше в горы. Атабек помнил о горькой судьбе казахского султана Кенесары Касымова. К тому же когда-то Джантай «случайно» потерял одно письмо. А слуга Атабека Доссарык тоже «случайно» нашел. Письмо было от начальника Алатавского округа русского генерала к родственнику Джантая, сарыбагышскому манапу рода тагай Худояру. В нем говорилось:

«Я недавно узнал, что родович твой Джантай начал тебя притеснять и именно за то, что ты не разделяешь его желаний давать сартам зякет. Ты совершенно прав в этом деле, и я благодарю тебя за это. Джантай, может быть, богаче тебя, так и пусть им платит зякет, а ты соединишься с Мендэ¹. И ничего никому не давай. Кочуй с ним вместе, а если у вас там мало зимовок, приходите сюда, я дам вам земли».

Ох, уж эти оруды! Как кость в горле. Но аппетиты придется поумерить: так можно растерять всех подданных ханства.

Атабек переправил войско через Чу и вступил в земли казахов. Он забрал с собой не только зякет: с ним отправился и любимый сын Джантая, 20-летний Шабдан. На свою беду хвалился старый манап сыном. Впрочем, слух о лихом джигите Шабдане уже давно достиг Пишкека и даже Коканда. Этот юноша прославился среди окрестных племен как дерзкий барымтач, ходивший с такими же сорвиголовами за добычей даже на Кульджинскую сторону Текеса.

Уезжая, Атабек сказал Джантаю:

– Я беру твоего сына как лучшего из лучших, чтобы представить его светлому взору повелителя! Такого джигита обласкает сам хан ханов, господин мира. Понимаешь?

Джантай понимал: Атабек берет заложника, чтобы старый манап не вздумал своевольничать.

На прощание он сказал сыну:

– Ты видел, что творят здесь ханские слуги. А ведь мы были свободными горными барсами! Сила пока на их стороне. Ты отправляешься в логово тигра. Неосторожное слово, опрометчивый шаг – и твоя мать будет рвать на себе седые волосы. Помни об этом.

– Не рискуй также головой ради ханской службы, – продолжал старый Джантай. – Но и не опозорь род Тыная. Я даю тебе это напутствие, а в остальном полагаюсь на твой разум и сердце.

¹ Мендэ – один из сарыбагышских манапов.

Шабдан почтительно поцеловал руку отца. В казахских землях Атабек действовал осмотрительнее. И сам Атабек, и Шабдан хорошо помнили, какое возмездие постигло два года назад зарвавшихся сборщиков налога ташкентского наместника Мирзы-Ахмета².

Атабек и здесь тоже взял заложника – лучшего из лучших, джигита Байсеита Тойчибекова. Затем он вступил на земли кыргызского племени солто.

Верховный солтинский манап Байтык уже знал, что в их землях хозяйничают зякетчи и принял меры. Пока Атабек грабил сарыбагышей, в город Верный мчался нарочный. И когда кокандец вступил на его территорию, ему сразу же доложили соглядатаи: из Верного выступили войска белого царя: три пехотные роты и две сотни казаков.

Атабек заторопился. Он лишь слегка пощипал солтинцев. Даже не взял у Байтыка сына, поскольку тот был еще мальчик и в джигиты не годился. Не успел он убраться, как в Чуйскую долину прибыл сам ташкентский наместник парваначи Рустамбек. В связи с предстоящей войной против русских он под страхом смертной казни потребовал с юрты по одной строевой лошади, хорошо упитанной. А для прокормления войска еще «особый сбор» – по тысяче баранов с каждого родоправителя.

Мало того, он принуждал солтинцев и сарыбагышей вступить в его войско. И солто, и сарыбагыши затосковали. Молодежь пылала гневом, но ее сдерживали старики:

– Не время вставлять палку в муравейник. Плевать против ветра – заплевать себе лицо. Подождем слова орусов.

* * *

Из Пишкека в сопровождении «почетного» эскорта Шабдан Джантаев и Байсеит Тойчибеков отправились в Коканд. Там, в

² Вот что писал по этому поводу начальник Сыр-Дарьинской линии генерал-майор Данзас: «...Эти зякетчики простерли свою дерзость до того, что назначили подать по одной тилла за каждую взрослую девушку, за позволение выходить замуж; при этом разным бесчинствам не было конца, так, например, зякетчики свидетельствовали всех женщин и по грудям узнавали, замужем ли она, или девица...». Казахи возмутились, перебили и сборщиков, и их начальников-пансатов, и сопровождавших джигитов. Убили даже брата ташкентского правителя Мурзабая.

ханской ставке Урде посланцы удостоились лицезреть самого наместника Аллаха в этом краю – Малля-хана из династии Минг. Впоследствии в своей автобиографии Шабдан вспоминал: «...Малля-хан принял нас благосклонно и щедро наградил позолоченными саблями и ружьями и другим оружием, а также шелковыми халатами. Он отправил нас обратно со своим военным министром Канаатом, который шел с войском цротив русских» (привлекать подачками и звучными титулами кыргызских родоправителей, чтобы без помех грабить остальную народ – излюбленная тактика и кокандских ханов, и русских властей).

Кокандское правительство было всерьез обеспокоено продвижением русских в Заилийском крае. Малля-хан, энергичный и способный (по кокандским меркам) правитель, чувствовал: с севера надвигается гроза. Войска Белого царя уже твердо стояли на казахских землях, построив укрепления Верный и Кастек. Теперь они распространились и на территории Киргизии. Русские проникли даже на Иссык-Куль. Ненадежные кыргызы, всегда склонные к неповиновению и мятежам, готовы были по примеру бугинцев Боромбая Бекмуратова и Качибека Шералина принять русское подданство. По слухам, к этому же склонялись сарыбагыш Джантай, солтинец Байтык и другие.

Парваначи Рустамбек безуспешно пытался остановить продвижение русских. В июле 1860 г. после неудачного нападения на Каспек он был разбит на реке Шеренайгыр полковником Циммерманом. В конце августа – начале сентября Циммерман вступил в Чуйскую долину и разрушил укрепления Токмак и Бишкек – опоры кокандского владычества в Северной Киргизии.

В ответ Малля-хан принял решительные меры. В ташкентское наместничество бал назначен Канат-Ша, наиболее способный военачальник. Новый главнокомандующий получил широчайшие полномочия: собирать и расходовать зякет с подвластных племен, наказывать непокорных, объявлять войну и заключать мир. В его ведение поступали все кокандские укрепления на границе с казахской степью, включая крупнейшие из них – Мерке, Аулие-Ата и разрушенный Пишкек.

В начале октября передовые отряды кокандцев появились в Чуйской долине. Канат призвал к себе кочующих здесь солтинцев Джангарача и Байтыка.

– Я недоволен вами, – объявил он. – Вместо того, чтобы сражаться с врагами ислама, вы пошли к ним на поклон. Так-то вы служите хану!

Манапы сокрушенно разводили руками:

– Что оставалось делать? Великий хан далеко, а орусы – рядом. У них – ружья, пушки. Если сам Рустамбек бежал от них, что могли мы?

– Но Рустамбек не поздравлял русского начальника с успешным взятием Пишкека, как это сделали вы!

– Рустамбек собрал с нас чрезвычайную пошлину по золотой тилле с семьи и ушел в Ташкент, где спрятался за высокими стенами. А куда идти нам со своей земли, где спрятаться?

– Коран учит: каждому воздается по делам его. Вы изменили хану и должны понести наказание. Однако хан милостив, он только требует доказательств истинной преданности.

Манапы ответили, что готовы к доказательствам.

– Вот наше решение, – сказал наместник. – Пригоните пять сотен строевых лошадей. Войску нужны скакуны.

Манапы вздохнули и согласились.

– А также по два капа проса с каждого аила. Войску нужна пища.

Манапы опять вздохнули и тоже согласились.

– Это еще не все. Вы также оплатите все издержки на восстановление Пишкека и выставите тысячу человек для кладки новых стен.

И с этим пришлось согласиться родоправителям. А что им оставалось делать?

Когда они покинули негостеприимный шатер наместника, старый Джангарач сказал пожилому Байтыку:

– Легко отделались. Была бы голова здорова, а волосы отрастут. Канаат мог бы разграбить наши аилы, перебить людей. Вон сколько пригнал войска!

– Ему теперь не до нас. Русские сидят у него на затылке. С ними шутить не приходится, он это понимает.

* * *

Во второй декаде октября 1860 г. войска Канаата выступили к Узун-Агачу.

Навстречу ему двинул все наличные силы начальник Ала-

тавского округа полковник Г.А. Колпаковский. В долине реки Каракастек противники встретились.

У Колпаковского было около двух тысяч человек: пехота, казачьи сотни, сильная артиллерия.

Канаат вел против неверных двенадцати-пятнадцатитысячные войска, в основном конницу, вооруженную пиками и саблями. Пехоты насчитывалось тысяча сарбазов, набранных из всякого сброда, а также из рабов, купленных на базаре. Плохо обученные, скверно вооруженные (те же пики, сабли, изредка ружья старых образцов), эти части не могли идти ни в какое сравнение с русскими регулярными войсками. Еще одна пехотная часть 600 наемных «кзылбашей» (персов) тоже не представляла собой ценности.

Несколько медных и чугунных пушек, заряжающихся с дула (так называемых «китайча»), составляли артиллерию. Их везли на скрипучих двухколесных арбах. Два десятка верблюдов тащили тяжелые фитильные ружья, стрелявшие картечью. Боеприпасы везли в особых сундуках.

Строевой состав кокандской армии состоял в основном из южных кыргызов и кыпчаков. Были и отряды под командой знаменитого алайского владетеля Алымбека-датхи – около четырех тысяч человек. Именно с их действий началось военное столкновение: Канат-Ша поставил перед Алымбеком задачу: овладеть пикетом Узун-Агач.

В течение 19–20 октября Алымбек-датха предпринял несколько атак на укрепление, но был отбит с большими потерями. У начальника Узун-Агачского пикета поручика Соболева было всего 350 солдат и казаков при двух легких орудиях: именно эти орудия и залпы стрелков остановили джигитов Алымбека. Современный историк пишет: «Киргизы... вооруженные главным образом пиками и саблями, создавали много шума и крика, носясь нестройными толпами вокруг пикета, но (больше) решительных атак не предпринимали».

Узнав о неудаче, Канаат решил всеми силами обрушиться на отряды Колпаковского, надеясь подавить врага численностью. Колпаковский в это время двигался к кокандскому лагерю в долину реки Кара-су. Канаат разделил войска на две колонны. С развернутыми знаменами под бой барабанов и завывание бое-

вых труб кокандцы пошли в атаку. На окрестных холмах виднелись скопления всадников – джигиты Алымбека наблюдали за развертывающейся панорамой сражения.

Колпаковский, учитывая малочисленность своих частей, выдвинул вперед артиллерию и открыл шквальный огонь. Силу этого огня почувствовали и кыргызы, стоявшие на холмах.

... В этом бою Шабдан Джантаев впервые увидел армию европейского образца в действии. И был потрясен. Стройные роты со сверкающими штыками, повинующиеся единому слову начальников, лихие казачьи сотни на флангах и, главное, пушки, пушки, пушки! Когда сипаи пошли в атаку, первые ряды были буквально сметены ураганной картечью. До рукопашной дошло лишь в отдельных местах – все дело решили полевые орудия капыров. Это было что-то ужасное. Армия хана откатилась...

Во время этого сражения Шабдан совершил поступок, который привязал к нему сердце ташкентского кушбеги. Когда армия побежала, Канаат с кривой саблей наголо вылетел навстречу конникам и завертелся между ними. Голос его прервался сквозь гром пушек.

– Куда, несчастные! Позор вашим отцам! Остановитесь! Аллах акбар!

Джигиты с посеревшими от ужаса лицами пронеслись мимо. Вот картечь свалила одного, другой покатился в снег вместе с лошастью.

Еще один мчался с оторванной рукой, кровь хлестала на халат.

Следом за конниками бежали пехотинцы-сарбазы с обезумевшими глазами. Роты преследовали их скорым шагом, беглый ружейный огонь безостановочно выдергивал одного, второго, десятого...

– Кокуй! Аллах! – кричали сарбазы.

Что могли поделать они со своими пиками и саблями? Ударила картечь и скакун командующего, стоивший годового хараджа с целого селения, с жалобным ржанием пал на передние ноги, потом лег набок.

Кушбеги мрачно шагал по окровавленному истоптанному снегу, последние сарбазы перегоняли его. Все пропало... погибло. Как это могло случиться... Он пришел в себя, когда два спешившихся джигита взяли его под локти. Он узнал Шабдана и его слугу Баяке.

– Беклербек! Садись на моего коня! Смотри: оруссы приближаются.

– А как же ты? – Канаат слабо возражал, но уже вставлял ногу в стремя.

– Мы и на одном ускачем. Быстрее, быстрее! Вон джигиты орусов обходят нас с левого крыла.

Слева неслась казачья сотня, преследуя беглецов. Когда ташкентский правитель ускакал, Шабдан взгромоздился на круп сзади Баяке и они понеслись.

Недалеко бы ускакали двое на одной, но случилось то, на что Шабдан и рассчитывал: по полю металось множество лошадей без всадников. Аркан захлестнул шею скакуна, и вот уже Шабдан, вскочив на него, несется прочь...

Казачи замешкались самую малость.

* * *

Вечером 1 октября Канат-Ша собрал военный совет. На нем присутствовали виднейшие кокандские военачальники: пансаты (пятисотники) Ниязкул, Керимкул, Мулла-Кашук, парваначи Рустамбек, начальник ташкентских отрядов Шамаат-ходжа, Алымбек-датха Алайский, коменданты крепостей Мерке – Убайчи и Бишкека – Рахматулла.

– Я предлагаю вторично напасть на Узун-Агач, – сказал главнокомандующий. – Силы еще у нас есть.

– Опять попасть под чугунный град пушек! – воскликнул Рустамбек.

– Нужно действовать быстро и решительно. Калпак не ожидает сейчас удара, – возразил Канат. – Не можем же мы уйти, не победив врага!

Рустамбек полагал, что можно. Ушел же он, битый от Циммермана. Почему бы и Канаату не очутиться с ним в одной упряжке?

– Мои ташкентцы на верную гибель не пойдут, – вступил Шамаат-ходжа. – Аллах дал правоверным жизнь не для того, чтобы ее отобрали капыры.

– А что скажет парваначи Алымбек?

Мрачный Алымбек ответил:

– Мои джигиты привыкли иметь дело с подобными себе. Пиками, саблями, боевыми топориками они владеют в совершен-

стве. Но против этих чудовищ, которые плюются раскаленными кусками чугуна и железа, я их не пошлю. Пожалуй, завтра уведу их домой. Советую беклербеку присоединиться к нам.

– А что скажут пансаты?

Пансаты в один голос твердили:

– Благородный, уважаемый, почтенный беклербек сам видит: наше войско в тяжелом положении. Провиант на исходе. Снег покрыл землю. Наступили морозы. Люди одеты легко, а те, что из южных вилайетов – совсем плохо. Все ропщут, а ропот войска опаснее любого врага. Надо уходить.

– Но что мы скажем хану? – в отчаянии спросил Канаат. Алымбек надменно ответил:

– Скажем, что победили. И это будет правдой: мои лазутчики донесли, что Калпак со всеми своими сипаями отступил и ушел по дороге в Верный.

* * *

Сражение при Узун-Агаче навсегда положило конец господству кокандцев в Северной Киргизии. Родоправители северокиргизских племен убедились в неспособности ханства противостоять русским войскам. У солтинцев, сарыбагышей, бугинцев не было никаких оснований для верности кокандскому трону – от ханской власти кроме всяческих притеснений, бесконечных поборов, а то и прямо грабежей они ничего не видели.

Чаша весов склонялась на сторону России.

Отступив в Чуйскую долину, войска Канаата вскоре ушли и отсюда. Надвигалась зима. Кушбеги, организовав срочные работы по восстановлению Пишкека, отбыл в Ташкент. Перед этим он вызвал к себе Шабдана:

– Коран говорит: каждому да воздастся по делам его. Ты совершил подвиг, достойный песнопений. Хочешь остаться бекком в Пишкеке?

– Да простит меня почтеннейший кушбеги – не хочу.

– Какова же причина отказа?

– Я не смогу собирать зякет и прочие подати с моих родичей так, как это делали Атабек-датха или Рустамбек-парваначи. Позволь мне служить хану возле тебя.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАБДАНА ДЖАНТАЕВА В ТАШКЕНТЕ

1. Первое знакомство с Ибрагимом

Закончив неотложные дела, беклербек* вызвал Шабдана.

– Джигит! Твой знатный род и твой подвиг, достойный песнопений, обязывает меня к тому, что я сейчас скажу. Ты отказался от бекства в Пишкеке. Платить золотыми тилла я не могу: сколько ртов! сколько расходов! По обычаю ты имеешь право на мюльк. Я даю в пользование тебе кишлак Алтын-Су. Это обельный мюльк: все предписанные законом сборы с этого селения принадлежат отныне тебе и ты можешь не вносить в ханскую казну ни единого пула. Кишлак небогатый, но у меня нет пока лучшего. Потряси как следует жителей, и они развяжут пояса.

Узнав о награждении Шабдана, к нему подступили два приятеля: Пасим-Кулак и Али-Шир.

– Знаем этот кишлак. Он ничтожен, однако может принести доход, если взяться умеючи, – сказал Пасим-Кулак.

– Надо поехать туда, все осмотреть хозяйским глазом. Если доверить дела амлякдару (сборщику налогов), тот непременно присвоит половину, – добавил Али-Шир.

– Мы поедем с тобой! – вскричал Пасим-Кулак, хлопнув Шабдана по плечу. – Ты неопытен, а неопытность подобна слепоте.

... Кишлак был приметен еще издали – по молодым топлям. При ближайшем знакомстве он оказался маленьким, жалким, состоявшим из трех десятков лачуг в окружении огородов и совсем еще молодых садилов.

Али-Шир пояснил:

– Малля-хан, Повелитель наш, будучи в Ташкенте приказал устроить здесь селение, распахать бросовые земли. Из окрестных селений пришли безземельные и осели здесь: хан освободил их от податей на целый год. А потом еще год владел этим мюльком парваначи Рустамбек. Боюсь, он обобрал жителей до нитки и тебе нечего будет с них взять.

– Всегда можно найти, что взять, если постараться, – заметил Пасим-Кулак.

* Военачальник

– С одной овцы две шкуры не снимешь, – сказал Шабдан. – Но сначала увидим, потом решим.

У околицы гостей встретила небольшая толпа: угрюмые лица, рваные халаты. Лишь один человек имел свежее лицо и добротный халат.

Он принялся восклицать:

– Прибыли господа, подобные звездам! На колени, ничтожные, перед светлейшими беками!

Толпа рухнула на колени.

– Кто ты, о человек? – спросил Али-Шир,

– Я амлякдар на службе солнцеподобного хана.

– Ты больше не надобен. Это владение отныне принадлежит вот этому беку, – он показал на Шабдана. – Вот грамота на мюльк. Передай это своему серкеру (начальнику округа). Ступай. Кто из вас старший? – обратился он к толпе.

Выступил худой как жердь человек в рваном халате с козлиной бородкой.

– Я кишлачный аксакал Бабаджан, сын Амиджана.

Али-Шир и Пасим-Кулак расхохотались:

– Ну и аксакал! Сухая урючина.

– Я такой же чайрикер, как и мои соседи, а чайрикеры пузатыми не бывают.

– Ну и чайрикер! Кожа да кости, как ты не рассыпаешься на ходу.

– Верно, господин, – ответил аксакал. – Кожа да кости – главное. Друг другу помогают. Кости держат кожу, чтобы не опала, а кожа – кости, чтобы не развалились, хотя известно, для тощей лошади и хвост – в тягость.

Гостей некуда было даже пригласить – для таких важных лиц жалкие мазанки, разумеется, были непригодны. Беки зашли в мазанку Бабаджана – на улице стоял мороз.

– Эй, а где угощение? – спросил Пасим-Кулак.

Бабаджан поклонился.

– Я послал в соседний кишлак за китайским чаем. Сейчас прибегут.

– Прибегут? Что же, в кишлаке нет коня?

– Нет, пресветлый бек. Был один ишак, на нем уехал вчера за хворостом другой ишак по имени Максут и у него отобрали первого ишака сборщики хана.

– По какой причине?

– Он не смог уплатить отун-пули (подать за право собирать курай, хворост на топливо). Не нашлось самой мелкой монетки.

– Что же, во всем кишлаке нет денег?

– Нет, сиятельный бек. Все забрали сборщики.

– Да вы просто лентяи, потому и бедны! Разве не знаешь поговорку: будешь работать – к зиме оденешься, не будешь работать – всю зиму дрожать придется.

– Начальник что ни скажет, все правда! – ответил Бабаджан. – Только я всю жизнь работаю, – он показал свои руки. – И каждую зиму дрожу, – он потряс своим рваным халатом.

– Трудлюбие – отец достатка, бережливость – мать его, – поучал Али-Шир. – Если есть с оглядкой – останется целый баран; если есть умеренно – останется половина, если есть до отвала – что останется?

– Золотые слова, – подтвердил чайрикер. – У меня четвертый год один баран – и все целый...

Подали чай и к нему три просяные лепешки, серые от золы.

– Что это такое? – спросил Пасим-Кулак брезгливо. – Разве такой хлеб подают бекам?

Бабаджан поклонился в пояс.

– Да простит Высокорожденный мое жалкое слово: нет пшеницы во всем кишлаке. Сборщики нашего великого хана забрали в счет хараджа.

Али-Шир сделал глоток, скривился и выплюнул. Остатки плеснул в лицо Бабаджану:

– Пес! Да подавится твой отец таким чаем!

– Наглость твоя не имеет предела, – поддакнул Пасим-Кулак и пнул хозяина сапогом.

Шабдан тоже глотнул – отвратительный, чуть теплый напиток, похожий на ополоски.

Бабаджан кланялся, глухо бубнил:

– Сейчас будет мясо. Барана уже зарезали, хворост притащили.

Наконец подали баранину, а в щербатых кисах – крепкий бульон, сдобренный травами.

– Где соль? – скривился Али-Шир.

Бабаджан забеспокоился, раскрыл рот, но в это время вбежал запыхавшийся мальчишка с крошечным кулечком в руке.

– Вот соль, – Бабаджан развернул кулечек, положил перед гостями.

Пасим-Кулак недоверчиво разглядывал крупнотолченную соль: в ней темнели крапинки песка.

– Что же, у вас в кишлаке другой соли нет?

– У нас вообще нет соли, еще в прошлом месяце кончилась.

Пришлось посылать к соседям.

– Почему же вы не послали человека в соляные копи?

– За добычу соли тоже надо платить подать, – намак-пули.

– Никогда не поверю, чтобы кишлачному жителю нечего было продать на базаре и выручить десяток таньга! – сказал Али-Шир.

– А что продать? Все забрали доблестный парваначи Рус-тамбек и амлякдары. А если и повезешь полмешка урюка – что за него выручишь? За переправу требуют пошлину – кеми-пули, за место на базаре – пошлину – теги-джай. Если останется одна таньга, то ее не хватит уплатить за арычную воду – су-пули (а ведь арык мы сами проводили), чтобы было чем полить ту самую урючину.

– Так сложится и продайте одного барана – он стоит три тилла. Этим вы с избытком покроете все базарные и арычные пошлины. Или скажешь, у вас и баранов нет?

– Было несколько, да их забрали сборщики: одних в счет зякета, других – как подать с гумна. На весь кишлак осталось два барана, одного опять-таки забрали сборщики, потому что нам нечем было уплатить пошлину за пользование пастбищем – кок-пули.

– А второго?

– Второго подали вам.

– Послушать тебя, так у вас все сборщики забрали. Сдается мне, – Али-Шир обратился к Шабдану. – Этот староста – большой плут. Зря мы отпустили амлякдара – тот бы мигом нашел все, что эти бессовестные припрятали. Советую тебе: проучи его хорошенько, да пройдишь по дворам – сразу все отыщется.

Шабдан невольно вздохнул. Ему вспомнились многочисленные поборы, которыми ханские сборщики облагали его родные кочевья. Алар-зякет – по овце с каждой полусотни, иной раз – из сорока. Тюндюк-зякет – еще по одной овце с каждой юрты. И еще харадж – по три овцы с гумна, ведь кочевники обязательно

имеют пашни, иначе где взять пшеницу и просо для лепешек, талкана, бозы, джармы? А золотая тилла – монета, равная цене трех баранов? Ее собирали раз в несколько лет на военные нужды, последнее время собирали каждый год.

И это еще не все. Кокандские власти требовали с сарыбагышских и солтинских родов каждую осень до 5000 пудов проса и пшеницы – на прокормление гарнизонов. Помимо всего этого, приходилось еще и кормить зякетчи, которые из осторожности ходили большими партиями.

За что про что все эти подати? Казии говорят: так велит шариат. Но земля с незапамятных времен принадлежала сарыбагышам, бугинцам, солто, саякам – причем здесь кокандский хан и его сборщики?

– Эй, староста! – сказал наевшийся Пасим-Кулак. – Подай-ка мне вашего насвая, свой я забыл дома.

– Пусть простит господин печальное слово, но у нас во всем кишлаке нет насвая.

– Что же, вы не сеете табак?

– Посеяли немного, но его забрали сборщики в счет табачной пошлины – тамбаку-пули...

Пасим-Кулак так рассвирепел, что бедный староста в страхе выскочил за дверь.

– Я здесь больше не останусь, – кричал бек. Сейчас же возвращаюсь в Ташкент!

– Я тоже, – поддержал Али-Шир.

– Я остаюсь, – отозвался Шабдан. – Надо же разобраться с жителями.

– Советуем взять десяток сипаев и потрясти здешних скряг: без плетей и таньга не вытрясешь!

* * *

После ужина Шабдан вышел познакомиться с жителями кишлака. Они уже собрались у мазанки старосты – молодые, старые, прямые и сгорбленные, в рваных халатах и жалкой обуви из сыромятной кожи. В толпе он заметил молодого парня в кыргызской шапке. На вопросы бека парень ответил: да, он кыргыз с Алая, живет вон в той мазанке пока один, жены нет – на калым средств не хватает. Да еще на пошлину за женитьбу.

Шабдан велел парню отвести коня к себе во двор.

В толпе перешептывались:

– Будет у него ночевать. Беда Ибрагиму: ведь у него только одна кошма да рваное одеяло – подушки и той нет! Надо собрать по дворам, иначе все мы отведаем плетей.

* * *

– Не бойся меня, парень, – сказал Шабдан. – Я вижу, ты беден. Угощения больше не нужно. Разве что принеси чаю – жажда одолевает.

Приняв пиалу, Шабдан протянул хозяину три золотые монеты, на каждой было выбито имя Малля-хана.

– Вот тебе на калым...

У Ибрагима глаза полезли на лоб. Он стоял как истукан.

– Бери, не бойся¹. Да садись, побеседуем. Я тоже кыргыз. Из сарыбагышей. Расскажи мне, как ты оказался здесь.

Ибрагим присел в отдалении, у самого порога. Лед недоверия растаял: золотые тилла оказали магическое действие. Поощряемый доброжелательной улыбкой и сочувственными возгласами бека, он неожиданно для самого себя рассказал все.

Когда-то давным-давно саякский бий Жамболот, дед знаменитого Тайлак-батыра, вывез предков Ибрагима с берегов реки Или. Жамболот прославился разбойничьими набегами на близких и дальних соседей. Из его пленников в Центральном Тянь-Шане со временем даже образовались маленькие роды – осколки соседних племен и народов: кытай, мундуз, кыпчак, саруу, калмак, таджик, казах. Прадед, дед и отец Ибрагима были рабами. И сам он от рождения наследственный раб – кул.

Каждый джигит должен знать семь поколений предков – джети ата. Он, Ибрагим, знает только четыре. Да и позволительно ли рабу иметь свою родословную? Он запомнил из рассказов умершей матери, будто ее отца выиграл как приз на скачках отец Алымбека-датхи Алайского. С тех пор они жили на Алае. Что

может быть тяжелее рабской доли? Отец погиб при снежном обвале, спасая хозяйских овец. Мать умерла от укуса ядовитого клеща. Сам Ибрагим с детства был приставлен к Абдулла-беку, старшему сыну Алымбека-датхи и Курманджан. Молодой хозяин отличался властным и жестоким нравом, у раба выявился строптивый характер. Поэтому плети, зуботычины ему доставались каждый день.

Он не выдержал и сбежал. Поймали. Абдулла-бек самолично задал ему знатную трепку и, не желая терпеть дерзкого подле себя, велел продать в Оше на базаре.

Правили в то время Кокандом Худояр-хан и тесть его кыпчак Мусульманкул². Тогда впервые некоторых преступников, приговоренных к смертной казни, стали отправлять на страшный свинцовый рудник Кан-и-Гут («Рудник смерти»). Попал туда и раб Ибрагим.

В глубине гор есть прикрытый со всех сторон холмами большой грот. Внутрь ведет узкий лаз. Там, под землей, он разветвляется на многие лазы, ведущие к рудным жилам.

Ходы тянутся на много сотен гyzов, то сужаются так, что еле-еле пролезть тощему человеку, то расширяются в залы и комнаты величиной с юрту – в таких местах выработали всю свинцово-серебряную руду многие поколения рудокопов при свете чадящих факелов. Иногда в заброшенных штольнях встречаются кости и черепа. Попавшему сюда нет обратной дороги в мир, где зеленеют пастбища, блеют бараны.

Целый день несчастные долбят эту руду, из которой потом делают свинец для ружей и звонкие таньга. А того, кто возвратится из лаза с пустыми руками, стражники убивают на месте.

– Как же ты вырвался оттуда? – спросил Шабдан.

– Со времени цветения маков до времени откочевки на зимовье долбил я камень в горе. А потом... однажды... смеркалось... я вылез наружу с рудой, убил стражника и убежал...

Шабдан долго молчал, потом залез в пояс, вынул оттуда еще золотую монету и протянул Ибрагиму:

– Добавь к калыму... Ты настоящий джигит.

¹ Современники единогласно подчеркивали удивительную щедрость Шабдана и его весьма демократичное отношение к простому народу. Бишкекский начальник писал: «Он любит пустить пыль в глаза, отдает из-под себя лошадь встречному...».

² Первое правление Худояр-хана: 1844–1858 гг.

* * *

Наутро Шабдан уехал. Он твердо решил отказаться от пожалованного ему мюлька,

Сельчане собрались у мазанки Ибрагима (он никому не сказал о подарке бека, ведь соседи потребуют дележа. И тогда прощай навек мысли о женитьбе).

Старый Максут (тот, у кого отобрали последнего ишака) покачал головой:

– Как жить дальше? Там – ханские сборщики, здесь бековые сборщики. Заблеешь – волк сожрет, не заблеешь – чабан зарежет.

– Слушай, - спросил кто-то у старосты, – то, что поменялся у нас хозяин, – лучше или хуже?

– Какая разница! – отвечал Бабаджан. – Белая собака, черная собака – все равно собака. А теперь вот что скажу я вам, земляки. Был у меня баран, и того съели гости. Что осталось? Эта развалюха, кетмень да рваный халат. Брошу все, пойдём-ка мы с халатом вдвоем в хадж.

Сельчане разом загомонили:

– Одумайся, Бабаджан! Куда от земли, от крыши?

– Утке потоп не страшен. Мертвый бык топора не боится. Когда ничего нет, и заботиться не о чем. Тридцать лет пытался жить я трудом рук своих, а что получилось? Живут беки да баи, а тот, у кого кетмень в руках, сам в булыжник превратится. Верно, что пеший конного не догонит.

Бабаджан запахнул полы драного халата, поклонился односельчанам:

– Да пребудет с вами Аллах. Пойду.

– Не делай этого! Везде есть беки, везде достанут ханские сборщики. К тому же говорят, на дорогах развелось много разбойников. Последнее отнимут.

– Чего мне бояться? С голого и семерым шайтанам штанов не снять. Прощайте.

2. *Осада Ташкента*

В самом начале весны 1862 г. весь Ташкент был взбудоражен известиями, поступившими из столицы. Их привез гонец на

взмыленной лошади. Онбаши* , охранявший ворота Карасарай, сразу узнал его: доверенное лицо Канат-Ша, сотник Пасим-Кулак. Вид у него был истерзанный. Он только сказал: «Большая беда. Скорей к бекпербеку».

Канат-Ша принял гонца в личных покоях и коротко побеседовал. После этого был созван военный совет. Присутствовал и сотник Шабдан.

Гонец рассказал, что в ханской ставке Урде давно уже плелись нити заговора. Многие высокопоставленные лица из ханского окружения были недовольны тем, что Малля-хан стал оказывать предпочтение людям из коренной кокандской знати в ущерб могущественным предводителям кочевых родов. Он обласкал Канат-Ша, чем вызвал зависть Алымбека, Алымкула и других.

И вот, в ночь на 24 февраля, когда дворец погрузился в сон, раздалась крадущиеся шаги заговорщиков. Стража оказалась подкупленной. Алымбек, Алымкул, Кыдыр, датха Худай-Назар, мирза Мад-Ибрагим и с ними еще трое, ворвались в спальню Малля-хана и убили его. А на другой день ханом был объявлен Ша-Мурат (Самрат) – сын давно убитого Алим-хана. В мечетях провозгласили здравницу новому повелителю,

– Более того, – рассказывал Пасим-Кулак, – собирается целое войско идти на Ташкент, сместить почтенного бекпербека, а все наши головы отдать палачу. Я еле прорвался через заставы и загнал трех лошадей.

– Что будем делать? – спросил Канат. – Говорите.

– Может быть, следует поднять кочевников?

Все посмотрели на Шабдана. Тот молчал.

– Нет, – сказал кушбеги. – Казахи связались с русскими, а чуйские кыргызы не пойдут: только что пишкекский бек закончил сбор зякета и они раздражены. Сделаем по-другому. Соберите всех сарбазов и джигитов в город. Укрепите стены. Готовьте оружие. Мы будем обороняться здесь. Я уже послал Али-Шира в Бухару за Худояр-багатуром. Он царствовал, он законный наследник трона своего отца Шералы. Как только он прибудет, провозгласим его повелителем правоверных. Тогда многие отойдут от Ша-Мурата. Аллах акбар!

* Десятник

* * *

Пятьдесят два дня кокандские войска осаждали Ташкент. С высоких крепостных стен были видны многочисленные отряды всадников – то южные кыргызы и кыпчаки. Сарбазы, завербованные из бадахшанцев, афганцев и даже индийцев, раскинули большой лагерь, обставленный телегами, напротив ташкентских ворот Карасарай.

Изредка с обеих сторон постреливают медные и чугунные пушки; от них много шума и мало пользы.

Кокандские предводители рассчитывали на скорую сдачу Ташкента. Но опытный военачальник Канаат-Ша успел хорошо подготовиться. В крепости значительный гарнизон, запас продовольствия велик, оружия достаточно. Осажденные чувствовали себя уверенно и с азартом участвовали в словесных перепалках с противником.

– Эй, собаки Канаата! – кричали снизу. – Погодите! Возьмем Ташкент и повесим вашего кушбеги вместе с Худояром на воротах. Переходите к нам, не опоздайте!

– Суньтесь только! – отвечали со стен. – Вот подпалим вам бороды – собственные жены не узнают!

Вечером того же дня Шабдан прогуливался вместе с Баяке по стене, разглядывая вражеский стан. Вдруг снизу он услышал знакомый голос:

– Щедрый господин!

Это был голос Ибрагима. Шабдан спросил для верности:

– Это ты, алайский беглец?

– Сбросьте конец аркана, щедрый господин.

Небольшой аркан у Баяке всегда с собой. Стена здесь не очень высокая, должно хватить. Что задумал Ибрагим? Вдвоем они стали быстро перебирать потяжелевшую веревку.

Кто-то заметил движение на стене, послышались громкие крики, просвистела стрела, грянул ружейный залп. Ибрагим тяжело перевалился через зубцы.

– Немножко ранили. Пустяк. Чуть не схватили.

У чайрикера оказалась содрана кожа на боку – от удара пикой и разорван халат.

Ибрагим рассказал: его насильно забрали в сарбазы и пригнали к стенам Ташкента. Селение разграбили дочиста, жители разбежались.

– Завтра они собираются брать приступом город. Я слышал: сарбазы будут наступать на ворота Карасарай.

Шабдан доложил беклербеку. Канаат опять созвал военный совет.

– Если сообщение верно и люди Самрата пойдут на приступ, надо сделать вылазку. Нельзя допустить, чтобы разбили ворота. Приготовьте храбрецов, вызовите охотников.

Наутро кокандцы осыпали защитников тучей стрел, палили из ружей, долго и безрезультатно бабахали из пушек. Потом притащили огромное бревно и под прикрытием деревянных щитов принялись разбивать кованые створки ворот.

– На вылазку! – приказал Канат-Ша.

– На вылазку! – скомандовали пансаты и туббаты.

Сипаи столпились у стен и ворот. Снаружи тяжело бил таран.

– Вперед, труссы! – кричали начальники.

Сипаи толкали друг друга локтями, переглядывались, но ни один не решался начать. Да и зачем им это нужно? За нищенское жалование?

Канаат, видя нерешительность своих людей, сказал с горечью:

– Неужели не найдется ни одного храбреца? Аллах, Аллах, зачем я дождался до этого дня?

Шабдан толкнул в бок Баяке.

– Ага! – сказал Баяке. – Можно через стену. А вот и лестница.

– Дозволь нам попробовать, – обратился Шабдан к беклербеку.

– Бери сотню молодцов и начинай с помощью Аллаха, – обрадовался тот. – А вы, – он грозно обернулся к притихшим сипаям, – если не последуете за храбрецами, горе вам!

Шабдан и Баяке подтянули лестницу к стене и полезли вверх. С ними полез и Ибрагим.

Важно начать первому. Тотчас десятки лестниц привалились к стене и сипаи, гремя саблями, дружно устремились на стену. Быстро перекинули лестницы на ту сторону. Шабдан, Баяке и Ибрагим спрыгнули первыми, за ними посыпались сипаи.

Осаждавшие с воинственными криками устремились навстречу. Завязалась рукопашная. К тем и другим беспрестанно прибывали подкрепления и скоро побоище стало всеобщим. Открылись ворота Карасарай, и сам беклербек во главе тысячи джигитов бросился в сечу.

С обеих сторон пало много людей: В конце концов ташкентцы взяли верх и кокандские войска обратились в бегство. Их гнали до самого лагеря.

Кокандцы вынуждены были снять осаду и отойти в ожидании подкреплений. Но вместо этого к городу подошел Худояр с трехтысячным бухарским войском.

Тогда осмелевший Канаат повел своих сипаев на кокандцев. В том бою Шабдан опять отличился. Пятьсот сарбазов под его командованием ударили во фланг неприятеля и опрокинули его левое крыло. Опасаясь окружения, враги отступили к Коканду.

За подвиги Худояр-хан по представлению Канаата назначил Шабдана Джантаева Беком в Азрет-Султан (г. Туркестан).

Такая милость пришлось совсем не по душе батыру. Но что делать? Пришлось благодарить. Шабдан все-таки ухитрился выпросить отсрочку для поездки на родину, Участливый Канаат помог, шепнув хану:

– Пусть едет. Влияние его на сородичей велико. Он, как верный слуга солнцеликого хана, донесет в те края весть о нашей великой победе.

В КОКАНДСКОМ ПОХОДЕ

1. Войсковой старшина

В середине мая 1864 г. генерал Черняев приказал восстановить располагавшуюся в удобном месте крепость Токмак. Здесь проходили скотопробгонные тропы и древний торговый путь. К тому же, как писал исследователь Радлов, отсюда «с удобством можно защищать южные ущелья».

Токмак стал уездным центром. Начальником уезда стал майор Г.С. Загряжский. Это был человек широких интересов. Загряжский устанавливал дружеские отношения со всеми кочевавшими здесь родами. От Шабдана Джантаева он почерпнул множество сведений об укладе жизни кочевников.

С начала 1868 г. Загряжский отправился по кочевьям. Он должен был переписать податное население, разбить айлы на волости, выбрать старшин. Конечно же, без сильной поддержки

уважаемого кочевниками родового правителя нечего было и думать о выполнении поставленных задач. С ним поехал Шабдан Джантаев со своими джигитами.

Все последующее произошло в бывших кочевьях саякского манапа Осмона Тайлакова, в Кетмень-Тюбе.

Отделившись от основного отряда, Загряжский с несколькими кыргызами, переводчиком и писарем отправился в соседний аил.

– Мало людей берешь, майор, – заметил Шабдан.

– Больше и не требуется, – отвечал Загряжский. – Кокандцы далеко, а здешние кыргызы – российские подданные.

– А Якуббек?

Загряжский знал, что люди Якуббека баламутят здешний народ, но только усмехнулся.

Якуббек, правитель соседнего Кашгара, нашел могущественного союзника – Англию. Теперь он готовился, по слухам, к вторжению в эти земли. Здесь, на Тянь-Шане, его поддерживал манап Осмон Тайлаков. Еще недавно Загряжский, узнав об их связях, задержал сына Осмона и отправил в качестве заложника в Верный. В ответ на это Осмон откочевал со своими айлами – 700 юрт – в кокандские пределы.

Уездный начальник проводил выборы айльных и волостных старшин. Съехалось много народу, были шум и споры. Наконец, к ночи все уладилось. Уставший майор отправился в свою юрту и с удовольствием растянулся на одеялах. В соседней юрте укладывались его люди. Аил затих, лишь лениво брехали собаки, да со стороны развалин кокандской крепости Тогуз-Торо доносились мрачное уханье филина.

Разбудили его истошные крики. Он различил голоса писаря, переводчика и чьи-то гортанные воинственные – чужие. Быстро выскочил наружу с двумя револьверами в руках.

При свете звезд снова было множество фигур; вот вспыхнул один факел, второй, третий... Какой-то всадник властно приказывал:

– Ищите начальника, дети шайтана!

Кто-то набросился сзади, майор двинул плечом, выстрелил наугад. К нему кинулись сразу несколько человек, один высоко держал факел. Майор послал пули в эту группу, факел упал и продолжал гореть на земле коптящим пламенем. Раздался крик

боли, чьи-то проклятия. Еще несколькими выстрелами он отогнал нападавших и помчался в сторону горного склона, где темнел лес. За ним устремилась погоня...

Шабдан крепко спал, когда ворвался Баяке и закричал:

– Спишь? Твоего майора взяли в плен, а сейчас, может быть, убили!

Шабдан вскочил.

– Ну да! – говорил уже более спокойно Баяке. – Только что прискакали табунщики и все рассказали. У Тогуз-Торо напал Осмон, сын Тайлака... Беда!

Шабдан искренне симпатизировал Загряжскому. Но еще больше любил он свой народ. Перед глазами встал Узун-Агач, непобедимые стройные роты, гром артиллерии и сарбазы Канаата, снопами валившиеся на мерзлую землю... Безумец этот Осмон! За гибель уездного начальника придут отомстить войска. Нельзя терять времени!

Шабдан Джантаев всегда действовал в нужную минуту решительно и хладнокровно.

– Поднимай джигитов! – приказал он и сам выскочил из юрты. Через час двести всадников – все что можно было собрать за такой срок – уже скакали к месту происшествия.

На рассвете они обрушились на людей Осмона... Шабдан потерял в бою двоих, под ним самим убили двух лошадей, но враг был разгромлен. Осмон бежал, как выяснилось, не с пустыми руками – увел пленниками всю свиту майора, двух волостных старшин и одного кандидата на должность айльного старшины. Юрта Загряжского оказалась разграбленной: исчезли многочисленные подарки, заготовленные для старшин – часы, пояса, халаты. Самого же майора нигде не было.

Шабдан страшно расстроился.

– Кто видел начальника? – обратился он к толпе айльных жителей.

Никто не видел. Майор бесследно исчез.

– Может быть его увел все-таки Осмон? – предположил кто-то из толпы.

– Пай, пай! – закричал другой, показывая в сторону леса. – Смотрите, смотрите!

К айлу четкой военной походкой, лишь слегка прихрамы-

вая, шел, как ни в чем не бывало, Загряжский. Шабдан радостно завопил и побежал к нему навстречу.

Картина была поистине умирительной: уездный начальник и батыр крепко обнялись и троекратно расцеловались, по-русски...

За спасение административного чина правительство пожаловало Шабдана золотой медалью и почетным халатом второй степени.

2. Кокандский поход

В 1873–76 гг. Кокандское ханство переживало агонию. Худояр-хан, наименее талантливый и наиболее жестокий правитель, помимо старых, привычных налогов ввел новые, буквально на все. К поборам прибавлялись бесконечные трудовые повинности, исполнять которые население принуждалось с крайней жестокостью.

И народ восстал. Во главе восставших встал простой кыргыз Мулла-Исхак из племени бостон. Он принял имя Пулат-хана, внука Алима, принца из царствующей династии Минг. Это восстание вскоре слилось с движением кокандских феодалов во главе с Абдуррахманом Афтобачи, который объявил газават против неверных. Худояр-хан, а затем и его преемник Наср-эд-дин отдались под защиту русских властей. Восставшие подняли по древнему обычаю на белом войлоке Пулат-хана и провозгласили его правителем Коканда.

Русские войска под командованием генерал-губернатора Кауфмана начали военные действия. Фактически же армией руководил генерал Скобелев.

* * *

1875 год. Шабдан нес службу с сорока джигитами на русско-кокандской границе при казачьей сотне барона Штакельберга. По вызову Кауфмана он отправился в Фергану. Кауфману нужен был не сам Шабдан, а его имя, имя знатнейшего кыргызского манапа, вставшего на сторону русских. Пусть участники газавата призадумаются...

Тронулись в путь. Подъезжая к Сузаку, услышали, что перед Андижаном в Аим-кишлаке стоит Пулат-хан с большим войском. Не пробиться!

Шабдан подозвал одного из джигитов:

– Мамыркан! Возьми запасную лошадь и скачи к генерал-губернатору под Андижан. Расскажи о нашем положении. Жду тебя через три дня.

Прошел третий день. Четвертый. Пятый. Доходили слухи, будто бы русские разбиты под Андижаном. Передавали подробности о ежедневных казнях, проводимых по приказу Пулат-хана. Якобы каждое утро он садится на трон, вершит суд и расправу, а двенадцать палачей в красных одеждах тут же приводят приговоры в исполнение. Ожидание становилось тягостным. Мучила неизвестность. Сумел ли добраться его посланец до Кауфмана? И Шабдан решил. Он попросил у хозяина дома, в котором остановился:

– Уважаемый Мамед-улы. Дай мне твою старую одежду и лошадь. Возвращу завтра в полдень. За пользование плачу три серебряных таньга.

Мамед-улы, пожилой оседлый кыргыз, пожевал губами:

– Какая нужда знатному батыру превращаться в чайрикера* ?

– Э! – отвечал весело Шабдан. – Разве ты не знаешь историю Мурадбека, хана Кокандского после Шералы? Он правил семь дней, потом семь лет скрывался, а следующие семь лет торговал красным товаром на кокандском базаре. Что не зазорно хану, то не зазорно и мне.

Переодевшись, Шабдан стал неузнаваем – вот что значит одежда! Баяке он приказал:

– Ждите меня завтра в полдень. Если не вернусь, поворачивайте коней навстречу Штакельбергу. – И уехал.

Он проезжал разграбленные опустевшие селения. Ближе к Андижану стали попадаться отдельные всадники и группы всадников – южные кыргызы и кыпчаки, судя по одежде. Все вооружены. Никто не обращал внимания на одинокого бедняка на старой кляче.

В селении Аим-кишлак разместилось войско Пулат-хана, готовящегося нанести удар по русским, осаждавшим Андижан,

* Бедняк – земледелец.

– все это Шабдан узнал из разговоров без особого труда. «Тысяч десять-пятнадцать, – мысленно прикинул он. – И все они обречены». С таким скопищем плохо вооруженных, плохо обученных, не знавших дисциплины вчерашних табунщиков Пулат-хану никогда не победить.

Смеркалось. Шабдан так и не нашел себе места для ночлега. Все дома оказались заняты. Всюду повстанцы, вьется дымок из-под казанов, пахнет бараниной. Но нигде не видно хозяев – местных сартов, извечных земледельцев. Лишь в одной усадьбе он увидел, что из дверей выскочил хозяин, чем-то похожий на пишпекского «Хранителя ворот», и принялся надтреснутым голосом кричать на джигитов, перетаскивавших сено для своих коней. Следом выскочила женщина в парандже и втащила за руку старика обратно.

В сумерках он решил проехать через площадь, где, по слухам, располагалась временная резиденция Пулат-хана. Он увидел виселицу, а на ней – неподвижные фигуры. В одной из них, крайней справа, он узнал своего посланца Мамыркана. Неподалеку сидели стражники и угощались лепешками, запивая кумысом из бурдюка. Шабдан проехал, не останавливаясь.

Заночевал он на заброшенном поле, завернувшись с головой в старый халат. Он узнал все, что нужно, и мог бы уехать. Но какая-то сила толкала остаться – очень уж хотелось посмотреть на этого самозванного Пулат-хана...

Чуть свет, голодный и продрогший, Шабдан вернулся в селение, с великим трудом раздобыл чашку горячего бульона с куском лепешки за пол-таньга (цена неслыханная) и стал ждать. И все-таки чуть не прозевал. Когда он пробился на площадь, Пулат-хан уже уходил. Двое джигитов почтительно придерживали его под локти. На вид мужчина еще совсем молодой, не старше Шабдана, невысокого роста, щуплый, с тонкой шеей и нервным лицом, на котором выделялись реденькая борода и черные глаза – такие черные, будто сажа от казана. Они и блестели как сажа, по которой провели мокрым пучком травы.

Высоко над морем голов вознесся помост. Там суеилось несколько фигур в ярко-красном. Палачи. Шабдана передернуло. На краю помоста в роскошном халате с саблей на боку стоял рослый мужчина и громко читал по свитку.

– Абдумумын, кураминен, – шептались в толпе. – Карающая рука Пулат-хана».

Выводили осужденных. Из оглашенного списка явствовало, что казнили ростовщика, обманувшего повстанцев, трех бедно одетых людей – шпионов орусов, а также бека, сторонника Наср-эд-дина, а с ним – шестерых его джигитов.

Заработали палачи. Шабдан, выбравшись из толпы, сел на свою клячу и поехал узкими переулками. Было бы сейчас под рукой сотни три его джигитов, да столько же казаков – и от этого воинства ничего бы не осталось, они рассеялись бы как осенние листья под бурным порывом ветра.

Дробный конский топот слышался сзади. Шабдан ехал не оборачиваясь. Топот приближался. Шабдан благоразумно съехал на самую обочину, как и подобает ничтожному чайрикеру. Догонявший всадник, поравнявшись, протянул руку, схватил Шабданову клячу под уздцы и резко осадил коня, заставил Шабдана остановиться.

Это был рослый воин с круглым злым лицом; за плечами его торчало дуло ружья.

– Что хочет бек от мирного путника? – кротко произнес Шабдан; в это мгновение он пожалел, что нет с ним револьвера, давнего подарка Загряжского.

– Мирный путник, говоришь? – всадник прищурил и без того узкие глаза. – Эй, собака! Я еще со вчерашнего вечера за тобой наблюдал, как ты шнырял по кишлаку, высматривал, вынюхивал. Ты – шпион!

– Какой я шпион, побойся Аллаха!.. Отпусти меня: ты – кыргыз, я – кыргыз...

– Говори, кто тебя послал? Кауфман? Наср-эд-дин? Или оба вместе?

– Вот я пожалуюсь Пулат-хану...

Воин зловеще расхохотался:

– Мы каждый день вылавливаем шпионов – много развелись вас, проклятых. И ни один еще не осквернил слух нашего хана! С тебя достаточно Абдумумына и его палачей. Тем все скажешь! А ну, поворачивай!

Вдвое массивнее Шабдана, он склонился к нему и схватил за плечи:

– Дай-ка я тебя сейчас привяжу покрепче.

И в этот миг Шабдан ударил. Ударил ножом, спрятанным в рукаве, прямо в грудь. Удар был так силен, что отбросил тело врага обратно в седло. Лицо воина стало изумленным на мгновение, потом он повалился на гриву своего коня и затих. Как видно, умер сразу.

Далеко впереди маячили всадники, далеко позади трусил кто-то на ишаке. Шабдан осторожно свел коней с дороги и стал удаляться в поле. Поднявшееся солнце грело вовсю, поле было пустынно – конец сентября...

В дальнем сухом арыке он уложил труп и еще долго гнал перед собой чужого коня. Потом выехал на дорогу.

Он успел вовремя: Баяке и джигиты в страшной тревоге собирались уже, вопреки приказу, отправиться по его следам.

– Будем ждать казаков, – сказал Шабдан. – Пробыться нет никакой возможности.

К вечеру подошла сотня барона Штакельберга.

* * *

В автобиографии Шабдан писал: «Около городков Баткара и Спискена Пулат-хан опять загородил нам дорогу, но был отбит. Мне удалось при этом с двумя джигитами вогнать в городские ворота до тысячи неприятеля. На другой день я с десятью джигитами обратил в бегство пятьсот человек, чему свидетелями были Штакельберг и (казачий офицер) Дубровин».

И далее, когда отряд соединился с войском Скобелева: «Вечером, заметив около двухсот человек неприятеля по ту сторону Сыра, Скобелев, Штакельберг, я и еще трое казаков переправились через реку, и обратили неприятеля в бегство».

В русской армии среди многих наград была особенная – георгиевский крест. Его давали только за личную храбрость, проявленную в бою. Не было в армии такого офицера или генерала, который не мечтал бы о солдатском «Георгии», а получив его, не гордился бы им больше, чем всеми остальными наградами, вместе взятыми.

А Шабдан и его восемь джигитов (в том числе и Баяке) за дело под Баткаром и Спискеном получили каждый по «Георгию»!

3. Алайский поход

* * *

11 ноября 1875 г. под селением Балыкчи генерал Скобелев нанес поражение Пулат-хану. 9 января 1876 г. под Андижаном Пулат-хан был окончательно разбит. Скобелев занял город. 28 января царские войска захватили крепость Уч-Курган. А 19 февраля Пулат-хан, предательски схваченный кыргызскими феодалами Мырзакулом (из рода дёёлёс), Бекжаном и другими, был выдан царским властям.

В тот же день специальным указом Кокандское ханство было ликвидировано, а его территория присоединена к Российской империи под названием Ферганской области.

Однако не все повстанцы сложили оружие. Самым известным из них был Абдылдабек, сын Курманджан-датхи.

* * *

После того, как генерал-губернатор наградил Шабдана и его товарищей крестами, почетными халатами и немалыми деньгами, Шабдан уехал домой. Несколько месяцев он наслаждался миром и покоем в кругу семьи, в родных кочевьях. Но вот фельдъегерь привез манапу послание с просьбой генерала приехать. И Шабдан все с теми же сорока джигитами выступил в поход.

Штаб генерал-майора Скобелева находился в Оше. Командующий встретил Шабдана с распростертыми объятиями:

– Вовремя! Вовремя! Вынужден признаться, старый тамыр* без тебя, как без рук, – и генерал шутливо развел руками.

Тотчас подали самовар – всем была известна слабость манапа.

Генерал объяснил, что теперь требуется установить мир во всем крае. Фергана успокоена, а вот на Алае засел Абдылдабек. Русские не знают местности, нужны проводники; генерал нанял было 25 джигитов из аргынов, но Абдылдабек заманил их в ловушку и перерезал всех до единого... Тут нужен Шабдан со своим авторитетом...

– Уже апрель, – говорил Скобелев. – Дороги подсохли. Медлить далее нельзя. Выступаем завтра.

Шабдан шутливо козырнул в ответ.

На краю Ошского базара Шабдан завернул в чайхану. Он велел подать себе чаю на открытую террасу. Апрельское солнце клонилось к закату и обливало щедрым светом все вокруг: и пустую базарную площадь, и быструю речку, и висячий мост через нее, и стены медресе с двумя минаретами по углам на том берегу... Шабдан задумался. Это медресе построил когда-то Алымбек, отец Абдылдабека, который стал теперь мутаваллием (распорядителем). Шабдан очень хорошо понимал Абдылдабека. Русские ему не нужны. Его интересы с кокандским престолом. Знаменитый отец оставил ему торговые ряды и целый жилой квартал в Оше. А земли, которыми он владеет в Ферганской долине? Отец провел половину жизни в Урде – ханской ставке, был и датхой, и парваначи, и великим визирем. Самые влиятельные люди становились игрушкой в его руках. Алымбек безжалостно уничтожал тех, кто шел против его интересов. Пример тому – злополучный Малля-хан.

Его сын был уже Андижанским хакимом при Худояре, а во время Пулат-хана управлял Кокандом. Что ему северные кыргызы? Пусть платят зякет. В свое время Алымбек угрожал бугинцам и сарыбагышам страшными карами, если они не признают власть кокандского хана. Правители южных племен срослись с оседлой кокандской знатью.

Еще в Ташкенте Шабдан основательно разобрался в родословной кокандских ханов и многочисленных вельмож, стоявших у трона.

С 1842 г. кочевые аристократы меняли ханов на кокандском престоле по своему усмотрению.

На первый взгляд, в Коканде правила одна узбекская династия Минг. Но с XIX в. в нее влилось по женской линии изрядное количество кыргызской крови.

Мать Шералы-хана была кыргызкой. Сам Шералы много лет жил среди таласских кыргызов, женился на кыргызке Яркин-Аим. Его сыновья Малля-хан и Худояр-хан провели детство и возмужали в кыргызских кочевьях.

Теперь о чехарде на престоле. Шералы-хана посадил на престол Юсуф, ферганский кыргыз из рода кырк-огул. При Мадали он был минбаши, но затем впал в немилость и был сослан в Маргелан. Когда пришел удачный момент, Юсуф выступил. Ему помогли таласские кыргызы во главе с Сеид-Али-беком. Шералы был поднят на белом войлоке, а Юсуф снова получил титул минбаши.

Свалил Юсуфа и его сторонников кыпчак Мусульманкул.

Узбек Рахматулла-мырза и кыргызы Сатыбалды (исфаринский хаким) организовали заговор против Шералы. Они вызвали одного из сыновей давно умершего хана Алима – Мурада, находившегося в Ура-Тюбе, и провозгласили его ханом. Самого же Шералы «заставили испить напиток мученичества».

Но тут опять вмешался кыпчак Мусульманкул. Мурад-хан бежал, процарствовал ли семь, то ли одиннадцать дней, а на престол был возведен малолетний Худояр.

Теперь власть захватила клика Мусульманкула. Сам Мусульманкул был женат на кыргызке из Кетмень-Тюбе, а Худояр-хана женил на своей дочери. Возмужав, Худояр сумел освободиться от опеки тестя, опять-таки при помощи другого кыпчака – ташкентского кушбеги Нурмухаммеда. Мусульманкул был казнен, перебито великое множество кыпчаков.

Настал 1858 год. Старший брат Худояра Малля-бек занимает престол. При нем выдвигаются Алымбек и мулла Алымкул.

Кочевые феодалы жонглируют ханами, как искусные фокусники: трижды изгоняли Худояр-хана, за короткий срок на престоле сменили друг друга Ша-Мурад, 12-летний Султан-Сеид, 16-летний Худай-Кул-бек...

В 1873–76 гг. восставшие кыргызы, кыпчаки, казахи, узбеки и таджики разрушили трон династии Минг. Русские войска довершили дело: Кокандское ханство перестало существовать...

Очнулся Шабдан от стука топора. Оборванный слуга рубил жерди на топливо. Что-то знакомое почудилось в наклоненной спине, в движениях и даже в посадке бритой головы.

Выскочил толстый повар, закричал:

– Эй, Кривой! Долго же ты возишься!

Слуга понес охапку дров за угол. А через минуту опять раздался стук топора.

Шабдан негромко окликнул:

– Ибрагим!

Слуга обернулся. Да, это тот самый Ибрагим, в мазанке которого Шабдан ночевал когда-то в подаренном ему селении под Ташкентом. Но какой у него вид! Постаревший, обросший, на месте правого глаза – опухшее веко с узкой красной щелчкой под ним...

Ибрагим тоже узнал манапа. Он только выдохнул:

– Щедрый господин...

– Подойди же...

– Не смею, щедрый господин...

Случайно выглянувший чайханщик грозно напустился на слугу:

– Эй, оборванец! Кривой, сын кривого, и внук кривого! Как смеешь ты задерживать внимание знатного бека?

– Подожди, почтенный! – остановил его Шабдан. – Этот человек мне нужен, а чтобы ты не потерпел ущерба, вот тебе, – он бросил несколько монет на низенький столик. – И пусть принесут еще чаю и лепешек!

Принесли чай. Шабдан позвенел ногтем о пиалу:

– Ешь и пей.

Когда Ибрагим утолил первый голод, Шабдан сказал:

– А теперь рассказывай.

Горестен был рассказ Ибрагима...

– Когда ты, щедрый господин, дал мне серебра, я решил жениться. Однако нигде не нашлось девушки для меня, чудака и бродяги. Тогда я купил на кокандском базаре калмачку-рабыню... Очень хорошей женой стала она мне. В селении Базар-Курган мы нанялись к одному зажиточному земледельцу. Он дал нам мазанку, ишака в хозяйство и несколько старых одеял. Мы с женой трудились от зари до зари, хозяин был справедлив – на еду хватало. Потом родился сын Арзымат. Такой хороший сынишка... На пользу пошли твои таньга, щедрый господин...

– Что же было потом?

– Так мы прожили многие годы; сынок вырос. У нас завелось имущество. Я дважды покупал одежду жене и сыну. Появилась коза. Хорошо жили...

– Ну а потом?

– А потом появился Пулат-хан и начал воевать с Худояр-ханом. Ибрагим замолчал.

– Глаз как потерял?

– Сарбазы Абдуррахмана Афтобачи заставили меня идти в ханское войско. Дали одежду, пику, саблю. Под Андижаном сошлись с войском Пулат-хана. Тут Афтобачи взял да и перешел на сторону Пулат-хана, и мы с ним, Худояр убежал к русским. Я хотел вернуться потихоньку к жене, сыну, да вмешался шайтан: попался я на глаза давнему моему господину Абдылдабеку. Он сразу закричал: «Вот шпион Худояра и орусов!» Меня схватили палачи и три дня пытали.

Ибрагим распахнул халат, под которым не было рубахи, и показал шрамы на теле.

– А потом?

– Хотели меня казнить, и палач уже топор приготовил, да тут Пулат-хан заговорил со мной и велел отпустить. Хорошо, Абдылдабека близко не было... Зачислили меня в войско Пулат-хана. Мы обороняли Андижан от орусов. Пуля ударила мне в лицо и выбила глаз. Потом Афтобачи разругался с Пулатом и сдался орусам. Я пошел домой. Пришел, а дома нет. Хозяина зарезали, усадьбу ограбили, жена с сыном пропали...

– Кто же ограбил?

– Одни говорят – сарбазы Худояра, другие – кыргызы-кыпчаки... Целый год я искал семью, да где же найдешь? Соседи ничего не знают... Теперь вот вторую луну служу у чайханщика за лепешку и чай...

* * *

Апрельские тропы в горах опасны: на освещенных солнцем местах – скользкая грязь, в тени – ноздреватый, подтаявший снег, по утрам тоже скользкий от корочки льда.

Большой отряд пехоты и кавалерии втянулся в ущелье, ведущее к перевалу. Там засели джигиты Абдылдабека. За наваленными камнями они чувствовали себя в безопасности. Изредка гремело эхо выстрела, щелкали о камни пули. Испуганные кони шаркались в сторону и лишь потом появлялся дымок, там, наверху.

Скобелев осмотрел вражеские позиции.

– Да-с, сидят крепко. Пожалуй, малой кровью этот орешек не разгрызть. И пушки не втащить. Если б в обход!.. Друг, – обра-

тился он к подъехавшему Шабдану. – Не посоветуешь ли чего? Ведь если брать в лоб, много наших лягут.

– В обход надо, начальник.

– Дорогу знаешь?

– Нет.

– Э! – Скобелев с досадой отвернулся, устремив взор на другой конец ущелья. Шабдан усмехнулся.

– Зачем торопиться, начальник? Я не все сказал. У меня есть человек, который знает дорогу.

Скобелев оживился.

– Давай его сюда. Ох, и хитрец же ты, братец!

Шабдан подал знак. Подъехал Ибрагим. В добротном, хоть и поношенном халате, с саблей на боку, аккуратной черной повязкой на лице он выглядел заправским джигитом.

– Берешься провести наших солдат к этим канальям в тыл? – спросил генерал.

Шабдан перевел, Ибрагим кивнул.

– Вот и славно. Куропаткина* ко мне!

Ибрагим пошел вперед. Джигиты Шабдана, ведя коней в поводу, один за другим скрылись за гребнем. Вслед карабкалась рота капитана Куропаткина.

... Лишь когда сзади обрушился град пуль, Абдылдабек обнаружил, что враг обошел его. Минутой замешательства воспользовался генерал Скобелев и ударил из ущелья. Зажатые в тиски отряды Абдылдабека были разбиты и бежали. Генерал был доволен.

– Обошлись малой кровью! – не скрывал он радости. – Быть тебе, друг Шабдан, с чином! Уж я похлопочу. Где твой проводник? Передай ему от меня... Вот, джигит, получай, – сказал он подъехавшему Ибрагиму, – и протянул ему пачку ассигнаций.

Но Ибрагим хмуро покачал головой.

– Не берет! – удивился Скобелев. – Ага! Он, наверное, не видел бумажных денег... Пстой-ка, есть у меня в сумках несколько золотых...

Но Ибрагим и от золотых отказался. Шабдан перевел:

– Он говорит: награды не надо. Я отомстил Абдылдабеку за себя, за отца и мать. А за месть денег не берут.

– Ишь! – только и сказал генерал, с интересом разглядывая одноглазого воина. – Вот вам, господа офицеры, истинное понятие о чести. И у кого? У бедного туземца, которому завтра, может быть, не на что будет купить лепешку. Да-с! Выдать ему почетный халат!

И почетный халат Ибрагим не взял.

Шабдан попытался сунуть ему несколько золотых тилла, оставшихся от кокандских времен. Но Ибрагим спрятал руки:

– Не надо, щедрый господин. Лучше отпустите меня – я опять буду искать жену и сына.

– Для поисков нужны таньга. Это тебе не награда, а жалованье за службу. От жалованья не отказываются. Да и что сделаешь без денег?

Ибрагим взял и уехал.

* * *

Скобелев приказал Шабдановским джигитам разграбить окрестные айлы. Шабдану пришлось выполнить приказ. Он доставил в лагерь большую добычу и сорок пленных мужчин, способных носить оружие.

Когда он подъехал к Скобелеву, лицо его выражало смущение:

– Прости, начальник! Абдылдабека нигде нет. Все, что нам досталось – вот... Принимай. И он показал на толпу пленных, множество овец и навьюченных лошадей.

– Все это принадлежит тебе и твоим людям, – сказал генерал. Шабдан обернулся, оценивающе посмотрел.

– Награда знатная, – сказал он. – Однако, нам ничего не нужно. Я пришел служить русским, а не грабить.

– Как? Ты не хочешь взять добытое тобой же?

– Нет, – отрезал Шабдан.

– А что скажут твои джигиты?

– Я их снарядил на свой счет. Я их содержу.

– Друг! – сказал Скобелев. – Дай, я обниму тебя. Ты настоящий дворянин!

* * *

Так закончился алайский поход, а вместе с ним – и война в Туркестане.

В 1883 г. в Петербурге происходила коронация Государя Императора великой Российской империи Александра Третьего. В числе почетных гостей на этом торжестве присутствовали родовитейшие фамилии Кавказа, казахские султаны, самые заслуженные кыргызские маналы... Среди последних стоял и войсковой старшина Шабдан Джантаев. Грудь его украшал Георгиевский крест...

Влад ЗАРЕЧНЫЙ

ЭКСПЕРИМЕНТ

Главы из документально-фантастического романа

Все права на издание романа «Эксперимент» принадлежат издательству «Вестник планеты».

В соответствии с законом «Об интеллектуальной собственности» запрещаются все перепечатки и любые ссылки на данное произведение во всех средствах массовой информации, а также в электронных СМИ (интернет, радио, телевидение, аудиозаписи) до 1 января 2015 года). В дальнейшем – только по согласованию с издательством.

От автора

Те события, что описаны в романе, действительно имели место. Изменены, правда, некоторые имена, да и то лишь мое и сотрудников из нашей секретной службы изучения непознанных явлений и предотвращения возможных рисков, и некоторых географических объектов. Название своей «фирмы» по известным причинам я вынужден изменить, но суть передана точно. Роман написан вовсе не из тщеславных побуждений, хотя, что греха таить, такая черта в моем характере присутствует, а для того, чтобы люди получили возможность узнать пусть небольшую толику информационного материала, который с огромным риском добывается нашими разведчиками. Я постарался не раскрывать моментов, действительно составляющих Государственную тайну. Но, хорошо зная нашу национальную болезнь «держат и не пуцать», поручил своей жене Галине, в случае, если в течение года не вернусь из новой командировки, издать рукопись, пусть небольшим тира-

жом и обязательно предусмотреть библиотечную регистрацию. Почему? Для страховки. Если издание разоидется по библиотекам, то изымать его из продажи будет бессмысленно – оно начнет гулять по интернету в электронном виде.

Таким образом, дорогой читатель, раз книга уже у Вас в руках, значит я все еще брожу (надеюсь, что именно так) в дебрях параллельного мира.

С уважением, искренне Ваш Влад Заречный.

От издательства

События, о которых идет речь, первоначально вызвали в редакции неоднозначную реакцию – настолько трудно, почти невозможно поверить в то, что все описанное происходит в реальной действительности. Человеческое мышление, опирающееся на известные законы физики, в том числе и на общую теорию относительности Эйнштейна, не в состоянии сразу перестроиться и осмыслить странные, мягко говоря, события романа, которые выглядят порой полным абсурдом. Существование параллельного мира? Неизменность времени? Возвращение из небытия давно исчезнувших с лица Земли народов? – Кто в это поверит! Очередная выдумка писателя-фантаста. Но инерция полета нашей мысли, вытекающая из школьной и институтской подготовки, вовсе не повод для отрицания еще неизвестного! Полагаем с этим утверждением невозможно не согласиться.

Нам был предоставлен ряд неопровержимых доказательств, подтверждающих непосредственную причастность автора к одной из самых засекреченных служб страны, занимающейся тщательным изучением указанной тематики.

Во избежание кривотолков и инсинуаций издательство, используя свои возможности, обратилось в ряд компетентных органов с просьбой просмотреть рукопись с целью исключения из нее секретных сведений, составляющих Государственную тайну, если таковые имеются. Откровенно говоря, мы были почти уверены в том, что нам ее вернут с припиской «фантастика, разрешено к публикации». Это мы и предполагали сделать, несмотря на принадлежность автора к реальным разведывательным структурам и его желание поведать о документальных событиях. Мы были намерены выпустить

книгу в серии «Внеземные миры после Р.Брэдли». Какого же было удивление членов редколлегии, когда в ответ поступил категорический запрет на издание и не менее категорическое требование сдать все имеющиеся в редакции материалы по данной рукописи, в том числе черновики и даже жесткий диск с компьютера, на котором производились набор и верстка. Более того, все сотрудники, в той или иной степени, занимавшиеся подготовкой к выпуску, вынуждены были подписать необходимые документы о неразглашении.

Однако не прошло и двух месяцев, как издательство, совершенно неожиданно, получило разрешение на тиражирование записок разведчика, с рекомендацией издания их в виде художественного произведения.

Причины столь резкого поворота вскрылись после тщательного анализа зарубежной периодической печати. Английский дайджест «Глобальный мир» опубликовал сенсационную серию очерков анонимного агента «ИнтеллеДжис сервис», также сумевшего проникнуть туда, откуда обычно нет возврата. Однако, как оказалось, обратный выход все-таки имеется. По всей видимости, эти публикации и подвигли наше гиперсекретное ведомство, само существование которого окутано сплошным непроницаемым туманом, позволить довести до массового читателя дневники первопроходца, причем в значительной «урезанной» виде.

Наш надежный источник – действующий высокопоставленный офицер и эксперты – бывшие сотрудники разведорганов также единогласно подтверждают факт активной разработки направления, связанного с проникновением в параллельный мир и изучением якобы необъяснимых явлений, таких как НЛО, аномальные геоплощадки, происхождения «ведьминских кругов», как зарубежными, так и нашими секретными службами. Причем проникновение в глубоко скрытые тайны, так называемой «Зоны Z», идет довольно успешно. Масса же материалов, появляющихся как из рога изобилия в печати и транслируемых по каналам электронных СМИ, эксплуатирующих эту тему – не более, чем продуманная и хорошо проплаченная акция, направленная на дезинформацию населения.

Поскольку изъятые куски и целые главы повествования не позволяют представить произведение в целостном, удобном для понимания виде, редакция издательства вынуждена

была восполнить их, частично восстановить оригинал и пойдя на определенный риск (юристы гарантируют, что в них не содержатся элементы, составляющие Гостайну), частично же добавив от себя некоторые незначительные эпизоды. Этот момент не является нарушением авторского права и согласован с правопреемницей автора – его супругой (все правозащитные документы нотариально оформлены и имеются у обеих сторон).

Публикуя столь сенсационные материалы в открытой печати, редакция издательства постаралась сохранить авторские стиль и манеру изложения, лишь придав сюжету, в соответствии с рекомендациями, форму художественного произведения с фантастическим уклоном.

P.S. Заранее уведомляем будущего читателя, что по возвращении В.Заречного из его рискованной командировки (в чем коллектив издательства не сомневается) с ним будут проведены самые серьезные переговоры о продолжении публикации, раскрывающих крайне загадочные и пока необъяснимые тайны нашей планеты

Пользуясь возможностью, сотрудники издательства искренне поздравляют нашего выдающегося разведчика с высокой Государственной наградой и присвоением ему генеральского звания.

От редакции журнала «Литературный Кыргызстан»

Редакция издательства «Вестник планеты» пока только готовит книгу к выпуску – появились некоторые новые данные.

Используя давние товарищеские связи, мы попросили разрешения опубликовать несколько глав из романа. Поскольку нам переданы главы не с самого начала, редакция предваряет публикацию коротким пересказом содержания предыдущих глав:

Недавно организованная отдельная разведывательная структура, деятельность которой направлена на изучение паранормальных явлений, внедряет своего агента в давно устоявшуюся сеть «родственной» службы, гораздо ранее начавшей

заниматься подобной тематикой. Цель – выяснить насколько глубоко продвинулись разработки в этом направлении у конкурентов и, по возможности, добыть хотя бы часть собранной ими информации (обычная практика – всегда проще начинать не с чистого листа, а имея определенный банк данных).

Агент – Влад Заречный, разведчик с большим опытом, прошедший в свое время и школу элитного спецназа, попадает «случайно» в помощники к своему давнему знакомому Алыбеку Кадырову. Кадровый разведчик Кадыров не подозревает, что Заречный теперь является офицером вновь созданной «конторы», считая его пенсионером. Следует заметить, что и раньше они служили в разных ведомствах. Алыбек не раскрывает Владу подлинную суть задания, которое состоит в поиске путей, ведущих в параллельный мир, туда, где находится база НЛО. Она и является главной мишенью, к которой стремятся разведки мировых держав.

Оба товарища экипированы лазерным вооружением и спецсредствами, закамуфлированными под хозяйственную утварь и инструмент. С помощью сверхсовременных приборов, а в большей степени благодаря развитой наблюдательности они находят аномальную зону в районе озера Сары-Челек: там время странным образом замедляет свой ход. Центр аномального пятна прикрыт каменной плитой с полустертыми письменами.

Сдвинув гранитную плиту, исследователи обнаруживают штольню, в которую Влад по неосторожности проваливается.

В себя он приходит в совершенно незнакомом мире, где живут представители народов из разных исторических эпох. Многие из них на Земле давно исчезли.

Здесь прекрасных климат, буйная растительность и обитают различные виды животных. Но странное дело – время застыло в вечности. Естественной смертью никто не умирает. Отсутствуют болезнетворные микробы. Погибнуть можно лишь от внешнего травматического воздействия, или утонув.

Влад ищет уединенное убежище и находит его на острове, расположенном посредине большого озера. Однако тишина

и безлюдье оказываются здесь мнимыми. На одинокого скитальца нападают неизвестные: одни из них настоящие дикари с копьями, другие – вполне современные европейцы, вооруженные автоматами армии вермахта.

Наш герой, владеющий боевыми искусствами, активно отбивается, ранит нескольких нападающих, но, тем не менее, попадает в плен. Его по какой-то причине принимают за фашистского офицера; он же выдает себя за советского морского пехотинца, вышедшего на пенсию.

В конце концов выясняется, что разведчик попал в плен к антифашистам – бывшим узникам немецкого подземного завода. Предприятие во время мощной бомбардировки «провалилось» в параллельный мир.

Версия Влада отчасти убеждает «старосту» поселения Сидорчука и тот, присматриваясь к вновь прибывшему, начинает постепенно ему доверять. Но есть люди, которым пришелец с самого начала показался подозрительным. К счастью они куда-то на время исчезают, а Влад понемногу завоевывает доверие.

Напавшие на Заречного дикари – тавры, когда-то обитавшие на Крымском полуострове, являются вынужденными союзниками поселян. Будучи по натуре очень мстительными, они совершают новое покушение на Влада. Последний, отчаянно сражаясь, отбивает неожиданную атаку и при этом спасает жизнь своему молодому приятелю – французцу Жан-Пьеру. Более того, имея реальную возможность уничтожить бандитов, сохраняет им жизнь, при этом одного буквально вырывает из пасти морского чудовища.

Будучи человеком дисциплинированным, Заречный, хотя и не представляет себе, как вернуться на Землю, ведет в соответствии с инструкцией голосовой дневник. Все происходящее он записывает на миниатюрный диктофон, встроенный в браслет – якобы подарок жены. «Умное» устройство обладает и целым рядом других полезных функций.

ГЛАВА VI

Так вон вы откуда, родимые...

- Ну, брат, ты настоящий герой, – в который раз повторял клон всероссийского старосты и, чтобы не задеть перевязанную руку, похлопывал меня по плечу, выводя из своего блиндажа на свет божий. Мне уже успели сделать, как вы поняли, все медицинские процедуры, зашили рану и смазали специальной помадой из моего аптечного арсенала – Архип Нилович распорядился вернуть все мои пожитки. Напоили меня по своему обычаю каким-то очередным травяным коктейлем, после чего я отключился почти на сутки, привольно раскинувшись на постели самого господина Сидорчука. Но здесь моей вины не было никакой, просто после битвы, израненного, окровавленного воина местный люд с победными возгласами притащил именно сюда.

Открыв глаза, я с трудом соображал, куда меня занесло, пока не увидел свою аккуратно сложенную на столе амуницию. Тут у меня все прояснилось, и радость, что лучемер вновь обрел своего хозяина, затмила воспоминания о давешнем побоище. Отбросив одеяло, я вдруг обнаружил, что спал совершенно голый, а одежда, давеча изрядно испачканная и мокрая, нынче сухая, чистая и даже отглаженная лежала на прикроватной тумбочке. Одеваясь, я профессионально отметил про себя, что и кровать, и тумбочка, и шкаф, и другая «нехитрая» мебель, стоявшая в комнате, была изготовлена хоть и кустарно, но добротной и даже с некоторым вкусом. Деревянный пол был застелен плетеными из тростника циновками. На стенах же – ничего, кроме бумажной репродукции неизвестного мне художника, изобразившего натюрморт со штофом вина и грудой экзотических фруктов.

А вот такая роскошь была бы кстати. И не успел я прицепить к поясу любимый штык-нож, как по мановению волшебной палочки отворилась дверь и в помещение торжественно двинулся здоровенный мужик в белом фартуке, бережно несущий поднос. С чем бы вы думали? На подносе красовалась бутылка с прозрачной жидкостью, две алюминиевые кружки и, накрытое крышкой блюдо, от которого исходил неповторимый аромат. Кудесник поставил поднос на стол, переложил мои причиндалы на тумбочку и, вежливо кивнув, покинул помещение. Дверь за ним

еще не захлопнулась, как появился сам хозяин квартиры – любезный Архип Нилович. Он сменил свою кацавейку на линялую солдатскую гимнастерку, но с крестьянскими лапотками расстаться видимо не пожелал.

- Не извиняйся, не извиняйся, я сам велел тебя здесь уложить, – начал он прямо с порога, – видимо, заметив на моем лице тень смущения. – Как, герой, выпался? Теперь и пообедать можно. Давай, давай, присаживайся к столу. Вот видишь, Влад, – произнес он, обращаясь ко мне на «ты», что видимо, означало высшую степень доверия, – не ошибся я в тебе. К сожалению орденов и медалей у нас здесь не выдают, да их, наверное, у тебя и так хватает. Поэтому решили мы тебе подарок сделать. Вот смотри, – и он торжественно снял крышку с блюда, – плов, настоящий узбекский. Почти. Ты же сюда прямо из Азии прибыл. Баранины вот только у нас нет, крольчатиной заменили. А так все соответствует, так сказать. Почти. Зиры тоже не положили. Нету. Знаешь, что это такое? – я-то знал и поэтому не удержался:

- А Вам откуда такие специфические тонкости известны?

- Э, брат, мне в царские времена довелось в Ташкенте служить. В штабе Туркестанского округа. Оттуда и знаю. Ну, ладно, ради столь неординарного случая можно и по маленькой. Забыл уже, небось, вкус-то? – Он вынул из бутылки гладко обструганную деревянную пробку и разлил драгоценную жидкость по кружкам.

А я, между нами говоря, уже и не чаял когда-либо вновь испробовать спиртное.

- Ну, с богом, за героя. – Хозяин широко перекрестился и выпил залпом. Я не стал дожидаться повторного приглашения и последовал за ним. Самогончик был хорош, очищенный, безсивушного запаха, градусов под семьдесят, никак не меньше. Да и закуска удалась на славу, хоть и без зыры.

- А рис-то откуда, сами выращиваете? – меня переполняли более насущные вопросы, но я решил начать издалека. И не ошибся. Крепкий напиток благотворно подействовал на старика, он расслабился и охотно начал рассказывать о житье-бытье вверенного его попечительству поселения. Как следовало из его объяснения, рис и некоторые другие сельскохозяйственные куль-

туры обитатели острова не выращивают из-за отсутствия необходимого опыта. Эти продукты являются предметом натурального обмена, как сейчас бы сказали – бартера, с проживающими здесь другими национальными общинами. Как я понял из дальнейшего объяснения, представителей других народов и народностей не так уж и много и все они достаточно малочисленны. Попадали они сюда все по-разному в различные эпохи развития человечества. Насколько было известно Архипу Ниловичу (а знал он, как в последующем выяснилось, совсем немало) первыми начали осваивать целинные земли древние египтяне и строители знаменитого вавилонского небоскреба. Кстати, как объяснил Архип Нилович, именно с последними я столкнулся в тот злополучный день, когда судьбе было угодно разлучить меня с любимой женой. И только провидение и осторожность спасли меня от счастливой участи прямиком угодить в строительную бригаду. Поскольку и подданные фараона, и бывшие обитатели Междуречья оказались в числе пионеров, то и поселились, естественно, на землях с наиболее благоприятным климатом. Причем, размеры их территорий совсем не соответствовали величине народонаселения. Но первые, есть первые. Все остальные появились потом. В числе избранных оказались, кроме уже известных нам, – этруски, майя, византийцы, индийцы, смешанные представители средневековой Европы и группа цыган. Захватнические войны за всю историческую бытность местного сообщества практически не велись, то ли в силу обширности свободных территорий, то ли в силу малочисленности самих новоявленных поселенцев. Но эти обстоятельства еще не являлись определяющими. Главным было, пожалуй, другое. Дело в том, что люди, да и животные в этом странном удивительном мире не старятся и соответственно не умирают естественной смертью. Именно поэтому, например, Жан-Пьер через шестьдесят лет после войны остается все таким же юнцом, а прибывшему из бронзового века тавру Арий, перевалило уже за две тысячи. Если подходить с умом и некоторой долей необходимой осторожности, то жить можно практически вечно, по крайней мере, пока не надоест.

Но умереть также не возбраняется, способов предостаточно: от голода, раны, заражения крови. Погибнуть также можно утонув, сгорев на пожаре или быть съеденным хищной тварью,

кои присутствуют как на суше, так и в водных глубинах. По неизвестной причине дети здесь не рождаются. Ни у кого. А те, которые попали сюда, не растут, хотя интеллектуально развиваются.

Небольшая ремарка: у животных наблюдаются точно такие же явления, и поскольку на них постепенно охотятся, то некоторые из них должны были бы давно прекратить свое существование. Но этого, как ни странно, не происходит – поголовье всегда стабильное. Более того, время от времени появляются новые, неизвестные ранее виды. Уже гуляет версия, что кто-то все тщательно отслеживает и регулирует процесс.

Но людей это не касается. Некоторые племена практиковали в свое время набеги на соседей. Майя, например, – с целью захвата женщин и пленных для своих ритуальных жертвоприношений. Чем закончилось? Осталась жалкая горстка, влачащая полуголодное существование. Или те же тавры. В силу своей природной агрессивности и неуёмной страсти к грабежам, за две тысячи лет они сократили свою численность с более чем двухсот особей до тридцати двух человек. Старейшина, он же вождь, он же верховный жрец чересчур воинственного народа, некогда, еще в дохристианские времена, населявшего ... – в этом месте повествования хитрый Архип Нилович сделал паузу и с видом экзаметатора посмотрел на меня, даже пенсне нацепил. А чтобы молчание не выглядело слишком уж явным намеком на ожидание, принялся разливать спиртное. Но он если хотел уличить меня в невежестве, то просчитался. Что полуостров Крым является древней Тавридой, я знал, тем более что неоднократно помогал сослуживцу чинить с одноименным названием автомобиль, принадлежавший его тестю.

Мой ответ, конечно без упоминания украинского бренда, был благосклонно принят, и я понял, что поднялся еще на одну ступеньку в глазах рассказчика. Мы чокнулись, выпили за здоровье всего племени тавров и двух вчерашних разбойников в частности. Хорошо закусили, после чего экскурс получил длинное продолжение, на многое открывшее мне глаза. Так вот, вождь и верховный жрец пребывал в глубокой уверенности, что все окрестные территории находятся в полной его юрисдикции, когда как снег на голову откуда-то вдруг, свалилось огромное невиданное ранее сооружение, большая часть которого уходила вглубь не-

известно откуда взявшейся одинокой скалы. Мало того, населено оно было кричащими, дерущимися и убивающими друг друга странными людьми, одетыми в странные одежды и воюющими между собой странным оружием, совсем не похожим на родные копье, мечи и луки. Вождь был человеком весьма неглупым от природы, имел за плечами большой опыт и поэтому, несмотря на явное попрание его исконных земель, решил выждать, чем закончатся разборки нахальных пришельцев. Это он так решил. Но несколько особо решительных воинов, имевших определенные заслуги и потому много о себе возомнивших, ослушались приказа, и договорились провести скрытную вылазку, чтобы немного пограбить вновь прибывших. Сказано-сделано. Отряд ушел за добычей, и больше о нем долго ничего не было известно. Но потом увидели, а племя лишилась еще семерых членов, умудрявшихся оставаться живыми в течение двух тысячелетий.

Так что же все-таки произошло? Откуда появились неведомые доселе новые захватчики, посягнувшие на собственность племени? А в понимании тавров, много веков отстаивавших свои земли от эллинов-колонизаторов, а потом здесь уже на новом месте обитания, от рыцарей, они таковыми и являлись.

Архип Нилович вновь прервал свой рассказ, пожевал тонкими губами и на какое-то мгновение, как мне показалось, опять превратился в сухого следователя.

- Да, Влад. Теперь очевидно наступило время объяснить и наше присутствие в этом благословенном краю. Вернее сказать, откуда мы прибыли, поскольку истинных причин не знает никто, кроме всевышнего. Откровенно говоря, не думал и не предполагал я, что так скоро проникнусь к тебе доверием и буду вести с тобой откровенные разговоры. Но чем-то ты мне сразу понравился, хотя и наврал с три короба. Скажи откровенно, наврал ведь и про жену, и про пещеру?! Да ладно, ладно, не дуйся. Вчерашние события показали, что ошибся я, хотя Павлу Матвеечу ты почему-то не глянулся. Н... да.... Но! Это его личное мнение. А на старика не обижайся. Издержки профессии. Я ведь по профессии военный разведчик. Еще у генерала Брусилова контрразведкой командовал. Слышал про такого?

- Ну, еще бы. Знаменитый Брусиловских прорыв, – но это я

машинально поддакнул. А самого глушила глупая обида – так старался, так старался, даже слезу пустил. А старый хрыч разгадал сразу, да еще и вид сделал, что поверил. А теперь за дружеской беседой, небось, раскрутить пытается. А вот тебе... на-кось выкуси! Он, однако, словно подслушал мои мысли. Профессионал все же. Психолог.

- Ты не думай ничего дурного. Я тебя не пытаю и пытаться не собираюсь, иначе не раскрыл бы свою специальность. Мне, так сказать, интересно понять было, что ты за человек. А твои секреты – тьфу, они там на Земле остались. Какое мне дело до них. Вот и понял. И пью с тобой, потому что не ошибся. Ведь ты вчера мог этого тупого... Арий... убить? Мог. Но не убил? – Нет. А его напарника, того, что Жана захватил? Еще как мог ухлопать. Вместе с парнишкой. И никто бы ничего не сказал. Защищался. Но нет. Мальца спас. Ну, а дальше – совсем сказка. Вместо того чтобы добить бандита, а стрелок оказывается ты отменный, рискуя жизнью спасаешь. Или я не прав? Вот видишь. А я выводы делаю. Значит, нюх еще не иссяк на хороших людей. И, кстати сказать, – хотел позже сообщить новость, да раз уже к слову пришлось, – верховный вождь таврический приглашает тебя к себе на торжественный прием. В знак благодарности за то, что его олухов проучил, но в живых оставил. Гордись. Мало кто такой чести удостоивался. Сиди, сиди. Не сегодня, – через пару дней. Вместе пойдем. Так, а теперь закончим эту тему, буду сказ продолжать, а то у тебя в голове, небось, вопрос за вопрос цепляются. Самое интересное впереди. – Что верно, то верно и здесь он был прав.

Оказывается, еще в 1939 году немцы в захваченной Чехословакии, в Судетах, приступили к строительству сверхсекретного объекта. Строили с размахом, не жалея ни средств, ни человеческих жизней. Фашистам это вообще было свойственно. Огромное сооружение на девять десятых должно было укрыться в безлюдной горной местности в скалах. Гитлеровская верхушка как будто уже тогда предвидела, что всю Германию когда-нибудь накроют коврами бомбардировками. Потому готовилась основательно. Стройка шла ударными темпами. Тысячи заключенных, преимущественно немецкие и австрийские коммунисты и просто антифашисты, в три смены, день и ночь трудились на прокладке

дорог, рушили каменную твердь, пробивая штольни и выдалбливая циклопических размеров помещения под производственные цеха. Люди умирали сотнями, но на их место эсэсовцы тут же доставляли новых узников. Конвейер у педантичных немцев работал с точностью швейцарских часов. Те сооружения, что по технологическим причинам оставались снаружи, маскировались под загородные виллы состоятельных бюргеров. Объект был окружен тройным кольцом, вооруженной до зубов охраны, включая танки и зенитную артиллерию. Понятно, что над ним, не то что вражеский самолет, чужая птица пролететь не могла.

К сентябрю 1940 года титаническая работа была завершена – станки установлены, электропитание подведено, вентиляция смонтирована, строители уничтожены. Все до единого, исключая, конечно, нацистских инженеров.

Новостройка была полностью укомплектована новым рабочим персоналом. Отбирали сюда не абы кого. По всей оккупированной Европе собирали из числа неблагоденных и даже из тюрем высококвалифицированных рабочих – станочников и инженеров, специалистов в области машиностроения и электроники. Позже, когда война уже гремела на всех фронтах, на место выбывших рабов привозили новых – частично из числа советских военнопленных, частично с восточных территорий. Что производилось на этом секретнейшем объекте, никто, естественно, не знал, кроме самой высшей немецкой номенклатуры. Но слухи ходили, будоражили. А как вы думаете? Сотни достаточно грамотных людей, хоть и разделенных по цеховому принципу, годами не видящих солнечного света, занятых ежедневным монотонным трудом, должны как-то общаться или нет? Это единственное, что им оставалось, несмотря на строжайшие запреты и карательные меры. Технологические цепочки между участками и цехами перекрыть-то было невозможно. Как перекроешь? Все производство станет. А металлы, заготовки, детали электронику, кто с одного производства на другое переводит? Кто на сборку готовые узлы поставляет? Правильно, те же работяги. Там словом перемолвился, в другом месте... А вечером поделился с товарищами. Тоже что-то узнали, тоже рассказывают. Толковые инженеры всю информацию впитывают, анализируют, версии выдвигают. Вот и появ-

ляются слухи, причем очень обоснованные и близкие к истине. В конечном счете, все сошлось во мнении, что наци создают новый, никогда ранее не виданный летательный аппарат. А тут еще один из охранников, в благодарность за мастерски сделанный нож с гравировкой, сболтнул, что своими глазами видел, как еще в сороковом году, когда завод только-только начинал работать, привезли сюда обломки и детали конструкции совсем не понятного назначения. Родственник его жены, сопровождавший груз, под большим секретом рассказывал, что целая дивизия прочесывала шварцвальдский лес, собирая куски разбившегося там управляемого болида, формой напоминавшего растянутое яйцо. У странного аппарата не было ни крыльев, ни хвостового оперения.

Солдат жестко предупредили о неразглашении и дали знать, что это провокация британских плутократов, осуществлявших беспилотную разведку секретных германских объектов. Но те, кто был ближе к эпицентру, своими глазами видели, как представители службы СД вынимали и грузили в закрытые машины останки пилотов, облаченные в серебристого цвета скафандры, сильно напоминающие водолазные. Многие сделали вывод, что крушение потерпел прибывший из космоса внеземной корабль.

Вот и догадывайтесь теперь, чем занимались немцы на подземном секретном заводе в Судетах.

Жизнь в толще горы текла монотонно и размеренно на протяжении нескольких лет, пока в один прекрасный день, а именно 14 марта 1944 года, она не была нарушена странным сотрясением земной коры. Казалось, что гора сдвинулась с места. Началась страшная паника. Никто не знал куда бежать, где спасаться. Охранники из войск СС бросились к выходам. Некоторые от ужаса даже забыли прихватить оружие. Отдыхавшая смена вообще все побросала, унося ноги по штольням в одном исподнем. Затем один за другим последовало еще несколько толчков, еще более мощных. Часть оборудования сорвало со своих фундаментов, все рушилось и падало, отовсюду раздавались крики и стоны раненных людей. Но освещение, как ни странно не погасло. На свое счастье Архип Нилович в это время находился в одной из штолен – перевозил в вагонетке алюминиевые заготовки. Вообще-то он помощником мастера-немца был назначен на

электромеханическом участке, но тут оказия случилась – у приятеля живот прихватило, и тот попросил отвезти детали на соседний участок. От первого удара тележку заклинило, к счастью Архип Нилович успел мертвой хваткой ухватиться за рукоятку. Стремительная реакция уберегла его от травм при повторных толчках. Как и все другие, в первый момент он ничего не понимал, видел лишь, как по поперечной широкой галерее мчались к выходу до смерти напуганные эсэсовцы.

Изрядно битый жизнью солдат понял – это шанс, второго такого не будет. У него, откровенно говоря, и мысли не возникало о побеге. Побег из этой подземной крепости был исключен по определению. Прекрасно понимая, что по возрасту его скоро спишут в расход, он мечтал только об одном – умереть достойно, с оружием в руках, согласно кодексу офицерской чести. Именно поэтому, как только страшные удары прекратились, Архип Нилович насколько хватало сил бросился к спальному помещению охраны. Дверь была сорвана с петель, кругом полный разгром – тумбочки, настольные лампы, книги, оружие, амуниция в беспорядке валялись где придется. Подняв с пола кобуру с пистолетом и подобрав в углу автомат, он выскочил наружу, готовый привести свой замысел в исполнение – вступить в последний бой.

В штольне тянуло едким запахом дыма – где-то начался пожар. В панике металась люди из работавшей смены, стоял неимоверный шум. Архип Нилович на мгновение замешкался. Что делать, бросить товарищей по несчастью и выполнить задуманное, или... А делать ничего не потребовалось – увидев вооруженного до зубов человека в рабочей спецовке, эти униженные, уже потерявшие смысл жизни доходяги, испытали потрясение, сказался и только что перенесенный шок. В их угнетенном, забитом сознании произошел мгновенный перелом. Вместо того, чтобы стремглав мчаться к спасительному, как могло показаться, выходу, за которым их несомненно ждала неминуемая гибель от немецких пуль, большинство кинулось разбирать оружие.

Мгновенно возникла чудовищная свалка. Каждый, хоть на миг, хотел почувствовать себя не беззащитной жертвой. Автоматы и пистолеты выхватывали из рук, бились в кровь за рожки и обоймы с патронами. Некоторые ползали под кроватями в надежде отыскать еще не подобранный шмайсер. Кому-то отдавили

пальцы, кому-то наступили на голову, – истошные крики пострадавших никем не воспринимались. Люди обезумели и готовы были перебить друг друга.

Увиденное потрясло старого контрразведчика. В своей жизни он видел и воинский атакующий порыв и паническое бегство, но такое...

- С таким всеобщим сумасшествием мне еще сталкиваться не приходилось. Что-то нужно было предпринимать, тем более что уже сильно тянуло дымом. Пришлось отложить свою героическую гибель до лучших времен – Архип Нилович грустно усмехнулся в усы. Видимо, ему еще не приходилось излагать свою эпопею: по увлажненным глазам, подрагиванию губ, без труда можно было определить, что он переживает ее заново. – Прижимая к груди ручной пулемет, из толчеи на меня выскочил здоровенный мужик. Я его узнал – русский сержант с Алтая, кузнец отменный. Он ко мне с уважением относился... Да и сейчас отношения не поменял. Остановил я его. Дай, говорю, очередь вдоль туннеля в сторону выхода, – там никого не было. Он послушался. Залег, прошел строчку. Теперь кричи: «Немцы». Он понял, как заорет, а глотка у него луженая, в кузнице-то всегда шум. Тут я добавил: «Ложись». Ты не поверишь – вмиг тихо стало. Все наземь попадали. Выдвинулись мы в проем, по одному людей выводить стали. Командование я на себя возложил – полковник все же, как и ты, хоть и царской армии. Быстро говорю, мужики, кто в армии служил, кто охотой промышлял встать в шеренгу по одну сторону. По-русски сказал, по-французски и по-немецки повторил. Рассортировал народ. Гляжу, а у тех, кто пороха никогда не нюхал, оружия больше. Это же надо? Заставил-таки разоружиться, передать по назначению. И все это быстро. Рассчитались – двадцать шесть вооруженных гвардейцев под ружьем имею. Разделил на три группы, командиров назначил. Двум группам приказал выходы из тоннелей охранять – там два выхода было. Восемь человек в резерве осталось. Придал им для усиления пятерых, наиболее здоровых без оружия и поставил задачу: в ускоренном темпе прочесать все цеха и блоки. Заключенных выводить сюда, фашистов уничтожать, найденное оружие и боеприпасы грузить на тележки и тоже в эту казарму доставлять.

Безоружных тоже разделил на части. Кому огонь тушить,

кому автоматику отключить, – здесь инженеры требовались, – ведь немцы запросто снаружи могли нас заблокировать. А ворота там – ого-го, из бронебойной стали сделаны. Послал людей женщин и детей вывести. Да, да и дети у нас были. Откуда? Немцы тут еще одну программу вели. Но это уже отдельная история. Расскажу как-нибудь. Да, чуть не забыл – нужно было запасы продовольствия и медикаментов учесть, ну и туда добровольцев отправил. А для быстрого выполнения задач, велосипеды раздал, они тут же в смежной комнатке стояли. Коридоры-то длинные, охранникам положено было транспорт иметь.

Разбежались все, а мы впятером остались: кузнец Петр с пулеметом, еще трое самых пожилых, ну и я, конечно. Навели кое-какой порядок в казарме, чтобы детям и женщинам комфортней было, совет держим. Всем ясно – в мышеловке мы оказались. Электричество гансы отключат, вентиляцию остановят, воду перекроют и всем вскоре каюк. А если толчки земные повторятся, да по сильнее, то и раньше смерть примем. И пришли мы все к единому выводу: лучше погибнуть в бою, чем медленно и мучительно в этой норе сгинуть.

Это, конечно, только нас касалось. А женщин с детьми куда? Под пули? А может еще кто-то предпочитает здесь догнивать. Ну что же, посоветуемся с народом, так и так выбираться придется на свежий воздух, уж очень сильное задымление. Люди меж тем уж в штольне собрались, те кто без оружия и без задания остались. Новые из других блоков подходят, шумят там. Чувствую, сейчас отыщутся паникеры, кинутся к выходу и других за собой увлекут на верную гибель. Вышел, объяснил им ситуацию, но вижу: не понимают, страх в глазах плещется, тут уж не до шуток. Развернул пулемет в их сторону и велел всем на корточки сесть. Петру приказ отдал – кто поднимется, расстреливать не жалея. Жестоко, конечно, ну другого выхода в той ситуации не было. Притихли все, присели. Хоть и не громкий у меня голос, но командирский, а все услышали.

Только успел публику успокоить, гляжу – бежит кто-то со стороны выхода, да быстро так. Присмотрелся, а это молодой парень из тех, что должны были туннель охранять. Да ты его знаешь, дружок твой – Жан-Пьер. Подбегает, задыхается совсем, что-то важное принес. Я его в казарму – подальше от лишних

ушей. Докладывает вздохом: сразу за устьем тоннеля лес начинается, да не молодой, искусственный, а настоящий старый. Никаких дорог нет. Нас-то сюда хоть и в закрытых машинах везли, но по дороге. Да и металлы, продукты, прочес, все время доставляли. От коттеджного престижного поселка только два домика осталось, остальные – как корова языком слизнула, как будто и не было вовсе. Вековые деревья растут. От одного дома высоковольтные провода к заводу тянутся, гул слышен. Похоже, это замаскированная дизельная подстанция автоматически включилась, поскольку линия электропередач, что по ущелью шла, также исчезла. Немцы около второй виллы суетятся. До нее хоть и далеко, но кое-что из разговоров слышать удалось. Входить в тоннель они боятся, выстрелы слышали. Но там, возле виллы два легких танка, оказывается, прикопаны, видимо дорогу контролировали. Теперь гансы просеку рубить будут, чтобы их к штольне подогнать.

Все, что он докладывал, походило на сказку. Я, грешным делом подумал: не тронулся ли парень умом с перепугу. Ну-ка сам проверю. И хоть ноги поранены, побежал как двадцатилетний. Высовываться опасно. Залег, дальше – по-пластунски. Смотрю – все правильно, как и говорил Жан лес кругом, ни колючей проволоки, ни шлагбаума, ни будок часовых. Да и бойцов моих не видно. Когда хорошо пригляделся, заметил одного, метрах в пятидесяти за дубом схоронился. Ну, молодцы, оборону заняли. А возле пряничного домика и впрямь эсэмань копошатся – кто-то по форме одет, а кто – как был в нательном. Человек пять офицеров и два инженера в штатском что-то на раскладном столе расстелили, план завода, наверное. Между собой спорят. Тут и крестьянину понятно, план штурма обсуждают. Начал считать я немцев, человек пятьдесят выходило, да еще, пожалуй, сколько-то в доме находилось. Многовато, однако, но все же значительно меньше, чем должно было быть по штату.

Осмотревшись, вполз я обратно и быстрее к своим. Народ весь в ожидании – что да как спрашивают, а с пола не встают – понимают серьезность намерений. Дымом уже не так пахнет – значит потушили возгорания. «Подождите, говорю, товарищи, скоро все узнаете. Дайте собраться остальным». Заглянул в казарму, а там уже женщины детей укладывают. И то, слава богу,

не пострадали бабоньки. Немного совсем времени прошло, начали возвращаться боевые группы. Кое-какого оружия еще принесли – несколько пистолетов, автоматов штук двадцать. Зато боеприпасов предостаточно – на багажники велосипедов ящики с патронами и гранатами погрузили. Да еще моток бикфордова шнура прихватили. Командиры, которых я назначил, тоже чудеса рассказывают: чуть ли не пол-завода исчезло. Некоторых цехов нет вовсе, исчезло конструкторское бюро, там где входы были – скальная стенка. Второй выход, например, как будто и вовсе не существовал. Нашли арсенальное помещение, дверь открыта настежь, на пороге мертвый шарфюрер лежит, голова ящиком с патронами придавлена. Помещение уже и назвать то таковым нельзя. Два метра в глубину, а дальше камень – как ножом срезало вместе со стеллажами. Рабочих немногих нашли, всех сюда отправили. Из охраны только двоих встретили, жалости к этим тварям не испытывали и приказ выполнили.

Ну что ж. Раз такое дело, давайте решать, как дальше быть. Кто на прорыв пойдет, а кто захочет остаться. Размышлять некогда, пока немцы не предприняли атаку, надо уходить.

Вышли мы в коридор. Народ притих, насторожился. Разрешил я всем подняться. Объяснил обстановку. Ну, говорю, кто готов, так сказать, жизнью рискнуть ради эфемерной свободы. А получим ли мы ее и что нас ожидает, никто ведь не знал. И все буквально, поверишь, все, даже женщины с грудными детьми, даже те, кто в душе сомневался, подняли вверх руки, в знак согласия. Избрали штаб – от каждого участка по одному человеку. Я, конечно, во главе, ни у кого и сомнения не возникло. Тут же создали ударную группу из двадцати человек, включая и тех, что уже на подступах к штольне охрану несли. Этот отряд должен был связать огнем основные силы немцев. Всех остальных мы должны были аккуратно вывести, желательно без потерь. После короткого, но эффективного совещания наметился план действий. Если совсем коротко, то состоялся он в следующем. Всех, кто жив останется, уводим в глубину лесов, обучаем обращению с оружием, организуем разведку и начинаем партизанскую войну. Одновременно ищем связь с местными антифашистами-подпольщиками. Мы ведь не подозревали, что уже не на Земле находимся. С собой берем медикаменты, боеприпасы и продукты,

сколько унести сможем. Сразу назначили ответственных за выполнение столь важного задания, придали им людей и всего час времени на выполнение.

Остался нерешенным один, самый важный вопрос. Как безоружных людей из-под огня с наименьшими потерями вывести? Думаем, ничего толкового придумать не можем – окрестностей не знаем, карт нет. И в этот момент, на счастье, вестовой заходит, – молодой венгр, очень толковый парень. Его по какому-то делу прислали, уже не помню точно. Услышал он, по всей видимости, о чем разговор, извинился, что вмешивается и предлагает простую и в то же время просто гениальную идею – уйти по каналу приточной вентиляции. Он слесарем здесь работал, хорошо знал вентиляционные штольни. Оказывается, воздух в нашу подземную крепость поступал с другой стороны скалы, и воздухоход выходил всего метров на десять выше поверхности земли. Внизу же только будка часового, а за ней первая линия из колючей проволоки. Но была надежда, что они тоже исчезли.

Предложение единогласно одобрили и решили, как только немного стемнеет, приступить к выполнению операции. Ясно было, что охранники за нами не погонятся, они сами в шоковом состоянии пребывают. Кроме того, им объект покидать нельзя, тем более не зная, что творится внутри.

Сказано, сделано. Несколько человек отправились вместе с Лайошем, венгром этим на разведку путей отхода, с одновременным заданием отключить вентиляцию и решить, как проход освободить, и спуск наладить. На том все основные организационные вопросы были завершены, оставалось только раздавать многочисленные легкие поручения. Этим другие члены штаба озаботились, а я ждал вестей от Лайоша и обдумывал уже перспективу. Ты, Влад, даже не представляешь себе, как приятно почувствовать себя свободным человеком, самому действовать и не ожидать за спиной окрика, или того хуже... Вышел я в штольню. Работяги, откуда силы взялись, бегают, сумки, мешки с продуктами носят. Глядь, откуда-то клетки с живыми курами и кроликами тащут. Оказывается, здесь целая ферма под землей имела, а я и не подозревал. Для немцев свежее мясо, яйца поставляла. Она с другой стороны завода располагалась и попасть в нее только через вторую штольню можно было. Куда, спрашиваю, вы живность эту тащить вздумали; дай бог самим выбрать-

ся. А мне одна бойкая бабенка отвечает в таком духе: мол, консервы кончатся, что есть то в лесу будем, о будущем заботиться надо. Молодец, надо сказать! Махнул я рукой – тащите, сколько сможете, а про себя думаю: азарт у вас сейчас, подъем, а по дороге, когда силы иссякнут, все равно лишнее побросаете. Не побросали, однако. Вот народ!

Наконец, Лайош со своей бригадой прибыл. Они вентилятор снять не смогли, но догадались с помощью гидравлического домкрата пару лопастей сломать и обеспечили достаточно свободный проход. Как и предполагалось, будка с часовым, проволочное ограждение исчезли, так что путь расчищен. Но самое интересное заключалось в том, что спускаться теперь никуда не нужно. Прямо под каналом растет буйная трава. Местность совершенно изменилась. Скалы, как выразился Лайош, фея-антифашистка превратила в предгорья Карпат. Мин вокруг тоже нет, – эти мудрецы, штафирки штатские, уже успели в лес сбежать. Ну что с ними делать!

Раз все так удачно складывается, какой смысл темноты ждать? Сразу же формируем разведгруппу во главе с пленным бывшим капитаном Красной Армии, придаем ему вестовых и отправляем с наказом каждые полчаса слать вестового с новостями, а часа через четыре подобрать подходящее место для стоянки и подготовиться к приему остальных. Первый час, как показалось, пролетел мгновенно, я только успел к боевой группе сходить, ситуацию уточнить. Немцы тем временем уже всю просеку рубили, танкам проход прокладывали. Ну что ж, и самим поработать не вредно, рабской силы, слава богу, не осталось.

Итак, первый отряд отправился в путь – человек пятьдесят. Женщины, в том числе с детишками и все кто постарше и послабее. Пятерых вооруженных хлопцев им в боевое охранение придали. На каждого бойца еще и поклажи навалили – одеяла там, куски брезента, продукты. Готовим вторую группу. В это время опять Лайош с товарищем появляется. Вот, говорит, посмотрите. А они два велосипеда спарили. Куски толстой фанеры между рамами и с боков скобами закрепили, получилась прекрасная тележка на четырех колесах. Педали, конечно, крутить нельзя. Но два человека без особого труда увезут столько, сколько шестерым не поднять. Ну, молодцы!

Похвалил я изобретателей. Делайте, говорю, грузовики так

сказать, столько, сколько успеете, да ширину промерьте, а то могут в шахту не пролезть. Заодно побольше инструмента всевозможного прихватите, особенно шанцевого, да в столярку сбегайте, пилы там, топоры поищите. В заботах нахлынувших совсем столь важный момент упустили.

В общем, все к отходу готово. Поговорили мы еще с командирами, договорились, что будут уходить отдельно двумя отрядами, по мере прибытия вестовых – посыльных от разведгруппы. Последние из уходящих, предупредят нас и по пути – встречного разведчика, чтобы ждал нас у выхода и внутрь не совался.

И двинулся я вновь к своим бойцам охранения. Слышу, кто-то за мной топает, а это Петр со своим пулеметом. Я теперь, говорит, Ваш личный телохранитель, как хотите, а от Вас не отстану. Выползли мы из норы, глядь, а солнце к закату уже клонится. Еще часа два и совсем стемнеет. Вот ведь как, думаю, время летит. Часов-то ни у кого нет. Были одни, что у убитого немца догадались снять, и те капитану разведчику отдали. А гансы меж тем, уже почти закончили путь танкам расчищать. Они не все деревья подряд валили, а только те, что проезду мешали. Заметили мы нескольких наших – отползают потихоньку назад. Первым Жан рядом оказался, докладывает шепотом, что фашисты к штурму готовятся. Подслушали, что один танк снаружи останется, второй же должен в тоннель войти, а под его прикрытием штурмовая группа из пятнадцати эсэсовцев. Всего же силы противника составляют не менее пятидесяти солдат и офицеров с оружием, не считая тех, что давали стрелка из казармы, и двенадцать человек в штатском. Возможно и еще есть, не все ведь, наверное, из коттеджа выходили. Быстро, однако, эти мерзавцы в себя пришли, не зря, значит, свой шнапс пьют и шоколадом закусывают. Вот что, Жан, говорю, ноги у тебя быстрые, беги, скажи нашим в штабе, чтобы немедленно все уходило. Все вместе, не дожидаясь вестовых. Во-первых, скоро уже стемнеет, во-вторых – немцы вот-вот атаку начнут. Как увидишь, что все покинули наш острог, возвращайся. И прихвати гранат побольше.

К этому времени еще человек пять ко мне подползли. Хорошо еще, что трава высокая уродилась, и немцы не догадались охранение у входа в тоннель выставить – слишком уж уверены были, что забитые каторжники не решатся носа из дыры высунуть.

нуть. Так что нас до сих пор никто не заметил. Ставлю бойцам задачу: не допустить выхода танка на прямую наводку по штольне. Ровная, как линейка, штольня – это единственный путь нашего отхода. Стрелять по амбразуре водителя, закидывать машину гранатами. Это – первое. Второе – сразу отсечь, положить пехоту. Для этого рассредоточиться всем на правом фланге, чтобы враг попал под боковой кинжальный огонь. Как только удастся расправиться с танком, немедленно всем отходить в тоннель. Второй танк не сможет протиснуться между стволами деревьев и первой машиной – слишком уж узкая просека. Мы же с Петром будем прикрывать отход.

Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Еще Жан с гранатами не вернулся, как головной танк, ревя мотором, тронулся с места и одновременно, как по команде раздался треск автоматных очередей. Кто-то из наших не выдержал, а остальные поддержали. Вот что значит неслаженная команда. Несколько эсэсманов свалились, явно подстреленные, остальные залегли и открыли ответный огонь. Даже сквозь рев мотора слышны были крики и стоны раненых. А боевая машина, между прочим, не остановилась, а, ведя беспорядочную пулеметную пальбу, продолжала движение через свежие пни и колдобины.

Ей оставалось проползти еще не более десятка метров, чтобы развернуться в нашу сторону, когда перед стальным монстром выросла низкорослая фигура в разодранном рабочем комбинезоне. Молниеносно вставив ствол автомата в смотровое окошко водителя, человек нажал на спусковой крючок. Танк сделал последний рывок и замер, а солдат-герой погиб от удара. Да, он был рядовым солдатом, казаком по национальности. Конечно, попытались его вытащить, но двое поднявшихся были тут же застрелены.

Архип Нилович в очередной раз прервал свой горький рассказ и разлил по кружкам остатки самогона.

- Выпьем, помянем. – Выпили не чокаясь.

- Ну, а дальше что? Как вы-то выбрались с больными ногами?

- Дальше все быстро происходило, или, может, мне показалось. Мы стреляли, немцы отстреливались, немцы стреляли, мы отстреливались. Неразбериха полная. Если дислокацию немцев можно было понять, то за какими кочками и деревьями наши бой-

цы попрятались, я себе не представлял. В это время появился, наконец, Жан, весь обвешанный гранатами. Но они уже не пригодились. Все, надо уходить, пока всех не положили. Петр своим страшным голосом подал команду отходить. А как я уже докладывал, орет он так, как иерихонской трубе и не снилось, мертвого разбудит. Все кто жив остался, приползли. Восемь наших там лежать остались. Кто раненый, кто живой вытащить их не было никакой возможности. Двоих мы потом на захваченных немцев обменяли. Что ты так удивленно на меня смотришь? Это тавры их ловят. Им только одна задача поставлена – немцев живьем добывать. У нас здесь натуральный обмен так сказать, поставлен – мы фашистам их живого пленного, они нам металл, проволоку. Так и живем. Ладно, не отвлекай, а то до вечера не закончу.

Вернувшись товарищам я командовал к вентшахте бежать и по ней живо уходить, а сам прикрывать остался. Куда уж мне с покалеченными ногами, версту и ту без остановки не одолеть. Небось обратил внимание, – он выставил из под стола ногу, – в лаптях, аки пахарь хожу. Лучшей обуви, доложу тебе, на свете нет.

Тут уж я не удержался, хотя ни разу до этого рассказчика не перебивал:

- Архип Нилович, а что за травма у Вас такая, коль к старине архаичной обратиться пришлось?

- Травма, говоришь? Это, брат, добрые люди мне в гестапо сделали. На допросах. Пятки бритвой резали и солью посыпали. Раны потом зажили, а рубцы остались, ступать тяжело.

Так вот, отправил я бойцов и остался один с пулеметом. Стреляю понизу короткими очередями, чтобы фашисты головы поднимать не могли. Танк в это время башню в мою сторону разворачивать начал, сейчас жажнет. Ну, все. Перекрестился я, а в голове одна мысль – отвоевался. И то ладно, умру как солдат. Но не довелось. Чувствую, хватает меня кто-то сзади, как ребенка, в охапку и тащит куда-то. А это оказывается Петр Петрович, кузнец алтайский вернулся. Сила у него, надо сказать, богатырская, хоть и тощий сам, да и я, полагаю, весил не много. Сзади, слышу, кто-то еще бежит, изредка вдоль тоннеля очередями лупит. И то правильно. Добежали до вентшахты, а она на высоте трех метров устроена. Но к стене лестница добротная приставлена. Снизу

Петр меня, так сказать, вверх выдавливает, сверху чьи-то руки поднимают. В миг вытянули и лестницу за собой подняли. Дальше до конца шахты я уж сам в полусогнутом положении доковылял вслед за Петром. А за спиной пулеметчик подбадривал. Выбрались мы на свежий воздух, а там... Батюшки-светы – Лайош с товарищем и со своей чудо-коляской поджидают. Для удобства еще и тряпок каких-то нужных накидали. Положили меня сверху, как куклу какую, и повезли. А на мои возражения в довольно-таки грубой форме велели молчать и не вякать. Так и доехал я, как китайский мандарин, до нашего стойбища. Немцы, как мы и предполагали на преследование не решились. А мы, проплутав несколько дней, в конце концов нашли это озеро с островами и здесь обосновались. Долгое время, правда, на побережье жили, а потом пришлось сюда перебраться. Вот и вся история... Хотя нет, мы ведь начали с тавров. Исчезло семь отчаянных воинов, и никаких концов. Но со временем они все отыскались, развешанными на деревьях, как спелые груши. Немцы, что ни говори, а вояки хорошие и не очень любят, когда к ним без спросу вваливаются какие-то полудикие туземцы.

Великий и последний вождь всея Тавриды, как человек хитрый и дальновидный, быстро смекнул, что нарываться смертельно опасно и можно потерять последних воинов. Действуя по известному принципу – враг моего врага – мой друг, он с подарками прибыл к нам для заключения вечного мира и военного союза.

После долгих переговоров и препирательств союз наконец был заключен на выгодных для обеих сторон условиях. С нашей стороны – покровительство, защита и кое-какие продукты. С их стороны – обязательства на пушечный выстрел не подходить к нашим женщинам и отлов живьем общих врагов.

Ну вот, сколько тебе всего рассказал. Давненько так ни с кем не сживал. А теперь, герой, пойдём пройдемся по поселку, посмотрим, что там без нас творится... Только ты уж сегодня больше вопросов не задавай. Договорились?..

ГЛАВА VII Чудеса в решете

Уже и два дня прошло и три, а обещанное празднество пока отодвигалось на неопределенный срок. Что-то у тавров не срасталось, наверное, репетировали развлекательную программу.

Я продолжал хозяйничать в квартирке Архипа Ниловича, а он временно переселился в молодежную коммуналку – там имелась лишняя жилплощадь. Полная свобода действия подвернулась кстати, можно было без особых помех посплетничать с браслетом – передавать ему новости, которые он сам не имел возможности записать. А в новостях, достойных упоминания, недостатка не предвиделось.

Чтобы не спать до обеда и не пятнать свой героический имидж, я, чуть свет следующего дня, бессовестно поднял с постели Архипа Ниловича с требованиями выделить мне в гидыповодыри Жан-Пьера. Главное условие состояло в том, чтобы его наделили полномочиями четко и без недомолвок отвечать на все мои вопросы: короче, снять все ограничения на информацию. К тому времени в голове вырисовывались контуры одного небольшого плана, и мне была интересна реакция старосты. Что он скажет и как поведет себя после вчерашних откровений? К чести старого контрразведчика отношение его к моей особе оказалось лишенным всякого лукавства и вполне искренним. Невзирая на несусветную рань, он вызвал в землянку еще заспанного француза и подробнейшим образом его проинструктировал, присовокупив напоследок, что при возникновении каких-либо неясностей, он самолично, в любое время, готов оказать необходимое содействие.

Надо отдать должное и пареньку, откликнувшемуся с неподдельным энтузиазмом и выразившим готовность, раскрыть все известные ему страшные тайны, и тащить меня куда пожелаю, даже на голодный желудок. Жертву пришлось отклонить, поскольку у серьезных людей, – а я причисляю себя к таковым, – иные, устоявшиеся привычки. Мы плотно позавтракали в шумной молодежной компании, где, между прочим, опять пришлось выслушать массу восхищенных комплиментов, и только затем уже, не спеша, направились изучать достопримечательности

окрестных земель. Вышли, как водится у самодеятельных самоуверенных туристов налегке, не прихватив с собой ни оружия, ни даже краюхи хлеба. Конечной целью путешествия, как и намерения, намечалось то самое интересное место, до которого так и не удалось добраться.

Жан сходу, со свойственным молодежи задором, немедленно принялся доставать меня требованиями обучить его самым ужасным смертоубийственным приемам. Пришлось буквально отбиваться, ссылаясь то на раненую руку, то на внезапно обрушившийся полный склероз. Не помогло, не внял. Поняв, что доводы не действуют и дабы прекратить жалобное нытье, я резко сменил тему. Непререкаемым командирским тоном велел ему доложить все, что ему известно об икарах, опричниках и прочих исторических персонажах. Как и следовало ожидать, серьезного эффекта это не принесло, познания Жана в данном вопросе оказались более чем скромными, хотя и давали некоторую пищу для размышлений. Да и рассказчиком он оказался никудышным – перепрыгивал с пятого на десятое, упускал детали. Но с помощью дополнительных усилий, наводящих вопросов, удалось таки из него кое-что вытянуть и составить более-менее цельную картину.

Впервые переселенцы увидели ЕГО лет через пять своего пребывания на новой земле обетованной. Оказывается первое поселение беглецы основали вовсе не на острове, а как раз на том чудесном берегу, откуда мной был осуществлен беспримерный заплыв.

Мужчины вырубили целый массив лесных зарослей, выкорчевали и выжгли пни, построили несколько длинных деревянных изб с отдельными квартирками, амбары, сараи, то да се – все, что требуется поселянину-колхознику. Разбили огороды, посадили овощи, корнеплоды – из тех припасов, которые дальновидно прихватили с собой. Среди узников, к счастью, нашлись специалисты, хорошо разбирающиеся в ботанике. Целенаправленные поиски дикорастущих злаков принесли удачу – удалось разыскать пшеницу, гречиху, овес. Низкорослые слабые колосья обирали чуть ли не всей ордой. Зато всеобщей радости не было предела: как же, теперь будет и свой хлеб и своя каша. Высадили опытные делянки, занялись селекцией. Правда потом, много

позже, выяснилось, что этот путь давным-давно был пройден крестьянами-европейцами из рыцарских поселений и даже выведены новые высокоурожайные сорта. Но это будет потом, а пока люди делали то, что и должны делать разумные существа. Отличное подспорье давали охота и рыбная ловля. И дичи в окрестностях, и рыбы в озере было вдосталь. И немцы, что удивительно, тоже в то время не беспокоили. В общем, тишь, да гладь, да божья благодать. Ну, чем не жизнь? Зим нет – всегда бархатный сезон, надсмотрщиков нет, даже хищников и ядовитых змей, и тех, в этом раю не водилось. Но в один прекрасный, или правильнее сказать, злосчастный день все изменилось вдруг. Как всегда люди отправились по своим делам, кто в поля, кто дрова заготавливать, кто еще куда – у каждого, как в муравейнике была четко определенная обязанность. Солнце с небес светило, рыбка в воде плескалась, пшеница зерном наливалась. И тут некоторые, наиболее дальновзоркие, а может быть просто любители поглазеть по сторонам, заметили на горизонте яркую оранжевую точку. Точка быстро превратилась в светлячка, затем в мавританскую дыню и, наконец, в дирижабль, или, если выразиться правильными математическими терминами – в эллипсоид довольно внушительных размеров. Неизвестного предназначения аппарат завис над изумленными и немного испуганными людьми и начал показывать чудеса. Сначала он плавно изменил свой цвет с пламенеющего оранжевого, до тусклого серого. Затем мгновенно переместился, как бы отпрыгнул на несколько сотен метров в сторону и очутился как раз над двумя рыболовами, бросившими от неожиданности полную рыбы плетеную вершу. Из брюха надутого пузыря один за другим брызнули два луча сизо-фиолетового оттенка, немного пошарили по сторонам и остановились над оцепеневшими, прямо-таки впавшими в ступор мужчинами. Все это действо длилось буквально несколько минут, затем лучи мгновенно погасли и также мгновенно исчезли оба незадачливых рыболова, а вместе с ними и верша с уловом. Дирижабль, назовем его условно так, поглотивший несчастных, медленно повернулся вокруг вертикальной оси и не торопясь уплыл за горизонт. Что тут начало с народом твориться, может, и рассказывать не стоит, каждый сам себе представит. Все бросились обратно в свои дома и ни в эти, ни на следующие сутки никто и носа оттуда не высуну-

нул. Но на третий день, рано утром, исчезнувшие, растворившись, унесенные, называйте как хотите, вернулись живыми и здоровыми. Здоровыми-то здоровыми, но как бы с легким помутнением, или, проще говоря, с некоторой придурью. А заключалось это своеобразное помутнение в том, что оба стали задумчивыми, даже замкнутыми, рассказать толком о своем похищении ничего не могли и, как стало многим казаться, резко выросли в интеллектуальном плане. Один теперь все свободное время чертил на чем придется какие-то схемы, а другой ни с того ни с сего возмнил себя скульптором и лепил из глины диковинных животных. До этого, надо заметить, этот бывший в прошлом превосходным токарем из Брно и понятия не имел об искусстве валяния.

Прошло около двух лет с момента всех потрясшего происшествия, как неизвестный летательный аппарат вновь утащил одного из бывших узников и объявился пропавший уже через неделю. У этого мозги совсем съехали набекрень, зато он превосходно научился перемножать и делить в голове семизначные числа. Проверили – все правильно, без шулерства. Но какая с того польза? Теперь уже все призадумались всерьез – что же дальше-то будет? Так, глядишь, всех перетаскают и в кого превратят? В нечистую силу мало кто верил, но даже головастые ученые и инженеры не могли выдвинуть подходящую гипотезу, раскрывающую загадку этого мира. А мир сей ни с того ни с сего начал подбрасывать все новые и новые пакости. Вначале появились хищники, в основном особи кошачьей породы – леопарды, барсы, ягуары. И, если на Земле ареалы их обитания разделены океанами, то здесь они оказались соседями и тут же по-соседски начали отвоевывать друг у друга свое место под солнцем. Более того, людей они посчитали своей законной добычей и не упускали случая полакомиться человечинной. Так поплатились жизнью несколько романтиков, любовавшихся природой и парочка влюбленных, искавшая уединения, даже не подозревавшая об опасности. Следом, через какое-то время, откуда ни возьмись, выползли аспиды. Правда, пока обошлось без кобр и гюрз – в основном гадючки, но признак, согласитесь, настораживающий. Теперь уже по травке-муравке не побегаешь босиком без оглядки, ягоды, да грибы собирать надо с осторожностью. А совсем недавно, – община уже совсем освоила новое местожительство, –

в тихом спокойном озере, где все безбоязненно купались, стирали белье, ловили карасей да жерехов, объявились страшные монстры с огромными зубастыми головами, как голодные бешеные псы бросавшиеся на все живое. Чешуя у новоселов отливала золотом, и размер ее соответствовал старинной пятифранковой монете, за что и прозвали их чешуями. Оказывается, это о них предупреждал меня Жан, когда орал о напавшей на него чешотке. И сейчас, разобравшись в причине его истощных воплей, я, как воспитанный человек выразил ему свою самую горячую благодарность.

Понимая, что все происходящее является не чередой случайностей и отнюдь не закономерностью эволюционного развития, а результатом чьей-то неведомой воли, селяне на вызов ответили вызовом. Совет топ-менеджеров, а по старинке – из наиболее авторитетных ветеранов, во главе с бессменным Сидорчуком, разработал подробный план переселения общины и наметил меры по обеспечению ее безопасности. Перебираться решили на остров, как наименее уязвимую со всех сторон крепость.

Не успел Жан-Пьер подобраться к самому интересному, как перед нами открылась давешняя цветущая поляна. Не знаю отчего, но мне сразу безудержно потянуло к берегу, к тому самому месту, где был прикончен зубастый обитатель глубин. Ноги сами понесли меня с цветущего луга к песчаной полоске, окаймлявшей лазурную бухту. Что-то там поблескивало, привлекая взгляд, словно осколки разбитого зеркала. По мере приближения сверкающие звездочки постепенно росли и в конце концов превратились в россыпь золотых испанских дублонов времен конкисты и вольного пиратства. Так вот, оказывается, куда пропал клад знаменитого флибустьера Моргана! Но радость нечаянного кладоискателя оказалась преждевременной. К великому разочарованию испанским золотом здесь и не пахло – дублоны оказались вовсе не металлическими полновесными монетами, а легкими тонкими пластинками почти идеально круглой формы.

– Чешуя убитой тобой зверюги, – Жан ловко, по-футбольному подбросил в воздух серый ком, оказавшийся страшной головой с огромной ощеренной пастью. В такую глотку спокойно бы поместился здоровенный мужской кулак. Из черепной кости, как перископ, торчал длинный заостренный шип неизвестного назна-

чения. Природа ничего не делает напрасно, все ненужное живому организму отбрасывается, все, что необходимо, должно выполнять определенную функцию. Но кто создал это чудо – природа ли? Исходя из рассказа француза, есть очень серьезный повод для сомнений. Я поднял зубастую голову с маленькими выпученными глазками и попытался сломать нарост. Не тут-то было, игла гнулась как стальная пружина, но ломаться не хотела. Любопытный материал. Зубы тоже были необычайной треугольной формы, цвета слоновой кости и чуть загнутые внутрь. Из таких жертве уже не выбраться – классная мясорубка.

- Послушай, парень, а где все остальное – туловище, хвост, плавники? Никак, косточки на сувениры растащили?

- Иштван уверен, что здесь не обошлось без постороннего вмешательства, - думая о чем-то своем отозвался Жан, – он полагает, всем, что происходит, кто-то осторожно исподволь управляет. Возможно, он прав. Слишком много возникло непонятого, загадочного. Чудовищ таких тоже ведь не было и вдруг появились... Сразу в большом количестве. С тех пор мы и рыбу ловить перестали, даже на удочку.

- Хорошо же вас всех напугали, если...

- Не надо смеяться, – мальчишка, кажется, не на шутку обиделся, – эти твари выскакивают из воды за каждой пойманной рыбешкой. Им все нипочем – ни воздух, ни земля. Отхватят кусок ноги или руки у рыбака прямо с одеждой и обратно – в глубину. С недавних пор и в мелководные речки заплывают, какая уж тут рыбалка!

Я невольно вспомнил о своем заплыве на утлом плоту, о желании искупаться и ощутил неприятный холодок во всем теле. Бр-р-р. Осталось лишь удивиться своему везению. А, может быть, – такая счастливая у меня планида? Не исключено. Если кто-то погибает в первом же боевом столкновении, то кто-то наоборот, в качестве природного равновесия компенсирует потерю и всю жизнь ходит по грани, доживая до глубокой старости, или, - как в моем случае, - даже до бессмертия. Хотя, надо признать, теория игр или закон больших чисел здесь не пляшут. Да..., кому полтина, а кому ни алтына.

- Спасибо, дружище, я все неправильно истолковал и приношу искренние извинения. Ну, а все же балык куда исчез?

- Куда, куда – сварили. Сварили и съели.

- Как, все слопали?... Действительно смелые люди. Надеюсь, обошлось без эксцессов, все живы остались?

- Все, все. Правда, совсем по маленькому кусочку попробовали. Больше побоялись. А собаки – те вмиг все умяли. Мясо отличное, почти без костей, да мы их и повывинимали.

- Как интересно открывать для себя мир. Так у вас и собаки, значит, есть!

- Еще какие – овчарки. Целая свора прожорливая. Но в хозяйстве нужны, особенно теперь, – мальчишка весь преобразился от собственной значимости. Вопрос видимо попал точно в тему, к которой он был лично причастен. – Собак иногда вместе с немцами захватываем. Наци натравливать псов не рискуют, кому хочется получить пулю в ответ. Они четвероногих против хищников больше используют. Охранников обмениваем на своих, зачем нам лишние рты, а собак оставляем себе... перевербовываем.

Я между тем насобирав пригоршню фальшивых пиастров и напрасно пытался своими чудесными ножом проковырять в одном из них отверстие. Безуспешно – на идеально гладкой поверхности не оставалось даже царапины. Удивительный материал – на Земле бы ему цены не было – легкий, упругий, поддаваясь усилию, изменяет свою форму, но стоит ослабить давление, мгновенно возвращается в исходное положение. И при этом поверхность твердая как у стекла. Можете себе представить? Одно мое полушарие сразу задумалось над проблемой применения, а второе, как ни в чем не бывало, занималось продолжением беседы.

- Слушай, Жан, хочу открыть тебе одну личную тайну, но немного сомневаюсь. Не знаю, можешь ли ты хранить чужие секреты. – Глаза у мальчишки загорелись точно два фонаря – ну как же, сам человек, уже почти легенда, готов поверять свои сокровенные помыслы.

- Влад, я для тебя, я для Вас, что угодно... Но сомневайтесь. Под пыткой...

- Ладно, ладно, извини. Ну, так вот, слушай. Есть у меня один дефект..., ну, не дефект, а скажем странность – не могу жить без рыбы. Без хорошего, сваренного на костре рыбьего супа – ухи по-нашему, без жареного на сковородке или копченого кар-

па мой организм не может находиться в спокойном, умиротворенном состоянии, а начинает приобретать агрессивные звериные свойства. Наверное, что-то в генах перепуталось. Хотя, тьфу, ты ведь не знаешь об этом ничего. Но не будем отвлекаться, поверь на слово. Представляешь, руки, ноги начинают действовать по своему собственному разумению, абсолютно обособленно от мозга; я не могу ими управлять. И вот так мне приходится жить, все время в диком напряжении, все время себя сдерживая и контролируя. Сколько времени смогу еще продержаться, сам не знаю. Вообрази на минуту – идем, допустим, мы с тобой, мирно беседуем, никто нас не задевает, а навстречу – твои друзья, Иштван, еще кто-то. Вдруг щелк, меня заклинило, мозг отключился, склероз отпустил и что...? – Куча побитых, еле дышащих тел в лучшем случае. И все только потому, что я вовремя не поел рыбы. Теперь ты понимаешь?

Он понимал, мой юный спутник, он все себе ясно представил. Лицо выражало крайнюю степень сочувствия и испуга одновременно. Пальцы нервно перебирали пуговицы застиранной немецкой гимнастерки – надо полагать фашистов на обмен сдавали голыми.

- Чем я могу помочь? Что нужно сделать?

- Ты и вправду готов оказать услугу, мой друг? Не сдрейфишь? Тогда слушай. Будешь ловить чешуев, мясо-то съедобное. Как? – На живца. Все очень просто. Тыходишь в воду, начинаешь, как ни в чем не бывало радостно плескаться, подпрыгивать. Чешуи, почуяв прикормку и ничего не подозревая, начинают к тебе подтягиваться, а я тем временем занимаю на берегу стрелковую позицию... Да, для пущей подстраховки из этих кругляшек тебе балахон... Бежим! Быстро!

Я подхватил здоровой рукой парня под локоть и что есть духу рванул к ближайшему зеленому укрытию – той самой пригнопамятной кустарниковой заросли, что словно волдырь выросла посреди лугового раздолья. До леса добежать мы просто не успевали. Плюхнулись в тень первого же развесистого растения, я, словно хромая ящерица, с помощью одной руки, резво пополз вперед, подалее от места приземления. Французский гаврош, не по возрасту пыхтя и отдуваясь, пытался проделывать то же самое. Чувствовалось, что парень в своем развитии ушел от

рептилий явно дальше меня – вот оно счастливое капиталистическое детство. Придется на досуге вернуть его обратно.

- Что, что случилось?

- Тихо лежи, забейся под куст. Не то вмиг повторишь подвиг ваших рыболовов. Будешь потом петроглифы на камнях выстукивать.

Однако, легки на помине. Словно в волшебной сказке, – не успели слово молвить, а они уже тут как тут. – Накликали-таки беду на свои буйные головушки.

И впрямь, только-только мы, как могли, замаскировались, а я даже перевернулся на спину и украсил лицо охапкой пряных цветов, как над поляной совершенно бесшумно появился пузатый объект. Ну, точь-в-точь из давешнего рассказа. От тех же, о которых недавно рассказывал Жан, он отличался лишь тем, что не мимикрировал, а сразу был окрашен в светло-серые тона. Может цветные чернила подорожали? Или завхоз их на сторону пихнул?!

Шутки, шутками, а дело приобретало вполне серьезный оборот, мне же до ужаса не хотелось подвергать зомбированию свой организм. Даже дышать почти перестал. Они же, те кто сидел внутри, явно знали, что в чаще прячутся живые существа. Аппарат без всяких неведомым усилий завис прямо над тем местом, откуда мы только что уползали со скоростью испуганных игуан. Лучей он по видимым причинам испускать не захотел, зато выбросил из чрева трех недоразвитых младенцев и мгновенно затыкнул свое анально-родовое отверстие. Младенцы, совсем еще щуплые, не успевшие расползти ребята, представляли собой сплюснутые дискообразные тела, диаметром всего в три-четыре метра. Выскочив на простор, они сразу же, без всяких раздумий начали носиться над поляной, издавая тихий, свистящий звук. Ну, точно – малые дети. Иногда они, словно играя в догонялки, проносились друг за другом прямо над нами, проделывая выражи и головокружительные пируэты, поэтому появилась возможность сквозь цветочную накидку и ветви разглядеть их повнимательней.

Каждая из этих птичек, по сути, была копией детской юлы, только сильно сдавленной и без винтового стержня. Создавалось впечатление, что верхняя и нижняя половинки такой юлы жили

самостоятельной жизнью. Каждая имела в наиболее широкой части обод, напомилавший кольцо Сатурна из школьного учебника астрономии. И, если глаза меня не обманывали, кольца вращались, причем возможно в разные стороны, как двойные пропеллеры у некоторых моделей вертолетов. Уверенно заявить не могу – уж слишком велика была окружная скорость.

Я, безусловно, знал об НЛО – неопознанных летающих объектах. И в силу специфики своей профессиональной деятельности, информации у меня было гораздо больше, чем у авторов и режиссеров многочисленных полумистических, полуфантастических фильмов, которые так любит российский канал РенТВ. Но увидеть собственными глазами, причем целую стаю, причем вблизи, почувствовать реальную опасность быть захваченным в качестве лабораторной крысы – это, доложу вам, не на диване перед телевизором возлегать, совсем другие ощущения.

Между тем вдруг сильно захотелось спать. Мышцы спины и конечностей расслабились, веки отяжелели. Может быть, подействовал дурманящий аромат цветов? Боясь пошевелиться, я изо всех сил боролся с неожиданно накотившей дремотой. Сколько так продолжалось, сказать трудно – может быть, минута, может быть, час. Все вокруг стихло, не слышно стало ни жужжания пчел, ни птичьего гомона – только временами тихий посвист, теперь уже вполне опознанных, стремглав проносящихся объектов, да мерное посапывание какого-то живого существа. Осторожно повернув голову набок, я понял, что дрыхнувшим как ни в чем не бывало существом, являлся не кто иной, как мой жизнерадостный спутник. Все, – природу уложили спать прямо среди бела дня, надо полагать, не напрасно. И коль я теперь единственный бодрствующий в этом сонном царстве, то просто обязан досмотреть этот балет до конца. Да и финал уже близился. Брюшная полость корабля-матки как-то незаметным полусонному глазу образом открылась, образовав квадратное отверстие, подсвеченное голубоватым неоном, и туда один за другим юркнули серенькие шаловливые детки. Также в мановение ока проем закрылся, гигантская летающая туша дрогнула, медленно снялась с одной ей ведомого якоря и уплыла восвояси. Что же они здесь делали? Заботливая родительница привозила отпрысков на детскую площадку порезвиться? Ближний свет! Наверняка есть места и по-

лучше, и пораздольней. Да и энергию экономить следует, кризис ведь. Стоп! Выползло на свет божий три птенчика, а вернулось в утробу только два. Где же третий? Не могла же мамаша бросить свое дитя! Я резко сбросил с головы опостылевшую цветочную икебану и вертко пополз к краю нашего убежища. И так уже было ясно, что мы с Жаном мало кого интересуем, но осторожность не бывает излишней.

Вот и граница кустарника, поляна как на ладони – за ней непроходимая лесная глухомань. Так, где же третий? Может быть, улетел в другую сторону, к проливу? Какой-нибудь неосторожный кульбит, и теперь его кромсают кровожадные чешуи? Попытка представить себе эту сюрреалистическую картину как-то не удалась. Не то воображение, не Дали. Глаза же продолжали методично обшаривать широкую диараму, пытаясь углядеть светленькое пятно. Но нет. Не видно. А это что такое? Когда же он перекарсился? Еле заметный на фоне лесного массива, принявший цвет окружающего ландшафта и даже, кажется, с наляпанными на поверхности цветочками, на лугу сидел искомый объект. Умаялся милый, присел отдохнуть? Возможно, сломался? Хотя как-то даже не верится, оборудование все же иноземной сборки. Хотелось бы знать, надолго ли он тут расселся соснуть. Очень тянет поспать часок-другой, проглоченная патентованная таблетка что-то не слишком справляется с опутавшим округу сонным дурманом. Но упустить такой шанс проникнуть хоть в предбанник набитого тайнами заколдованного царства тоже нельзя. И только я уже собрался подобраться к таинственному дисколету окольным путем – вкруговую, через лесные дебри, как из под широких крон появился новый участник событий. Небольшая самоходная тележка о восьми колесах – ни дать, ни взять наш советский луноход (интересно, кто у кого содрал конструкцию – мы у них или они у нас?) с гордым и независимым видом бодро выкатилась на лужайку. Одновременно у летающего хамелеона откинута аппарель, открыв вход в залитое нежным светом нутро. Напрасно я пытался всматриваться внутрь, калитка была развернута под большим углом и, естественно ничего путного разглядеть было невозможно. «Луноход» оперативно, не теряя времени, повернулся, и, уверенно въехав по аппарели, исчез в голубом свечении. Люк немедленно захлопнулся, и птичка без раз-

думий подскочила вверх на несколько метров. Теперь, если бы все живое проснулось, то могло бы наблюдать замечательное произведение под названием – цветоувертюра. Очевидно занимаясь самолюбованием, аппарат исполнил такую гамму всевозможных переливов, перепробовал такое количество оттенков, что выдающиеся мастера кисти засохли бы от зависти. Я же, как дилетант, просто восхищенно глазел на это диво дивное, никогда доселе не виданное. Но хорошего понемногу. Раскланявшись с публикой, т.е. с единственным зрителем, эта штучка повертелась в воздухе, как бы прихорашиваясь перед зеркалом, и унеслась в сторону довольно высоко поднявшегося светила.

Когда ее след простыл, я уже во всю прыть мчался к лесу. Слабый наклон прямой травы служил путеводной звездой, или если хотите, нитью Ариадны.

В данном случае спешка как раз не была излишней, сколько осталось времени до рассеивания сонных чар? Ведь всю округу уложили не напрасно. Значит, миссия носила совершенно секретный характер. Что из этого следует? А следует то, что вся интермедия – продуманная постановка. Пока один аппарат выполнял порученное задание, два других контролировали ситуацию. Матка же явно играла роль пугала для двуногих обитателей. Двойная страховка! Вот вам и прогулка на свежем воздухе!

По моим осторожным прикидкам марш-бросок продолжался около двух километров. Не то, чтоб остров оказался таким большим, просто он длинной, неровной лентой вытянулся меж двух берегов. Временами, то слева, то справа мелькали синие отблески водной поверхности. Бежал я параллельно следу, стараясь не попадать на оставленную ажурными колесами, еле видимую колею. Кто знает – не придет ли в голову кому-либо здесь прогуляться, так, на всякий случай. Пару раз пришлось останавливаться, нет, не от одышки или усталости, а для того, чтобы исследовать, что там творится под ногами. Любая шевелящаяся козявка, будь то ползущая по земле гусеница или божья коровка, муравей, взбирающийся по травяному стеблю, могли означать только одно – пора поворачивать обратно – фата-моргана устала убаюкивать природу. Но пока труженица-фея, к счастью, продолжала нести свою вахту. Но вот, наконец, и завершение пути – небольшая прогалина искусственного происхождения, ок-

руженная высоченным ограждением из толстых бамбуковых стволов. Судя по отдельным пням, оставшимся снаружи, кое-где уже покрытым мхом, забору было не менее нескольких лет от роду. В узкие щели между стволами гигантского тростника виднелась вторая, внутренняя стена, выполненная по той же технологии. Между ними оставался проход метра два шириной, по которому, наверное, должны были ходить наряды пограничников с собаками. След «лунохода» подбирался прямо к изгороди и обрывался перед врезанным в нее невысоким металлическим шлюзом, рассчитанным, очевидно, на габариты самоходного трейлера. Открывался он, понятно, по сигналу с помощью автоматики, потому как никаких задвижек или щеколд не было и в помине – так, совершенно голая поверхность светло-желтого оттенка в унисон с оградой.

Вот тебе бабушка и Юрьев день. Приехали. Надеюсь, не сюда меня тащил Жан-Пьер, а то место действительно ведь интересное. Но это так, к слову. Иначе наверняка имелась бы протопанная тропинка, и все обошлось бы без всяких показательных выступлений.

Ну что же. Прежде чем возвращаться не солоно хлебавши, следует осмотреть «дачный» участок со всех сторон. А ведь это мысль! Почему бы здесь и не притаиться секретной дачке? Небось, местное руководство постаралось. Девочек сюда таскает, оргии устраивает. А воздушное такси лангустов по заказу завозит, вина вавилонские? Все шито-крыто. Подальше от трудового народа. Ага, а вот и парадная. Здесь уже все как у людей – дверь железная на шарнирах, замок внутренний на запоре. Так, посмотрим – стрекозы еще не летают, комары не кусают, это хорошо, значит, в распоряжении еще есть немного времени.

Я, как следует из моей довольно пестрой биографии, конечно, не вор-рецидивист и не медвежатник-взломщик сейфов, но открыть достаточно простой английский замок с помощью подручных средств труда не составит, учили и этому. Раз – вот он уже и готов.

Прямо у дверного проема лежала-отдыхала с закрытыми глазами здоровенная немецкая овчарка. Пока спит, но лучше себя обезопасить, на всякий случай. Пришлось сбросить куртку и пожертвовать соевой единственной, – вот дожился, – тельняшкой.

Ножом разрезал ее на полосы, и тут только дошло, что связанная собака – признак взлома. Как раз уголовная статья. Ладно, применим другой способ, в запасе есть несколько успокаивающих капсул. Хорошо, что сам не принимал, сэкономил. Жаль, конечно, такое средство переводить, где потом найдешь, но выбора не было. С помощью больной конечности удалось разжать ножом клыкастую пасть и затолкнуть в нее дефицитный препарат. Теперь можно не беспокоиться – слюна быстро растворит лекарство и псине обеспечены приятные сновидения. На всякий случай шустро пробежал по проходу, как рысак по ипподрому, и правильно сделал. Обнаружил еще двух овчарок без намордников. В три секунды проделал с ними ту же операцию и первым примчался к финишу, то есть к еще одной закрытой дверце. Она вообще оказалась не запертой, возможно, обитатели выходили кормить собак.

Во дворе стояла аккуратненькая избушка, вовсе не землянка, как принято у местных аборигенов, без всякого намека на маскировку. Понятно, кого опасаться хозяевам, если у них свои шашни с представителями иных цивилизаций. Некая странность у этого деревянного теремка заключалась в том, что у него не было ни единого окна (я его обошел со всех сторон). Зато вход украшало симпатичное крылечко с перилами, разными балясинами и навесом. Однако за прилегающей территорией явно не следили. Некошенная, но достаточно вытоптанная трава, разросшиеся репейники с лопухами, придавали «дачке» несколько неопрятный вид. Судя по всему, ее действительно использовали время от времени, а сторож не очень стремился заработать переходящий выпел за ударный труд.

Следы от колесных пар выныривали из-за угла и заканчивались перед вскопанным в землю круглым столом на одной массивной ножке. На столешнице одиноко стоял предмет, ради которого затевалось все это шоу и который должен был погасить мою неумеренную любознательность. Так – ничего особенного, ничего сверхъестественного, – очень похожий на обыкновенный медицинский автоклав, в коих до сих пор эскулапы кипятят свои ужасные инструменты. Только размером побольше, да из крышки зачем-то торчала тонкая трубочка.

Что бы там ни говорили, любопытство все же порок, но я-то

зачем примчался? Отстегнув боковые зажимы, осторожно заглянул внутрь. Толстое кольцо прокладки, утопленной по периметру, из упругого, типа резины материала, обеспечивало надежную герметичность. На неглубоком поддоне покоилась плоская коробочка квадратной формы. Попытка ее открыть оказалась безуспешной – не было ничего, что напоминало бы разъем. И даже проверенное веками «сим-сим откройся» не сработало. Вот они иноземные фокусы – ни шагу без головоломок. А ведь внутри наверняка что-то есть. Попробуй-ка, догадайся. Зато поддон вынимался свободно, а под ним находился еще один – поглубже, и в этой своеобразной тарелке все дно устилали безобразного вида черные жуки с белыми продольными полосками вдоль хитинового панциря. Таких тварей мне никогда не приходилось видеть, хотя когда-то в далекой молодости на специальных курсах по выживанию в экстремальных условиях пришлось подробно изучить несметное количество всевозможных членистоногих.

У этих – вместо маленькой головки с крошечным ротовым отверстием имелась здоровенная, в треть общей длины, головища с широкой пастью, – ее трудно было не заметить, – и острым шипом на самой макушке. Чтобы таскать такую тяжесть, понадобилось аж пять пар крепких мохнатых ног. Но этого было мало – страшилище обзавелось вдобавок двумя клешнями и потому смахивало на гибрид краба, жука-рогача и медведки. И где только таких выращивают? Под этим поддоном, как в детской пирамидке, пряталось еще два, заполненных точно такими же существами. Судя по тому, что отсутствовал и намек на влагу, твари должны были обитать исключительно на суше. Но в данный момент все они находились в глубоком анабиозе и не желали подавать признаков жизни. Хотя наверняка близок час, когда все они проснутся и активно потребуют жратвы. Вот только вопрос – какой? Может быть на мясо запрограммированы, а может для их жизнедеятельности требуются исключительно окультуренные корнеплоды – картофель, скажем, морковь, свекла... Недаром же их такими рычагами-хваталками снабдили. И как все это понимать?! Из неведомых таинственных инкубаторов прибыла очередная партия посевного материала, дабы подлить дегтя в сладкую райскую жизнь, ничего не подозревающих людей, вольно или невольно оказавшихся в этом колючем Эдеме? Очень на то по-

хоже. Начиналось все исподволь – со знакомых многим хищников, кровожадных кошек, ползучих гадов. Затем неизвестные любители животных порадовали первыми проблесками фантазии – водоемы заселились чешуйчатыми монстрами. Ну, а сейчас подбросили партию насекомых, – можно со стопроцентной гарантией утверждать, – зловредных. Иначе какой смысл был обставлять все такой таинственностью. На этом, надо полагать, изобретательность поставщиков не иссякнет. Следом, откуда ни возьмись, вылетят какие-нибудь кровососущие вампиры, чело-векоядные птеродактили, или еще кто-нибудь в этом роде. Похоже, работа конструкторов мелких и крупных пакостей закипела. Схему уже хорошо отладили, продумали до мелочей – выведение биопродукта с заданными свойствами, упаковка, доставка; организован пункт приема, назначены ответственные за хранение и расселение. Оплата, – авансом, – гонорар в коробочке. А что там еще может быть, не инструкции же по уходу и кормлению. Очень любопытно, кто и в какой валюте получает. Ну, сейчас и узнаем. Дверь в избушку, как и во второй линии ограды, взламывать не пришлось, поддалась она легко, без скрипа. Хоть здесь не поленились, смазали петли. В маленькой прихожей было темно, но из комнаты струился слабый рассеянный свет. Это облегчало задачу, вернее делало ее выполнимой, поскольку с собой у меня не имелось ничего, что позволило бы хоть что-то разглядеть в кромешной темноте. Моя ошибка. Даже здесь, на тихом острове надо носить с собой весь арсенал.

Прямо передо мной на стене был закреплен ночник, – вполне современное бра, – со светящейся электрической лампочкой. Вот те на... Открытие следует за открытием. Оказывается, этим краям и электричество не чуждо. Хотя, как это я сразу не допер, шлюзы-то для въезда трейлера тоже не вручную открылись. Все спешка, спешка, подумать некогда. Скорее всего, ядерный генератор в подвале молотит – больше нечему, – в округе ни ветряка, ни солнечных батарей. Комнатенка на удивление была обставлена крайне скудно и совсем не соответствовала внешнему виду теремка. Никаких тут тебе будуаров с выкрутасами, мебели в стиле ампир, – только большой стол, два стула и какие-то ящики и коробки вдоль стен. На столе возвышалось довольно громоздкое сооружение странной формы, издававшее булькающие звуки. Кто

еще там спрятан. Неужто очередной ядовитый сюрприз? И жильцов что-то не видно. Я, стараясь ступать как можно тише, обошел помещение – никаких проемов, никаких дверей. Кажется, – это подсобка, не иначе. Предмет, привлечший мое внимание, при ближайшем рассмотрении оказался всего лишь двухконфорочной электроплитой, на которой тихонько кипела похлебка в алюминиевой кастрюле. Уже легче. Судя по тому, что жидкости в посудине осталось довольно мало, и по каемке налета на стенках, разогревать ее поставили уже давно. Рядом, ближе к краю, располагалась посудница, полностью укомплектованная всем, что полагается иметь в хороших домах для сервировки. Никаких тут тебе металлических кружек и плошек – все фарфоровое с тонким игривым рисунком. Я аккуратно перевернул одну из тарелочек. Глаза уже привыкли к полумраку, потому без труда разглядел ажурную надпись, сообщавшую, что сие изделие изготовлено не в каком-нибудь уездном Рязске, а в самой что ни на есть Японии. Хорошо, однако, хозяева устроились. С другой стороны, и то слава богу, не андроиды живут, а я, признаться, готовился к худшему варианту. Теперь осталось лишь быстро обследовать коробки и тихо-тихо исчезнуть. Так, в ящиках – консервы. С первого взгляда ясно – живут аристократы. Этикетки на банках – все на английском. Крабы в томате с корнишонами, цыплята из Манчестера, пудинги. А вот в тубах – кофе бразильское в зернах, чай с Цейлона. Боже, как кофе-то хочется. Что там еще? Сахар, соль... Опа, коньяк! Французский! Ну, лорды, ну буржуины, ни в чем себе отказать не могут, небось и пипифакс с собой притащили. Ладно, с этим покончили. Быстрее, быстрее, не ровен час – жильцы появятся. В углу еще осталось посмотреть. Приборы какие-то. Минуту. Этот мне знаком – для определения точки росы. Зачем он тут? И этот изучал – мощный магнитометр, и этот знаю. А вот эти два – вижу впервые. Интересно, шильды – все на русском, родная кириллица. Чертовщина настоящая; мысли вольным стадом разбежались в разные стороны.

Из прихожки донесся чуть слышный посторонний звук. В два прыжка я очутился у дверного проема и плотно прижался к стене. Здоровой рукой осторожно вытянул нож – с раненой конечностью на кулаки рассчитывать не приходится. Звук повторился – нечто похожее на приглушенный хрип, но никто не вхо-

дил. Я осторожно выглянул в прихожую. Никого. Но звук-то издавало явно живое существо. Но кто? Собаки гарантированно спят, людей не видно. Хрип вновь раздался и доносился он, безусловно, из-за перегородки. Ах, вон оно что! Дверь, еще одна дверь слева, которую я впопыхах не заметил. Вторая оплошность за один день. Старею, однако, теряю квалификацию. И непозволительно делать скидку на то, что она замаскирована под дерево, можно было ох как здорово поплатиться. Ладно, в свободную минуту вынесу вердикт о своем неполном служебном соответствии. Тем более – жизненные примеры имели место быть, не только литературные вдовы себя секли.

Очень плавно, очень осторожно, словно она изготовлена из любимого моей женой богемского хрустала, приоткрыл створку. Темно. Но я уже приурочился к сумраку и поэтому кое-что сумел различить. Передо мной открылась достаточно просторная, прекрасно обставленная комната, в которой обитали не иначе как кандидаты в члены британского парламента. На полу – ворсистый ковер, как бы не персидской ручной выделки. Стены украшены живописными холстами в тяжелых позолоченных рамах. Чуть поодаль – слева и справа расположились широкие двуспальные кровати. Одна из них разобрана, вторая покрыта пушистым покрывалом. В глубине с трудом просматриваются прикроватные тумбочки с пузатыми настольными лампами и затем все теряется во мраке. У неприбранного ложа, на полу, пристроив голову на белую простыню, полулежит, полусидит человек. Из его горла время от времени вырываются совсем не мелодичные децибелы, заставившие меня так сильно занервничать. Спит. Видимо, не успел добраться до постели. Ну, что ж, отдохни еще немного, небось, умаялся бедолага, управляясь с хозяйством. Я ласково нащупал у основания его черепа нужную акупунктурную точку, резко надавил прямым указательным пальцем. Голова дернулась и храп прекратился. Через несколько мгновений дыхание вновь выровнялось. Порядок! Несколько дополнительных часов благотворного сна жителю коттеджа пойдут только на пользу. Обезопасив себя таким образом, я приподнял за волосы голову отдыхающего лентяя и всмотрелся в его лицо. Ничего примечательного – европеец с аккуратно подстриженной темной бородкой – а ля граф де Лафер, глаза закрыты, нос прямой, брови черные – вразлет,

особых примет нет. Человек мне точно не знаком. Откуда? Хотя, кажется, где-то я все же мельком его видел. Память – подсказки. Нет, заклинило, – жизнь длинная, всех не упомнишь. Оставив его продолжать мирно почивать, в ускоренном темпе выскочил во двор, под солнечные лучи – нужно кое-что еще успеть сотворить. Работы в принципе немного, но часть ее достаточно кропотлива и проделывать ее лучше при ярком дневном освещении. Так, где мой талисман? Вот он – на больной руке. Повернем его, еще немного. Ага, нужный сегмент тут как тут, а шифр на другом звене, рядышком. Не мудрствуя лукаво, введем код. Пять быстрых, чередующихся нажатий на сенсор, пауза. Еще пять нажатий. Готово – миниатюрная крышечка на сегменте откинулась. Под ней притаились сложенные стопочкой тончайшие прозрачные пластинки, – чудо нанотехнологий, разработанная, между прочим, безо всякой заслуги Чубайса. Очень осторожно я отделил три драгоценных элемента и закрыл потайной ларец. Теперь – назад под крышу и для начала лучше в спальню. Послюнив поверхность пластинки с одной стороны, приклепнул ее снизу к внутренней спинке одной из кроватей. Теперь ее ни найти, ни отдрать практически невозможно. Перешагнув через спящего, повторил операцию у противоположного лежбища. Кажется, славно сработано, осталось служебное помещение. Что здесь самое надежное? – Конечно, стол. И лучшего места, чем изнанка столешницы не найти. Все, – одна операция завершена, самая главная. Теперь можно немного расслабиться и похулиганить. Для начала сунул в карман куртки одну тубу с кофе. Воровать, понятное дело, не к лицу, тем более мне, человеку заслуженному и имеющему кучу всяких наград. Посему будем считать кофе военным трофеем (заметьте, коньяк я все же не взял, хотя и подмывало, что лишний раз подчеркивает мою порядочность). Теперь – опять во двор, к жучкам. Зацепив одного, потолок, щипчиками для сахара, прихваченными со стола, вернулся к кипящему супчику – и поварил его несколько минут в надежде, что хозяин будет благодарен за пикантный вкус блюда. Жук почему-то не покраснел, как это бывает с его ракообразными родственниками, а остался хоть и вареный, но все такой же черный в полосочку. Я тщательно завернул вьетнамский деликатес в лохмотья тельняшки и также упрятал в один из безразмерных карманов. Настало вре-

мя заняться своим удивительным ножом, вернее его рукояткой. Вывернув пробку, я вытряхнул на ладонь плотный цилиндрик светло-коричневого оттенка, на вид совсем безобидный, но, скажу по секрету, представляющий собой взрывчатку колоссальной мощности. Если, конечно, знать, как с ней грамотно обращаться. Без пиропатрона, т.е. без запала, она годится только для других целей (инструкция на всякий случай предупреждает, что колотить по ней молотком все же не рекомендуется). Для другой цели она сейчас и понадобилась. Все теми же щипчиками для кускового сахара (а может быть – это вовсе инструмент для выкладывания пирожных?) я вернулся назад к кухонной плите и на секунду опустил цилиндрик в булькающее варево – ну что поделаешь, не коньяком же его смачивать, – затем быстренько отнес его, уже зашпигованного, к злополучному контейнеру и уложил в нижний поддон поверх ничего не подозревающей жучины стаи.

Поскольку меня с детства учили за собой убирать и оставлять все в порядке, пришлось вновь собрать контейнер, приведя его в первоначальное состояние. На всякий случай остатками моей бедной полосатой маечки обтер наружную поверхность во избежание, – по терминологии юристов – «отпечатков потожировых следов». Кто его знает, может статься у этих хитрых ребят и криминалистическая лаборатория имеется.

Из трубочки, венчающей крышку автоклава – термостата, вырвался белый дымок. Какое все-таки замечательное устройство: все лишнее – вон! Дело сделано, пора и честь знать, загостился. Осталось лишь протереть двери, к которым пришлось прикасаться, и отчаливать. Пока подрабатывал уборщиком, химическая реакция прекратилась, дымок исчез. Готов голову заложить, внутри ничего живого не осталось и следов диверсии тоже. Вот оно – торжество технологий двойного назначения, слава нашим ученым! Жители Эдема спасены от новой напасти.

В приподнятом настроении я покинул гостеприимный домик и пустился в обратный путь, все так же бегом по своему следу. Должен заметить, что качество импортного дурмана отличалось высокими эксплуатационными свойствами: бабочки, стрекозы и комары пока не попадались, Жан-Пьер продолжал безмятежно отсыпаться, – я его не будил, – жители поселка по-видимому тоже; по крайней мере, никто на пути не попался. И это было замеча-

тельно. Я заскочил в свои номера, похватал несколько понадобится вещей из своего арсенала, в том числе неприметный спичечный коробок, – из тех, что отправились со мной в странствия и о которых даже старинный друг Кадырыч не подозревал, сдернул с постели одеяло и, не переведя дух, вновь помчался обратно. Да досталось сегодня работа моим бедным, к сожалению, совсем не молодым ножкам. По пути безуспешно пытался понять – как это так, на относительно маленьком, совсем не с Гренландию размером островке разместился сверхсекретный объект, по сути нахально и даже нагло управляющий жизнью всего двуногого разумного населения края, а никто ничего не знает. Или знают и молчат? Или сия тайна – удел избранных? Скорее всего, истина посередине. Знать-то про домик за высоким забором знают, – небось, и строили сами, – а вот о его истинном назначении, о таинственных жильцах, вряд ли. Табу. И Сидорчук, старая битая лиса, знает, но ни разу не упомянул в разговоре. Остается только самому молчать, не расспрашивать, иначе можно головы лишиться. Запросто.

Бег мой уже больше напоминал трусцу, когда я вновь оказался на поляне. Наверное, со стороны это выглядело комично – здоровый мужик, закутанный в одеяло, неспешно трюхает по лесным просторам. Но одеялом я придерживал большую руку, уж очень сильно разболевшуюся в результате сегодняшних упражнений.

Продравшись сквозь заросли пресловутого кустарника, я обнаружил, что Жан все так же мирно спит, но уже умудрился перевернуться набок и свернуться калачиком. Похоже, что сонные чары вскоре рассеются. Одеяло, собственно, предназначалось как раз для него, не дай бог простудится, лежа на земле.

Постелив плед, я переложил на него что-то бормотавшего при этом мальчишку, а сам, устроившись на солнышке, занялся необходимыми приготовлениями. Перво-наперво произвел некоторые манипуляции со «спичечным» коробком. Завершив его подготовку, достал катушку с леской, кстати, не горячей и не оплавающейся, и тоненькую свечечку, – точь-в-точь церковную просвиру, только короче. Один торец свечки имел металлический ободок с крохотным колечком, к которому я привязал кусок лески метра в два длиной. Другой торец был снабжен твердым

штырьком величиной со спичечную головку. Свободный конец лески я прикрепил сзади к поясному ремню, получился тонкий хвостик с болтающимся набалдашником. Осталось только поджечь штырь-фитиль, что я и сделал с помощью все того же коробка, имевшего встроенный пьезоэлемент, – и продолжить свое движение.

Немного отдохнувший, я бежал по уже проторенной дорожке, а сзади болталось цеплявшееся за все кочки и сухой валежник чудо современной техники – чадающее кадило. Вещь, безусловно, полезная – ни одна собака, даже со сверхчувствительным обонянием, после такого обкуривания след не возьмет. Но конструкция, но исполнение... Много бы я отдал, чтобы посмотреть, как использовали эту конструкцию ее создатели. Что и говорить: хотели как лучше, получилось как всегда. Воплощение в жизнь гениального выражения Черномырдина – идея прекрасная, воплощение – ужасное.

Не подбираясь близко к секретному объекту, я резко свернул в сторону. Побродив немного среди деревьев, наткнулся на старый полусгнивший ствол в окружении густых папоротниковых зарослей. Осторожно раздвигая стебли растений, чтобы ненароком не поломать, надежно спрятал коробок среди перевившихся корней. Ну, друг, приступай к своим обязанностям. А мне срочно пора обратно, вон уже улитка по листу ползет.

Жан сидел все на том же месте, вертел головой, разминая затекшую шею, и моргал глазами, разглядывая откуда-то свалившееся одеяло.

- Ну-с, молодой человек, с возвращением. Что нового увидели? Где сувениры, подарки? – Я вывалился из-за фиолетового куста и дружески хлопнул по плечу ничего не понимающего парня.

- Скажи, Влад, я что, спал? Долго?

- Не то слово. Храпел, как у нас говорят – во всю ивановскую. Первые минут пятнадцать. А потом..., потом помахал крыльшками и улетел.

- Как улетел? Куда?.. И вот еще одеяло... Немецкое, кажется. Такое, как у меня. Откуда?

- Радуйся дружнице, презенту, он хоть и не вполне новый, но еще сгодится. Ни у кого нет двух одеял, а ты имеешь. Все просто высохнут от зависти, когда узнают о свалившемся богатстве, но ты не обращай внимания. Имея такое приданое...

- Вы все шутите, а мне совсем не до шуток, ничего не могу понять. – Теперь уже настал мой черед изобразить изумление.

- Ты, что и впрямь ничего не помнишь?

- Абсолютно! Хотя, постойте, кажется, над нами летал дирижабль. Опричники...! Мне все это не приснилось?

- Нет, дорогой. Когда появилась летающая тыква, я, честно говоря, сам испугался – подумал, что за нами, и решил срочно сменить место дислокации. Глядь, а ты уже спишь. Ну, думаю, и нервы у парня, все ему нипочем. Пытался будить – бесполезно. Пополз сам. Никак не мог тащить тебя с моей раненой рукой. А потом..., потом, как ты и рассказывал – яркий луч света, точно в то место, где мы прятались и... и все. Аппарат убыл восвояси вместе с тобой. Лично проверил. Что же мне оставалось делать? Идти в поселок и рассказывать, как похитили моего товарища, а я ничего не предпринял? Как людям в глаза смотреть? Скажут, или, в крайнем случае, подумают – бросил в беде. Убежал. Смылся. Себя спасал. Уж увольте! Решил – с голоду помру, но тебя дождусь. Правда, круиз твой, к счастью, длился недолго – от силы часа три. Полагаю, похитители быстро поняли свою ошибку и вернули груз на место. Им, малыш, не ты, я нужен был, как неучтенный элемент... А теперь ответь, только, чур, не врать: какие над тобой опыты ставили? Какую информацию требовали? Может быть, анализы брали? Давай, выкладывай!

- Н-н-н-не знаю. Н-н-н-ничего не помню, – голос у парня сорвался на фальцет, кажется, он был здорово напуган. Если откровенно, мне его стало по-человечески жалко, это все виновата моя мерзкая привычка подтрунивать над его доверчивой наивностью. Но по ходу розыгрыша до меня дошло, что это качество Жана сейчас как раз кстати, и просто необходимо убедить парня в том, что похищение действительно имело место.

- Ну-ка, покопайся в себе спокойно, не торопись. Может быть, какие-то новые ощущения чувствуешь? Нет? К поэзии, к философии, к металлургии тяга не появилась? К искусству? Тоже нет? Тогда, на всякий случай, проверим твои карманы – возможно что-

нибудь пропало. Давай помогу, смотрю, у тебя руки трясутся. Опа! А как такое заморское животное называется? Вот видишь, а говоришь, ничего не помню, ничего не знаю. Нехорошо. – Я с ловкостью, достойной способного ученика Игоря Кио, извлек из бокового кармана его солдатской куртки последний довод – рогатую черно-бело-полосатую отварную мумию. От неожиданности глаза у парня расширились настолько, что готовы были вот-вот выскочить из глазниц. Он мотал головой и не мог произнести ни слова, из горла выкатывались лишь нечленораздельные звуки. Пожалуй, хватит, не стоит перегибать палку, мальчишка и так доведен до нужной кондиции.

- Ладно. Все. Успокойся. Мы никому ничего не скажем о твоих приключениях. – Я спокойно переложил вареное чудовище туда, где ему больше нравилось. – Никто ничего не узнает, если ты сам не сболтнешь. Не сболтнешь? Ну, вот и молодец. И издеваться над тобой никто не станет. Если же вдруг кто-нибудь начнет интересоваться, где мы находились сегодня с утра до полудня, ответишь, что по моей просьбе искали в лесу кабаньи тропы. Собираемся, мол, на охоту сходить. И вообще – ничего не видели, ничего не слышали. Понял? А мне потом по секрету шепнешь, кому любопытство спокойно жить мешает. Я с ним сам разберусь... Вот видишь, как все просто решается, когда есть настоящий друг. Кстати, во избежание лишних разговоров ненужную улику я у тебя заберу.

И я забрал у него свое одеяло.

ГЛАВА VIII

Орейлохе и подковерные игры

Пришла долгожданная новость – вождь кровожадных воителей древней Тавриды наконец-то приготовился к приему легендарного героя, т.е. меня. Вечером в составе правительственной делегации, Сидорчука со свитой, я должен пожаловать в его дворец. А весь день, поскольку лень – удел ленивых, мы с Жаном решили добросовестно отрабатывать нашу замечательную версию до конца, т.е. отправиться на разведку охотничьих угодий. Правда, ко всеобщему удовлетворению никто ничем не заинтересовался и с расспросами не приставал. Пока. Одеяло верну-

лось на свое законное место; жук (вещественное доказательство) – надежно упрятан и посему я мог быть совершенно спокоен. А еще нежданно, негаданно обзавелся обновкой – сердобольная Светлана подарила мне нечто, похожее на футболку, взамен совсем «истлевшей» в местном климате тельняшки. Вещь оказалась добротная, изготовленная умелыми ремесленниками из соседнего пряничного городка. Наши (вот видите – уже «наши»), оказывается, давно наладили с ними меновую торговлю, и я вписал в свое расписание обязательное посещение столь замечательного осколка старой Европы. Нужно только придумать, чем горожан порадовать.

Сшибая с травки серебряные шарики росы, при полном боевом параде, – Жан со своим неизменным шмайсером, а я с любимой лопатой, – как говаривала моя тетка «Як дурень с расписною торбой», тихой сапой мы шарились по лесным дебрям. Один раз нас окликнули с верхушки могучего ясеня, и мой спутник ответил по-французски: «Марсель». Заметив мой недоумевающий взгляд, мальчишка придал своему лицу самое таинственное выражение и полупшепотом сообщил, что в лесу созданы, так называемые секреты, где всегда денно и ночью дежурят часовые. Они могут располагаться в самых неожиданных местах – как на дубах и ясенях среди могучих ветвей, так и на земле, в хитро сконструированных схронах. Пароль меняется ежедневно. Сегодня, например, «Марсель». Вот как? А я вообще не считал дни недели.

Изменившаяся ситуация, как рассказал Жан, заставила людей принять неординарные меры предосторожности. С появлением летающих аппаратов, почти одновременно активировались и немцы – очевидно, им понадобились квалифицированные рабочие руки. Поначалу их разведгруппы захватывали всех подряд, кто по неосторожности или каким-то надобностям оказался за линией охранения. Затем, и этот факт нашел подтверждение из информации от странствующих монахов-миссионеров и купцов, фашисты стали действовать очень разборчиво – им понадобились только те, кем интересовались инопланетяне. Жители городка называли их икарами – за «страсть» к воздушным путешествиям. Немцы воровали, обменивали, покупали у рабовладельцев таких людей, независимо от их национальности, пола, возраста и умственных способностей.

Столкнувшись с новым явлением, бывшие узники не опустили руки, а предприняли ответные меры: в свою очередь начали охотиться за нацистами. Все сильно смахивало на опасную детскую забаву с последующим обменом пленными. Но правила, то одной, то другой стороной постоянно менялись, в свою пользу, что, в конечном счете, вынудило поселенцев, дабы себя обезопасить и с этой стороны, организовать своеобразную линию обороны. Мое пленение явилось лучшим тому подтверждением.

Решив перебраться на остров, Сидорчук со своими сподвижниками, проявили незаурядную смекалку и, казалось, предусмотрели все возможные риски. Участок суши, окруженный со всех сторон водой, оказался действительно наиболее надежным местом для нового поселка. Вместо привычных изб, в самой густой чаще отстроили сухие прочные землянки с учетом маломальских человеческих потребностей. Утопленные глубоко в почву жилища, – мне это в самом начале пребывания бросилось в глаза, – замаскировали сверху охапками сена и сухими ветками. И совсем не зря. Еще на бывшей стоянке глазастые жители подметили, что дирижабли-охотники, метко прозванные в народе «опричника́ми», зависая над такими строениями, как бы их не замечают. И не замечали очень долго, лишь в последние два-три года начали задерживаться и выискивать ротозеев. А такие, не смотря на все предупреждения и запреты, как правило, находились. Аппараты же самых различных форм и размеров стали посещать, полюбившееся место, все чаще и чаще. Причем, что вызывало недоумение, соседей, – тех же выходцев из средневековья, – они почти перестали трогать. Архип Нилович даже как-то грустно пошутил на эту тему: мол, запах загнивающего феодализма начал вызывать у пришельцев аллергию. То же самое, по рассказам забредающих иногда странников, можно было утверждать и относительно общин, пребывавших в еще более старых, счастливых временах рабовладения. В общем, жизнь на отдельно взятом участке суши становилась все веселее и веселее.

А между тем возникли дополнительные проблемы, – пока еще, правда, не катастрофические, – с доставкой грузов и обеспечением сельхозпродукцией. Обрабатываемые поля и огороды остались на прежнем месте, – глупо было разбивать их на острове и тем самым дезавуировать саму идею. Поэтому все перевоз-

ки осуществлялись с помощью специально построенного парома. Раньше он целый день курсировал между берегами. Сейчас люди отправлялись на сельхозработы еще в раннем предутреннем сумраке, а возвращались только после того, как погаснут последние солнечные лучи. В темное время можно было не опасаться надоедливых летунов, зато наступала пора оборотней. Немцы давным-давно освоили новую профессию ночных шакалов, хотя выпенно именовали себя вервольфами. Из-за нехватки питания, отвыкшие от повседневного тяжелого труда, с наступлением ночи они выползали в обработанные поля за добычей. Поначалу воровская деятельность им с рук не сходила и некоторые за это жестоко поплатились, но с переездом поселенцев и хронической нехваткой людей для охраны угодий потери урожая превратились в самую настоящую дань. Дошло до того, что пришлось расчищать и обрабатывать специальные делянки в расчете на непрошенных гостей. Наци восприняли подношение ответственно и перестали покушаться на основной урожай; даже воткнули табличку со словами благодарности. Подарок был не простой, его можно было регулировать: в случае усиления напряженности между антагонистическими общинами он мог резко уменьшиться, но так, чтобы не доводить обозленных и голодных издоимцев до крайности. Свои же участки, как минные поля, усеивались самодельными капканами, изготовленными, кстати, из немецкого железа.

Сейчас, как раз был момент очередного обострения отношений – немцы вконец отощали и, судя по всему, готовились перейти к отчаянным действиям. Но Сидорчук и К^о не собирались уступать ни на йоту и требовали возвращения захваченного ими инженера, уже дважды побывавшего в гостях у инопланетян. Но и немцам он, по-видимому, очень был нужен. Они прокололи в поясах дополнительные дырки, чтобы потуже их затянуть и отчаянно упорствовали. Так или иначе, атмосфера накалилась до предела, и следовало ожидать новых военных действий после длительного перемирия.

Любая подробность чужой жизни человеку, лишенному таких величайших завоеваний цивилизации, как свободная пресса и радио, поверьте, была крайне интересна. Мой проводник одно временно умудрялся украшать свое устное творчество непре-

рывной жестикуляцией, мимикой и подпрыгиванием при ходьбе. Но меня это обстоятельство мало заботило, главное, увлекшись повествованием, Жан забыл о моем неосторожном обещании подготовить из него обладателя всех мыслимых черных поясов по восточным единоборствам. И то, слава богу. Что же касается несметных кабаньих стад, то о них следовало забыть напрочь. Какие там кабаны, если будущий чемпион с заговорщицкого шепота уже перешел чуть ли не на крик. Я даже заподозрил, что в хваленой обороне имеются колоссальные бреши, поскольку нас больше никто не собирался окликать или брать в полон. Но я ошибся. Двигавшийся чуть впереди мой без умолку щебетавший проводник, вдруг, при очередном подскоке по пояс провалился в медвежью берлогу. Из дыры немедленно донеслось глухое урчанье вперемежку с интересными выражениями из великого и могучего. Рядом с барахтающимся и брыкающимся носителем французской культуры возникла патлатая и бородатая физиономия русского витязя, в обнимку с одряхлевшим от времени штуцером.

С трудом выпростав клешню, витязь по всегдашней нашей привычке пытался заехать по уху смельчаку, посмевшему нарушить его покой. Опять, уже в который раз, пришлось спасать моего незадачливого дружка. Осадив известным способом буяна, – он как гвоздь в песок, спрятался в совсем убежище, – я той же правой рукой выдернул бедного Жана из ловушки.

- Значит, так мы несем службу, так охраняем мирный труд наших граждан? – не нужно быть очень догадливым, чтобы понять: образовавшийся провал, не что иное как боевой секрет, в котором несет свою нелегкую вахту спящий паразит. В моем голосе отчетливо сквозил металл, свойственный всему командирскому племени: «Ну-ка ты, тетеря сонная, доложи обстановку!». Тетеря, наверное, и готов был о чем-то доложить, например, об эротических сновидениях, но боялся высунуться из своего блиндажа. Я пошарил рукой в темном пространстве в надежде, что он меня не укусит, нащупал пучок скомканных волос и вытащил хлопающую глазами голову на свет божий.

- Ну, боец, ..., – здесь я пропускаю, вдруг мой голосовой дневник достигнет когда-нибудь нежных женских ушей... – ... еще раз застукаю, будешь у меня наживкой для чешуев.

На что стрелец по фельдфебельски активно отвечал: «Слушаюсь. Есть. Слушаюсь». А когда мой пыл иссяк, еще и гаркнул: «Служу трудовому народу».

– Смотри у меня, – сказал я и продолжил свой путь, а потрясенный Жан переместился в арьергард.

Этот маленький эпизод, о котором не стоило бы и упоминать, впоследствии сыграл определенную роль при назначении меня главнокомандующим всеми войсками островной армии (уверен, что Жан в красках описал его Сидорчуку, и это явилось дополнительным позитивным фактом, опущенным в копилку моих героических свершений).

Сзади долго доносилось обиженное сопение, пока, наконец, свойственная молодости переменчивость настроения не повернулась другим боком, и тогда послышалось:

- Влад, ты и вправду собирался меня скормить чешуям?... – Вот те на ...! вспомнил! И ночь-то не спал, наверное, все переживал.

- Ты что мелешь? Кому скормить? Кого скормить? Своего ученика? Да ты в своем уме? Наоборот, я хочу этими зловерными бестиями накормить рабоче-крестьянские массы. А ты, как я погляжу, не желаешь помочь в столь благородном начинании. Только и умеете пробы втихомолку снимать! – меня, как незабвенного Остапа, понесло. Ну не могу себя переделать, несерьезный я человек. Иногда. Наговорил по полной: и про превентивные меры безопасности населения от меня самого, и про необходимость жертвовать собой ради общего блага, и тут же о том, что вероятность трагического конца крайне невелика, всего-то процентов десять-пятнадцать. Это в случае моего промаха. Особенно радужно расписал последствия: всенародная память, гранитный бюст на аллее героев, фонд имени павшего в неравной схватке... Что, нет такой аллеи? Заложим. Снимем посмертную маску, и по ней будем ваять памятник – скульптор свой ведь уже объявился. Фонд? Фонд – обязательный атрибут, чтобы все будущие поколения знали. Мукой, картошкой наполним, детям-сиротам будем гранты выделять, именные стипендии. Нет будущих поколений? Неважно, пусть это поколение не забывает.

Сила убеждения – великая вещь. К окончанию моей пламенной тирады будущий спаситель трудового народа готов был

хоть сейчас биться насмерть с ненасытными чудовищами. Похоже, он даже вырос в собственных глазах: распрямился, выпятил довольно-таки хилую грудь и зашагал как солдат-первогодок на плацу.

Удовлетворившись столь мажорной переменой, я предложил завершить охотоведческие изыскания и вернуться на базу, поскольку вечером у нас званый ужин, а фрак еще не поглажен и штiblеты не начищены. Возражений, как и предполагалось, не последовало, и мы замаршировали в обратном направлении, оставив диких свиней нагуливать жирок.

А остатки племени, некогда наводившего ужас на потомков Геракла и Ахиллеса, устроились совсем недурно. Информация о том, что их осталось менее двух десятков, оказалась, мягко говоря, не совсем достоверной. Вернее, весь вопрос в том, как считать. Если говорить о зрелых мужчинах, то, возможно, так все и обстояло, но тогда выходило, что каждый содержал султанский гарем с многочисленными женами, наложницами и оравой крикливых ребятишек.

Во всяком случае, мне показалось, что табор состоит из одних лишь особ женского пола и их чумазых чад. Внимательный взгляд сразу подметил расовое отличие многих из них от коренных уроженцев полуострова Таврида – тонкие черты лица, большие миндалевидные глаза, грациозная поступь. Попадались и просто замечательные красавицы, чью привлекательность не могли скрыть мешковатые хитоны, сотканые из грубой самодельной пряжи. Не скрою, я даже пожалел о своем благородном поступке, надо было оставить того бандита на съедение рыбам. Глядишь, его фаворитки перешли бы мне по наследству – должен же кто-то их кормить.

Как всегда забежал вперед, надо бы вернуться к истокам. Когда подходили к табору, а как его еще иначе назвать, – две дюжины вигвамов и одна каменная сакля, – Архип Нилович предупредил всех членов делегации: сейчас будем совершать жертвоприношение, морды не воротить, иначе хозяева обидятся. Я сразу догадался, что в жертву выбран наш толмач – Жан-фран-

цуз – и ободряюще ему подмигнул. Других кандидатов среди нас не находилось – староста не годился, он глава, я – виновник торжества, да и не справиться им, если начну лягаться.

Стойбище располагалось на довольно широкой каменистой косе, поросшей небольшими рошцами старых вязов. Хижины гостеприимных хозяев разбрелись по всему открытому пространству, нисколько не опасаясь налетов сверху. Перехватив мой недоуменный взгляд, Нилыч, как бы угадав немой вопрос, сообщил, что тавры, как представители человеческого рода, давно уже никого не интересуют. Будь я тавром, такое пренебрежение со стороны пришельцев воспринял бы как кровную обиду. Но им самим, похоже, было все равно, одно слово, – дети природы.

Мы по камням перебрались через шумный ручеек, бегущий в объятия старшего собрата, и оказались прямо перед капищем. Нас уже встречали. Правда без музыки и барабанного боя, но все же на высоком международном уровне. По обе стороны горизонтального и плоского как стол каменного подиума, похожего на саркофаг, в полном боевом снаряжении – с копьями и обоюдоострыми мечами – выстроился почетный караул: по пять человек с каждой стороны. Обычно нечесаные, девственные заросли на головах бойцов были стянуты в причудливые пучки и украшены цветными ленточками. Впереди свиты, перед алтарем стоял крепыш, облаченный в шикарный плащ из шкуры черной пантеры и со знаками царской власти в руках. Державу ему заменял длинный сучковатый посох, а вместо скипетра он крепко сжимал за шею здоровенную змеюку, обвившуюся вокруг руки. Голова гордо поднята. Хищный крючковатый нос его нависал над широким ртом с исковерканной глубоким шрамом верхней губой. На худощавом с резко выдающимися скулами лице выделялись живые, глубоко посаженные глаза черно-оливкового цвета, с интересом рассматривавшие именно меня. В отличие от приближенных, одет он был по-великосветски – меховой плащ не скрывал кавалерийских брюк-галифе, вбитых в начищенные офицерские сапоги. Ясно было – перед нами не кто иной, как САМ.

– Вождь и верховный жрец Сник четвертый, – прошептал на ухо Архип Нилович. – Наклони голову в знак уважения. «Хорошо еще – не упади ниц», – подумал я и послушно согнул шею – так же, как и мои спутники.

Позади царька за жертвенным столом возвышалась обнаженная до бедер грубо вырубленная из известняка массивная женская фигура. Ее выпуклые формы вызывали уважение.

- Девственная богиня Орейлохе, – ни к кому вроде бы не обращаясь, вполголоса сообщил Архип Нилович, – тысячелетия принимала исключительно человеческие жертвы. – Он сделал шаг вперед навстречу вождю. Тот положил перед собой посох, отвел левую руку с зашипевшей гадиной в сторону, а правую протянул для приветствия. Оба высших сановника скрепили его крепким рукопожатием. Ту же процедуру тавр повторил со мной, а на бедного Жана даже не взглянул, чем привел воспитанного мальчишку в крайнее замешательство. Я, конечно, не утерпел и дабы подбодрить нашего переводчика прогудел ему прямо в ухо:

- Ты не обижайся. У них так заведено: с предназначенным к закланию не принято здороваться. С ними прощаются. Он тебе честь оказывает – самолично змеюку притащил...

Но Архип Нилович не дал завершить прощальное напутствие. Он жестом велел Жану снять солдатский ранец, который тот, по совместительству подрабатывая грузчиком, тащил от самого поселка, откашлялся и начал речь:

- Великий вождь и верховный жрец славного и непобедимого племени арихов, доказавшим свою доблесть в жестокой войне с превосходящими силами боспорского царя Аспурта... – И далее, в том же духе. Я не буду пересказывать все словоизлияния нашего блестящего дипломата, не забывшего перечислить целый перечень реальных и мифических подвигов дикарей, а также напомнить лишней раз о союзнических отношениях и вечной братской дружбе. В конце, изрядно иссякнув, он сообщил об уважении нашего народа, – вот вошел в раж, – к древним традициям племени арихов и чуть ли не любви к их богине плодородия Великой Непорочной Деве.

Жан, понявший, наверное, что жертвоприношение отменяется, и ему не светит попасть в лапы каменной бабы, радостно толмачил.

Завершив свое выступление, наш предводитель вывалил из тяжелого ранца прямо на жертвенный алтарь, принесенные дары: железные наконечники копий и стрел, а также несколько кованых, прихваченных ржавчиной капканов.

Вся груда скобяных изделий была с благодарностью и реверансами принята и тут же перемещена в объемистый хурджин¹, после чего последовала ответная речь. Задрапированный в шкуру его величество, подтверждая свой высокий статус, оказался не менее красноречив и говорил даже дольше, чем умудренный опытом его визави. Наш юный толмач не успевал переводить, а бравые копьеносцы сломали строй и вовсю переминались с ног на ногу, словно только и ждали окончания, чтобы справиться малую нужду.

Из всего сказанного, я вынес главное – вождь усердно поливал елеем славного воина, сумевшего дважды голыми руками одолеть великих бойцов и проявившего при этом неслыханное благородство. По их обычаям, теперь один из поверженных (по усмотрению победителя), до конца своих дней должен стать моим оруженосцем.

Ну и ну! Вот влип. Только такого счастья мне не хватало. На кой... он мне нужен? С другой стороны, раз это подарок, то, следовательно, я могу распоряжаться своей собственностью, как захочу. А не предложить ли Сникерсу четвертому (прошу не обольщаться относительно моего склероза, убежден – боспорские греки называли его именно так) бартерную сделку: меняю живой этнографический экспонат на небольшой бездетный гарем. Главное не продешевить, предварительно выяснив расценки.

Осмысливая столь перспективный бизнеспроект, я чуть не пропустил начало дальнейшего разворота событий. Поскольку выступающих больше по регламенту не предусматривалось, и последний оратор уже подобрал свою палку, мы по наивности решили, что торжественная часть митинга завершена. Нилыч даже вздохнул с облегчением: «Пронесло, без крови обошлось. Принимают понемногу цивилизацию».

Ан нет! Предводитель трижды обошел вокруг алтаря, сопровождая каждый шаг постукиванием посоха о землю. Повернулся к укоризненно взиравшей на него статуе и... гортанно запел. Жан торопливо шепотом переводил:

- Не все понимаю... А..., благодарит Вас Архип Нилович! Так, так... Благодарит за уважение к родовым традициям, за готовность поддержать обычаи их предков... Теперь просит прощения у Непорочной Девы. Умоляет простить его и не обращать свой гнев на людей племени. Жертвоприношение состоится, по-

тому что так хочет Небо, так хочет Великая Орейлохе и так хочет друг и союзник Архип. – ... твою мать. Заболтался старый дурак. Накликал-таки на кого-то беду. Думал, обойдется все подарками, – на старосту было больно смотреть, – аж посерел от переживания. – Теперь понятно, для каких целей он священную змею прихватил. На всякий случай. Если бы я не сболтнул об уважении к традициям, она бы не понадобилась... Хочет, мерзавец, вначале умертвить жертву ядом.

Атмосфера накалялась. Песнопение кончилось. Верховный жрец, он же вождь, воздел правую руку с посохом высоко вверх. Босоногая гвардия, как по команде, вскинула копья.

- Начинается. Если выберут тебя, врежь ему напоследок в рыло. Не стесняйся. У нас тоже свои обычаи, которые мы должны уважать. Главное – не промахнись, а то он обидится. – Даже в столь драматический момент черт дергал меня за язык, а у дальнего потомка свирепых галлов по обыкновению дрожали губы. – Иди твердо, не посрами наших и постарайся укусить змею первым....

Никаких сомнений – все было срежиссированно заранее. И напрасно Нилыч каялся – дикари свои изуверские правила не меняют. И все эти причитания с благодарностями – блеф для непосвященных...

Из ближайшей кибитки две оборванные карги вывели светловолосую девушку и потащили в нашу сторону. Ноги у бедняжки отказывали, поэтому старухи буквально волочили ее по острым камням. Все замерли и неотрывно следили за приближающейся процессией. Подтянув совершенно ослабевшую пленницу к каменному идолу, беззубые горгоны принялись кричать, перебивая друг друга, обращаясь то к священной змее, то к непреклонной богине.

Я тем временем пытался рассмотреть лицо несчастной. Совсем молоденькая, с милым, почти детским личиком, по которому непрерывным потоком текли слезы, она бессильно обвисла на жилистых корявых руках вопящих кликуш. Длинные белокурые пряди ниспадали почти до пояса. Тонкий, во многих местах порванный хитон не мог скрыть юного, еще как следует не развившегося тела.

И сейчас эта прелестная сказочная Дюймовочка должна принять мученическую смерть. Что же она совершила? Чем заслужила столь жестокую участь?

А хладнокровный убийца уже приближался. Воины опустили свои копья и внимательно всматривались в каждое движение палача. Змея тоже почувствовала миг удачи – широко разинула пасть с ядовитыми клыками и мелко-мелко завибрировала кончиком хвоста. Все напряглись. Старухи смолкли. Вождь, желая еще более накалить обстановку, выдерживал театральную паузу. Наконец он медленно начал вытягивать левую руку вперед, приближая голову злобного пресмыкающегося к белой беззащитной шее обреченной.

«Вот сволочь, больше ничего говорить не собирается, сейчас просто молча убьет». – Мои спутники потрясенно молчали. Я сделал шаг вперед и резко, отрывисто так, чтобы было слышно всем, произнес:

- Остановись, вождь, – и Жану, – Переведи. В чем вина этого создания? Объясни! – Рука убийцы остановилась в воздухе, затем медленно опустилось, после чего он сам, не теряя достоинства, повернулся. Взгляд его темных глаз из под нависших бровей мог привести в трепет кого угодно. Они излучали такую неподдельную ярость, такую злобу, что будь на моем месте человек не столь самоуверенный и нахальный, уверен – проглотил бы свои слова обратно вместе с языком. Признаюсь, в этот момент я совершенно забыл про свою раненую руку и сам готов был кого угодно загнать в гроб.

Мы уставились друг на друга, как два быка на арене, готовые к смертельной схватке. Очевидно, никто никогда не смел перечить вождю и теперь он пытался понять, как это вообще могло произойти, и насколько реальна опасность со стороны незнакомого наглеца. Бросив мимолетный взгляд на свою грозно изготовившуюся гвардию, он все-таки решил, что сила на его стороне и, величаво обойдя жертвенник, двинулся мне навстречу.

- Мне говорили о великом воине. Но никто, ни человек, ни зверь не смеет останавливать руку, которой движет сама Великая Дева. – Жан еле поспевал за ним. – Во все времена такое деяние каралось смертью. Ты мой гость, но теперь обязан будешь разделить участь ослушницы. Так говорит Орейлохе. Я не

могу послушаться, иначе ее гнев падет на головы всего племени. – Пока он, как нерешительный бандит запугивал, все более и более распаяясь, я прикидывал, как бы половчее его захватить, не подставляясь под укусы ядовитого аспиды... Но тут произошло совсем неожиданное. Боковое зрение ухватило шевеление слева, и рядом со мной возник наш доблестный ветеран.

- Всем стоять и не двигаться, – в руке у Нилыча вороной сталью отливал пистолет. – Тебя, Сник, я уважал, и ты знаешь об этом. Но ты забыл, что живешь на моей территории и должен подчиняться нашим законам. Ты совершил великий грех. Пренебрег нашим покровительством и попрали наши договоренности. Мы несколько раз прощали выходки твоих соплеменников, но ты не образумился и теперь перешел к угрозам. Мы не можем больше молча взирать. Терпение лопнуло. Стало совершенно ясно, откуда исходит зло. Зло – это ты...

Все произошло в одно мгновение. Чтобы не потерять лицо, вождь, вопреки здравому смыслу, решил на худшее – он сделал посохом знак воинам и те, опустив копья, ринулись в штыковую атаку. Одновременно раздался пронзительный свист, и из-за деревьев стремительно вылетели рои светящихся ос. Пронесясь над нашими головами, осы безжалостно впились в страшную богиню Орейлохе, отколов от могучего тела тысячи мелких осколков. Бравые гвардейцы, не добежав до нас совсем немного, бросив дротики, в ужасе попадали на землю, пытаясь прикрыть головы руками. «Трассеры», – мелькнула мысль, – молодец староста, подстраховался».

Поле скоротечной битвы осталось за нами. Все враги были повержены и валялись в прахе. Предводитель ужом извивался подо мной, добровольно загоня себя в болевой захват – в критический момент он нечаянно попал под один из приемов ногами и, опрокинувшись, грохнулся оземь. Рядом чей-то сапог без устали колотил по жесткому треугольнику, только что бывшему головой священной змеи. «Жан-Пьер, не надо уже! Какой удалец! Кто бы подумал».

Повторяю, как это ни парадоксально, сражение завершилось в нашу пользу, так и не начавшись.

- Ты первым нарушил наши условия и начал войну, – я еще не видел Архипа Ниловича в таком состоянии. Обычно доброже-

лательный, сейчас он являл собой сплав из титана. Говорил, чеканя каждое слово. Глаза превратились в голубые кусочки льда. Вот она, военная косточка.

- Слушай, что с ними делать будем? Не убивать же. – Это он глухим шепотом в мою сторону. – Вот тебе раз! А ведь как хорошо начал.

- Да ничего. Сейчас просто придушу его, и дело с концом, – вождь как раз удобно подставился. Одно мое движение – и захрустят шейные позвонки.

- Нельзя, костолом. Ты не понимаешь. Лучших следопытов нам не найти, да и враги новые не нужны.

- Тогда пусть парочка наших из леса сюда несется. Будем держать этих под прицелом, а уroda просто свяжем. Потом обмозгуем.

- Твоя правда. – Нилыч дважды резко свистнул в свисток, висевший у него на шее и показал пальцами фигуру, обозначающую латинскую букву "V".

Через несколько минут двое автоматчиков взяли на мушку все так же валявшихся на камнях удалых храбрецов.

- Жан, собери пики и ножи. А то прирежут сдуру. Нилыч, снимай ремень, – мне надоело валяться на дергающем ногами и шипящем от бессилия противнике. Неровен час – захлебнется в собственной злости. Да и раненая конечность невыносимо ныла. Кажется, опять швы разошлись.

- Дальше-то что? – спросил, отдуваясь, наш начальник после того, как с трудом завершил процесс стягивания конечностей «гостеприимного» хозяина.

- Плащ-то как запачкали, а-я-яй! Ни одна прачечная не возьмет меховую, – я примерял обнову, лихорадочно соображая, что же действительно с ним делать. Пожалуй, придется тащить к себе в плен. Камера в овощехранилище освободилась, можно даже всех в нее запихать. Места хватит...

Дмитрий АЩЕУЛОВ

МИНИАТЮРЫ

.....

Стальная бабочка вспорхнула с острошипового цветка. Она блистала и порхала весь день. Вечером в ней закончилась батарейка, и она умерла. Я поменяю в ней батарейку, и она вновь будет плескаться яркими крыльями в воздухе. Вот только кто поменяет мне мое бедное сердце?

Когда всем хорошо

У мэра города N была счастливая семья. Он сам был алкоголик, его жена с радостью отдавалась другим мужчинам, а сын пребывал в кайфе от наркотиков. Жители же и не хотели себе другого мэра, потому что были весьма довольны, считая, что у их главы города неудачный брак.

Святой

Я приду в этот город вместе с льющимися струями дождя, и только шелудивый, бродячий пес, словно признавая наше родство, приветствуя меня, подаст свой голос в ночной тишине.

Я пройду по черным улицам к женщине, что ждет меня здесь. Она встретит меня на пороге своего дома и проведет шер-

шавыми грубыми пальцами по моим щекам, стирая слезы дождя. У нее бельмо на глазу и большой рот, но это единственная женщина, что любит меня.

Я упаду в сырую кровать и долго буду ждать утра. А спозаранку на площади будет реветь толпа, ожидая жертвенной крови. И бой барабанов будет отзываться в сердцах.

Наутро моя жена и друг, предавшие меня, принесут нарядные одежды и облекут меня в них. А бой барабанов будет торопить, словно сердце, готовое выпрыгнуть из груди.

Я выйду на улицу, и шелудивый пес поведет меня за собой в центр беснующихся барабанов. И на улицах беззубые старики будут обнимать меня как долгожданного сына, а дети кидать под ноги цветы. Все будут радоваться мне, как родному. А потом все затихнет, и лишь дождь будет продолжать струиться и течь по лицам, и сквозь его пелену тысячи глаз устремятся на меня. И потом они ринутся ко мне, их пальцы, как черви, будут впиваться в мои глаза, сердце, разрывать плоть, унося ключья одежды, собирая в священные сосуды мою кровь. И счастьем наполнятся их души, радость придет в их дома и город возликует.

Одиночество

Одиночество – это зверь, который терзает меня. Одиночество словно соблазнительная дева, пленило мое сознание. Одиночество – это страдание и р(г)адость.

Подобно рыбаку живу я на берегу моря Одиночества, оно есть моя свобода и плен, гибель и возможность оставаться самим собой. И, словно отчаявшись, порой я бросаю свои сети и неводы и ухожу от опостылевшего берега молчания к людям. Я слышу голоса, смех и радость бьющихся сердец, яркое мельтешение жизни, во всем этом я ощущаю сиюминутность их радостей и печалей, недолговечность и зыбкость их чувств и привязанностей. И тогда я понимаю, что лишь мое одиночество – постоянно. Я возвращаюсь на берег Пустоты и плачу, умоляю его простить меня. Я захожу в волны, опускаюсь на дно и задыхаюсь своим одиночеством.

Свобода

Во вторник утром я умер. Поначалу этого не заметили. Жена собиралась на работу, дочка болтала по телефону со своим ухажером, сын искал носки, лаяла собака, которой хотелось идти гулять. Наконец, сын вспомнил, что оставил носки на диване, на котором лежал я. Он стал меня расталкивать, и тут все обнаружили, что я мертв. Они стали вопить, кричать. Жена вызвала скорую и милицию.

Пока ждали их приезда, супруга и дочь стали лазить по карманам моего костюма, выпотрошили портфель, обнаружили записку в потайном кармане пальто. Потом жена долго жаловалась подругам в телефон о том, что теперь ей не удастся отправиться по турпутевке в Египет. Сын, схватив ключи от моей машины, умчался в гараж, осматривать новую собственность, а к дочке пришел ухажер, и они целовались в темной прихожей. Собаке, которую не повели на прогулку, дали кость из борща и она, весело виляя хвостом, осталась весьма довольна таким обстоятельством дела.

После ухода врачей и милиции меня увезли в морг. Патологоанатомы бросили меня на стол, вспороли мне грудную клетку, вытащили сердце и легкие и бросили их в ведро, а все остальное – кишки и потроха в другую посудину. И в этот момент я, наконец, почувствовал себя сво-о-бо-оо-дн-ы-ы-мм!

.....

При рождении Бог вложил мою душу в грудь, она была легкой как облако, в ней не было зла и обмана. А после смерти – два демона с трудом тащили вопящую и опьяненную грехами душу в ад.

Сердце дракона

Дракон держал во дворце похищенную красавицу. Он осыпал ее золотом, услаждал часы пирами и празднествами. Однажды среди гостей очередного карнавала через плечи, маски, лица шутов и уродов она увидела героя, и ... ее улыбка коснулась его сердца.

Герой убил дракона, освободил девушку и взял ее в жены. И никто: ни дракон, ни герой так никогда и не догадались, что сердце настоящего дракона билось в груди у красавицы.

(Лампочка)

(бытовые зарисовки из будущего)

Внутри что-то ухнуло и забулькало. Кабаков побледнел и схватился за сердце.

– Что? – заволновались все вокруг.

– В душе что-то, оборвалось, – сквозь щемящую боль в груди, морщась, ответил Кабаков.

– В душе? – задумчиво произнес Кирюхин. – Души нет. Мне мой проктолог сказал. Научно доказано.

– Щемит, – пожаловался Кабаков.

– Это что! Вот у Лимова глаз стеклянный с оптическим прицелом на охоте потерялся. Это я вам скажу неприятность. Двести километров в охотничье угодье пилили, да двести – уже без глаза обратно.

В местном домоуправление Кабакова осмотрел слесарь-программист Курлыкин. Согнул указательный палец и постучал суставом по ребрам, Прильнул ухом к груди и долго слушал.

– Если бы чего забилось, чтобы не проходило, так это может быть, – по научному непонятно заметил Курлыкин. – Если бы булькало или опять же через край не проходило, а так на дом вызывай специалиста. Есть у нас душевный человек – Моисей Семенович.

Моисей Семенович – душевный человек с грустными глазами, вместившими в себя скорбь всех пророков, без слов раздвинул грудную клетку, заглянул во внутренности Кабакова.

– Червячный механизм сдох, – определил он.

– Червячный!? – злорадно пропела теща Ефросинья Власьева – женщина пятидесяти двух лет, похожая на двадцатипятилетнюю ведьму: хрустальные глаза, фарфоровые зубы, современные кожзаменители – ни морщинки, ни складочки по всему телу, лишь только волнительные выпуклости и впадины.

– Не зря я его всю жизнь слизнякам звала, – победно посмотрела она на зятя и дочь.

– У вас устаревшая система, вы на все слишком живо реагируете, – грустно сказал Моисей Семенович пострадавшему.

– У меня там действительно того, червяк жил? – спросил оробевший Кабаков.

– В каждой душе живет свой червячок, – согласился душевный человек.

– А может ему туда чип интуиции вставить? Будет он у нас в казино выигрывать или там, в лотереях участвовать. Все в доме от него польза, – как поборница всего передового предложила теща.

– Мама, да что вы такое говорите!? – всхлипнула плаксивая жена: улыбка Джоконды, глаза Моны Лизы – работа не кисти Леонардо, а скальпеля и лазера пластического хирурга, ваятеля лиц и образов Абдуллы Рахимова.

– Как же мне дальше-то жить? – простонал Кабаков.

– Я вам лампочку туда вкручу, – задумчиво сказал Моисей Семенович.

– А поможет? – с сомнением спросила Ефросинья Власьева.

– Поможет. Ее можно будет включать и выключать.

... С тех пор в толчее и сутолоке метро, в дождливый день или просто когда было плохо, Кабаков включал лампочку, и становилось у него на душе светло и уютно.

История женщины

Она была умна и в меру красива, умела прекрасно готовить, разумно вести хозяйство. Обладала благоразумием, при общении с представителями противоположного пола могла быть кокетливой, в меру умной, разбиралась в мужчинах настолько, что могла позволить себе быть не одурманенной проходимцем и ждала своего принца. При всех своих неоспоримых достоинствах ее расстраивало только одно – ей было уже 60 лет.

ПОЭЗИЯ

Светлана СУСЛОВА

НОВЫЕ СТИХИ

ЗАПАХ СНЕГА

Ещё пламенеют клумбы,
Ещё зелена листва...
*(У снега холодные губы
И огненные слова!)*
Ещё не собрались стаи
В далекий полет – на юг...
*(Я память опять листаю –
Как ветренен сердца стук!)*
Росою ночью тает,
С лугов поднимаясь, зной...
*(Мережатся очертанья
Земли под седой зимой).*
Живём – впереди на корпус
Невидимого Сейчас...
Вращается школьный глобус
Футбольным мячом – для глаз,
Пустыни и океаны
Сливая в единый свет...
В душе зарастают раны,
Времени заметая след.
В плену у своих предчувствий

Теряем и жизни нить...
Лишь запахи – счастья, грусти –
Мы можем, увы, любить!

ЛИСТОПАД

Я просила порой: отстранись, –
Слишком яркое пламя в кострище...
Мимолётны и чувство, и мысль.
Постоянства мы в жизни не ищем.
Ведь и сами летим, как листва,
Беспечальная, с веток осенних.
Наши клятвы – всего лишь слова,
Всплески рыб в непроточном бассейне.
Позабыт непонятный озноб
От внезапного взгляда касанья.
Прилепилась морщинкой на лоб
Сентября паутинка косая.
Листопад объявил невпазд
Угасанье душевного жара...

Ах, как листья, сверкая, летят!
Зыбок отсвет былого пожара.

В преддверии обещанной зимы –
Шестидесятой! – пыльной и бесснежной,
Вдруг вспомню неожиданное: мы
Несли в душе пронзительную нежность,
Ломали все устои,
Как метель
В свою судьбу врывались чистотою...

Под надоевшим солнцем сникла ель,
Пропахла гарью уличною хвоя.
Побиты молью шубы все в шкафу.
А у пальто, увы, протерлись локти...

Как будто жизнь уже внесла в графу
Убытков
Всё, что скучных будней против...
Я встретила сегодня по пути,
Спеша на рынок,
Старого знакомого;
Вдруг стало ясно:
Некуда уйти
От пыльного задымленного солнца,
Что мы уже состарились под ним
И всё забыли, что могло случиться...

Кто говорит, что жизнь людская мчится?
Она всего лишь тает, словно дым...

Ноша не тяжела,
Если она – два крыла,
Или же – два весла
Вечных Добра и Зла...
Лодка летит легко,
Если там, далеко,
Светится огоньком
Дом, куда ты влеком...
Жизни не плох удел,
Если светло от дел,
Если сложить успел
Песню и спеть посмел...
Смерть – не исход, исток,
Вечной любви порог,
С Богом уместный торг:
Рай – на земной восторг.

Друзья мои уже свободны все
От прежних клятв в «до гроба верной дружбе»...
Как снег лежит в порушенном овсе –

Так те слова забыты и недужны...
Прощайте все!
Я счастлива, что есть
Сама собой в безлюдном тихом мире,
Где первый снег приходит, словно весть
О том, что все обеты – только гири,
И сбросить их непросто,
Надо вдруг
Задуматься хотя бы на мгновенье
Что сам себе ты – первый враг и друг,
Без клятв, без обещаний,
Этих звеньев
Оков чугунных, тех, что оземь гнут
Любую душу
В самом сильном теле...
Блаженны те, кто встретиться успели
С собой,
И не нарвались вдруг на суд!

ИССЫК-КУЛЬ

Озеро моё горное, молодость ты моя!
Ветер полынью горькою пахнет, печаль тая,
Боль отшумевших праздников,
Давней любви укор...
Здесь я бывала разною.
Сколько прошло с тех пор!

Озеро знает, мудрое, – всё растворят века.
С ним говорила утром я, – знает наверняка:
Так, как следы смываются медленной волной,
Всё, что в судьбе сбывается с кем-то
– с тобой, со мной, –
Тоже размоет времени медленная волна...

Озеро моё верное, ласки голубизна,
Сколько ты судеб видело, счастья, и слёз, и клятв?
Сколько забытых идолов недра твои таят?

Озеро моё горное, – молодость, старость, смерть...
Небо такое чёрное. Больно в него смотреть.

У души тончайшие струны
И великий настройщик – Бог...
Ты впусти этот вечер лунный
На бессонный ночной порог.
Пусть опять обжигают звёзды,
Море плещется, лист кружит...
Мой любимый – последний, поздний! –
Нам осталось немного жить –
Десять? Двадцать?... Создатель в курсе.
Нам у Бога не быть истцом.
Только жилка дрожит на пульсе
И светлеет в ночи лицо.
В море вечности малой каплей
Наши судьбы слились в одно.
Их нельзя разделить. Не так ли
Опускается день на дно
Синева, тишины, покоя,
Снов бессвязных, объятий, слов?..
Может, грусти твоей не стою,
Как усилий ума – любовь?
Всё случается чувств помимо.
Море плещется. Дремлет парк.
Всё прекрасное в судьбах мира
Без усилий вершится так...

«Оставь надежду, всяк сюда входящий!» –
Начертано на брэнном житии...
Но почему же нет на свете слаще
Речной хрустальной солнечной струи?
Зачем цветы, касаясь лепестками
Всех струн души палитрою земной,
Встревожат вновь немислимыми снами,

Когда нагрянет вечность серой мглой?
Ну почему всем сердцем льнем к заботам,
Грызущих мозг с упорством упыря?..
Любовь – и та, – как праздник, как охота:
Рожок пропел, сердца ожгла заря,
И – ... вот уже мертва твоя добыча,
Погасли чувства, пеплом стынет взор...
Но почему опять в людском обличье
Душа спешит явиться? – словно вор
В чужом жилье свои справляет свадьбы,
Свои грехи возводит в ритуал...
Самих себя в других обличьях знать бы, –
Осколки все собрать в один кристалл!..
Но, нет, – увя! – опять приду, я знаю,
В грядущий век с ущербностью былой...

А вдруг надежд скопившаяся стая
Однажды в жизнь прорвется вся со мной?!

Жизнь – коммуналка без удобств,
Жизнь – для зубастых и горластых,
Вопрос на заданный вопрос,
Где смерть венчает сны и сказки...
Но всходим вновь – в иных телах,
Как входят в рай обетованный,
Где вновь вопрос – о смысле, главный, –
Сомненьем горестным пропах;
Вновь познаём сквозь боль и страх
Горячей нежности бесстыдство,
Нездешней жажды любопытство,
Круженье вечности в сердцах...
Так непонятно что – душа –
Опять проснётся в новом теле,
Себя как хлеб на всех поделит,
Былыми склоками греша...

Я – с глазами красными
От бессонных бдений –
Ненавижу праздники,
Их затей бездельных:
Их дары заманчивы
Только для детишек,
Встречи их обманчивей
Золочёных шишек...
Знаю – праздник кончится.
Все знакомцы сгинут.
Полиняжут почести.
И умолкнут гимны.
И не пышки в хлебнице –
Хлеб отыщешь чёрствый.
Снова станешь пленницей
Вековой учёбы:
Быть на страже тщания
Не о белом – чёрном...
И – строки нечаянной,
Вместо сна вручённой...

ПОДОЖДИ...

Когда на волю выпорхнет трава,
И вновь земля снега впитает губкой,
Тогда я вспомню светлые слова
И лёгкие веселые поступки.
И будут вновь качаться фонари
И сизый дым струиться по аллеям,
Где мы с тобой побродим до зари,
От радости вернувшейся хмелея;
И все заботы, словно странный сон,
Уйдут на дно души и там осядут;
И мы вдвоём вернёмся в тихий дом,
Поставим ветки талые из сада
В большую вазу, – ту, что ты дарил
Однажды мне в какой-то день рожденья...

Ты подожди – из почек легче крыл
Взметнётся снова свет преображенья.

ВЗГЛЯД СВЕРХУ

Эти степи так долги, так серы,
Что приходит сравненье не раз:
Кто-то выгладил горы сверх меры,
Чтоб пространство иметь про запас,
Пусть и небо лишая опоры,
Но не взяв это попросту в ум...
Бродят здесь только призраки-горы –
Носит пыль сумасшедший самум;
Кое-где озерки серебрятся –
Где родник, где мираж солевой...
Мне бы здесь не хотелось рождаться,
Если вновь это будет со мной.
Я гляжу с самолёта, тоскуя,
На посёлок в десяток дворов.
Степь да степь...
За провинность какую
Жизнь – один из бесценных даров –
Человек принимает от Бога,
Заточая себя в эту грязь?!..

... Пыль клубится над серой дорогой:
Кто-то скачет домой, торопясь,
Гонит так свою бедную клячу,
Словно там, в этой плоской тиши,
Ждут и радость, и страсть, и удача –
Всё, что надо для счастья души!

НОВАЯ ПОЭЗИЯ

Как ватные стихи,
И рты набиты кашей...
Уходят старики
Из молодости нашей.

Уходят – и с собой
Уносят тайну слова.
Засыпанный забой –
Поэзии основа.
Звучат из-под земли
Восторги стадионов,
Которые могли
Стихам внимать со стоном
Толпы единой – дань
Сбирая с вещей строчек...
В почёте нынче – брань
Без книжных многоточий:
Диктует всем базар,
Что дурень мил – со ступой...
Духовный взлёт, азарт
Торговцам недоступен.
Вот снова кто-то влез
На пьедестал с реченьем:
Стихи – как лысый лес.
И сам поэт – ничейный...

Мы с этим деревом рассорены.
К его корявому стволу
Я припадала – в гневе, в горе ли, –
И узнавала по теплу –
Рукой, щекой – его участие
В моих запутанных делах...
Зато когда бывала счастлива –
Не вспоминала о стволах
Корявых, добрых, всепрощающих,
В наплывах радужной смолы...
Мы с этим деревом – товарищи.
И вот – друг другу не милы.
Кто в этой ссоре виноватее,
Мы не хотим и узнавать...
... Как тяжело моим объятиям
Без нашей дружбы пустовать!

Давай поколдуюем вместе:
Заварим душистых трав,
Расскажем себе без лести,
Кто в нашей судьбе не прав;
Не чёрта вина, не Бога,
Посмотрим, в какой же миг
Свернула во мглу дорога,
Ручей придорожный сник;
Откуда взялись заботы,
Которым и несть числа;
Кто дал до седьмого пота
Трудиться в конюшнях зла?..
Не горек наш чай, не сладок,
Не холоден, не горяч...
Мы думали, что порядок –
Всех бед неизменный врач;
Однако, трудясь во славу
Порядка в быту своём,
Мы чувствам, увы, потраву,
Не чая того, несём...
Мы думали, Бог навеки
Дарует любовь и страсть.
Текут и большие реки
Чтоб в море навеки впасть;
А море любые вести
Упрячет на дне опять...
...Давай поколдуюем вместе –
И реки помчатся вспять!

ВКУС ЗЕМЛЯНИКИ

Помнишь? – радужно, радостно, ломко
Загоралась роса на траве,
Над горами мучительно-долго
Растворялась звезда в синеве.
И когда немоту золотую

Разорвали былинки, дрожа,
Ты нашел землянику простую,
Чья всю ночь вызревала душа,
Аромат излучая незримо,
Воздух в мёд превращая густой...
До сих пор мое сердце томимо
Сладко тающей терпкой звездой.
Этот мир – словно вкус земляники:
Раз отведав, смакуешь стократ
Тайной радости сладкой улики,
Чувств, мелькнувших на миг, аромат...
Кем придумано это на свете?
Наша явь не имеет конца,
Лишь кружится как солнечный ветер
Из просторов вселенной – в сердца.

... И на счастье, и на беду
Снова в сон твой тревожный войду,
Припаду к твоим теплым ладоням...
Без тебя я совсем пропаду –
Дождь в саду мне об этом долдонит.
Пропаду – без ласкающих губ,
Пропаду – без влюбленного взгляда
Зеленой и хмельней винограда
И таящего вечную глубину;
Пропаду без ворчанья твоих,
Без молчанья, подобного песне
Или вечности ласковой вести,
Что, мол, создан весь мир – для двоих,
Что опять, и опять, и опять
Воплощаются в новых рожденьях...
Пропаду в своих сумрачных бденьях,
Не умея одна – забывать!
Пропаду – если ты не придёшь
И не скажешь с улыбкой внезапной:

– Это слезы твои, а не дождь!
Вот увидишь – как солнечно завтра!..

ВРЕМЯ

О Хронос! – он хронически бессмертен,
Он соткан весь из хроники забот.
Мы засыпаем в миг, когда, поверьте,
Бессонный, он в зевоте пялит рот
С такую силой – хрясь! – ломая челюсть,
Как будто всеми жизнями хрустя...
Мы у него – бесчисленная челядь,
А он – без глазу вечное дитя.
По капиллярам Времени стекая,
Назвав сансарой эту карусель,
Жизнь проживая наспех (есть другая!),
Мы вновь и вновь проходим сквозь тоннель,
Не догадавшись даже Бога ради,
Что сплёвывает Время на ходу
Нас шелухой от семечек, не глядя...
Лишь ядра душ годятся на еду.

УТРО

Пробужденье без грусти.
Первый солнечный блик.
В сердце – трепетном устье –
Вызревает родник.
Чтоб ему перелиться
Через край, через сон
Надо малости –
Птицы,
Ветки с первым листком,
Ветерка,
Осторожных
Чьих-то ранних шагов...
Что оставлено в прошлом?
Чувства, помыслы, кров...
Что же дальше случится?

Озаренье, восторг,
Ввысь взлетевшая птица,
Свет, накопленный впрок.

НА ТОЙ ЗЕМЛЕ...

На той земле, что снится каждый раз
Когда душа томима ожиданием,
На той земле закат уже угас,
И месяц вышел к туче на свиданье,
И тёплая озёрная вода
К песку, шепча, ласкается игриво,
И в ней полынь расчёсывает гриву,
И на осколки множится звезда...
И я бреду по мокрому песку –
Увы! – следов уже не оставляя,
И как звезда разбиться вдрызг могу
И раствориться в нежности без края,
Плеснуться рыбой, вскрикнуть чайкой вдруг,
Взлететь жучком светящимся из чащи
И устремиться в синий купол чаши,
Что выронил Творец из сонных рук...
На той земле остались навсегда
Любви и счастья детские одежды
И вечно-путеводная звезда,
Венчающая дерзкие надежды.

Вячеслав
ШАПОВАЛОВ,
народный поэт КР

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

ДОРОГА

Шли мы, покуда могли, заколдованы кровью,
от излучения мглы – к изумленью любовью.

Меря события людьми, вешки ставя при этом:
от поколенья любви – к окрылению светом.

Были года холодны. Всё сиротское счастье:
от поклоненья любви – к оскоплению страсти.

Серую Шейкой во льды да походкой хромою:
от оперенья любви – к окрылению тьмою.

Нас не швыряли в тюрьму, как порой наших дедов,
жили мы – горе уму! – привкус чуда изведав.
Так отчего же порой зябнут руки от страха
на ледяной мостовой – и молчит Андромаха

на полустанке, в степи, жесткий снег утирая –
от прорастанья судьбы в область ада и рая...

Жизнь – позади, мы пришли, в никуда вырастая:
от озаренья души – к пустоте мирозданья.

И повторяем, хрипя под могильной плитой,
что отворяем себя пред небесной чертою.

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОСОФИЯ

Так и не отгремела, через все времена,
в зеркале архимеда пламенная война:

век твой, твоя работа, скрытый в песках закон –
в зеркале геродота полчища языков,

век твой, слепой охранник, неуловимый вздох
в черном огне органик, ставших песком эпох,

в тленных словах корана, в вещем сплетенье снов,
в рыжих слоях кумрана – овеществленье слов,

прежде всех назореев – чуждого мира мгла,
жадный всхлип мавзолеев, злобные купола,

это твоя крамола, сретенье, гнев и страсть,
это твоя каморка – свод мировых пространств,

это твоя кручина, привкус чужой травы,
капелька сарацина в черной твоей крови,

это твоя ведь карма, край твой, судьбы кремь,
ночь разрушенья храма, утро и судный день,
это мольба о здравии, странствий твоих зюйд-вест,
русского православья старый двуперстный крест,

камень в конце тропинки, тризны умолкший звук –
малой земной кровинки, выскользнувшей из рук,

вкус просфоры слоёной, мизерный твой итог –
капля волны солёной, пены морской виток...

СОНЕТ О ПОЛЬЗЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Эпохою отобедав,
проныриваем без цурюков
от пассионарности дедов
к транссексуальности внуков.

Немного, видно, рубруков
меж гуннов или венедов:
мнится, у каждого кредо – в
том, чтоб сгинуть без звуков.

Полчища – мимо торжищ:
умножишь и подытожишь,
некий невинный историк

(не путать имени файла с
циником – он же стоик –
поскольку нестоек фаллос)...

ИМПЕРСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Памяти Чингиза Айтматова

О храбрых и мудрых, о дружбе, о вечном предательстве
Напомнит нам эпос сухими устами истории,
О долгом и тщетном племён и времён препирательстве,
И все его строки – не строки, но стоны истошные:
Безмерного рабства в глазах отраженья забытые,
Звучат и двоятся, безмолвные годы отматывая...
Кто б знал эти склоны и доли, в веках позабытые,
Когда б не звенели о них озаренья Айтматова!

Кто знал эту землю и чудо сказаний печальное,
На ветреном глобусе прочим народам не нужное,
Зов гор и степей, ледников с небесами венчание,
Кто слышал напев, затаивший молчанье недужное,
Кто ведал меж нами движенье созвездий согласное,
И бег табунов, и отар упоенье весеннее,
Кто чувствовал слово, над душами близких не властвуя,
И в нищем кочевье увидел эпох столкновение?..

Что толку и смысла детишек пугать геростратисцем
И мутные мифы плодить – должники что ли веку мы?!
О старом народе, в веках свое счастье растратившем,
Расскажет – художник. Ведь больше-то, в сущности, некому.
Пророку в отечестве худо: охрипнув, аукает,
Бесхозных выводит на свет дураков-соплеменников,
А вслед ему юные волки, свистя, улюлюкают
Да смотрят бесслезные очи его современников.

И все они – нытики, критики и паралитики –
Ни знать не желают, ни видеть, ни верить, ни чувствовать.
Устав и изверьась, пророки уходят в политики.
Но все остается по-прежнему – на сердце пусто ведь.
За жиром наград не скрывал он, как сердце надорвано
Навязанной некогда ролью светильника разума.
Кумиру лжет нация! Лжет – пересадкою органа.
Но сердце болит за страну, хоть болеть не обязано.

Железного века ветра пролетают, пронизывая! –
Он, сын Ала-Тоо, прошел по планете и вечности,
За космосом чуждым он молча провидел Киргизию,
В реченьях далёких он близкое слышал отечество.
В снегах и бурьянах застыли родимые прерии,
Родимые пятна горят, словно знаки отличия,
Всё ставят в вину ему – смерть большевистской империи,
Крушенье культур и надежд, маскарад безъязычия.

Но всё отойдет – и глумление, и поклонение,
Безвестные сёла воздвигнутся вновь над столицами,
Устав от безмолвья, неграмотное поколение

Вернётся к нему и заплачет над теми ж страницами!
Летит иноходец и длится любви заклинание
Над пустошью лет, над людскою судьбой одичалою! –
На дне этой жизни, невнятной, как воспоминание,
Дрожит тополёк, не укрытый косынкою алою.

Охотник о сыне поёт, внемлют звёзды бесстрастные,
А в небе безмерное время зарёю полощется,
И души ушедших познали последнее странствие
На Млечном пути – на печальной Дороге Соломщика.
Родимой чужбины мутны горизонты осенние,
Утратами горькими жизнь безответная полнится,
За всё, что не додал ей, – родина дарит прощение,
За всё, что ей отдал дотла, – что-нибудь да исполнится!

Час пробил.
Бессмертна эпоха Чингиза Айтматова,
Железного века эпоха, масштаба безмерного.
И жил, и творил, и дышал он – для Века Двадцатого.
Но дрогнули руки, открывшие дверь Двадцать Первого...

*10 июня 2008 г.
Бишкек*

ПРОФЕССОР

Вы о ком засовещались вдалеке,
Декабрем в снегу схороненные листья, –
О несчастном одиноком старике,
Полиглоте, иудее, пушкинисте?

До весны! – звенели стекла, – до весны!
Он шагнул, держась за тумбочку, из транса,
Оступаясь, из больничной белизны –
В черноту потустороннего пространства.

Дар пророческий он прятал от других,
Черной магией не зря его считая,
Сберегая, сколько можно, малых сих,
Затерявшихся на берегу Китая.

Кто прочтет псалом во славу малых сих,
Кто сочтет их рукотворное рожденье? –
Все, что делалось для будущего их,
Им не нужно и поэтому – враждебно.

Он летит теперь в шагаловском дыму,
В черной шапочке – мудрец с лицом мессии.
Всё людское, что недодано ему,
Он вернул родной словесности России.

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Сходятся хитрые дураки,
Саксаулы чресла чешут свои,
Спецслужбы бодрствуют до зари,
Но им не погасить огня
На юбилее у Рудаки,
На юбилее у Навои,
На юбилее у Кашгари,
На юбилее у меня.

Облака летят, на короткой ноге
С действующими президентами СНГ,
В глазах у осадков сухой вопрос:
Не надо НАТО – на шо с нами ШОС?
(Укр. вариант: на що з нами Щорс?!.)
Идёт по улице, делая крюк,
В тюбетейке с перцем старый урюк,
Над урюком истории гнется лоза,
У урюка печально мудры глаза,
А в глазах мечта повидать шурави
По те же чресла в шуравской крови,
В сутолоке ихних горных рек,
Где люди похожи на мурашей
Под сладкую песню родных калашей.
Об том же мечтает любой абрек...
Боже, царя с королевой храни,
Старшему брату мозги не долби –
Впереди день ангела аль-Фараби,

За ним еще юбилей Бируни,
Низами, Лахути, захоти – Саади,
Только сзади, дядя, не подходи...

РУССКИЙ БРЕДБЕРИ

В мерзком блеске мирском,
поколеньями, в запахе гари
и тоскливом беспамятстве – миф об утрате родства.
С кем и с чем – не вопрос, и природа пускай не в ударе,
но у всяческой твари имеется свой страдивари,
протоплазма и промысел Божий рифмуются в паре,
изумлённой слезой прерывается вдох естества.

В мёрзлой мгле на Тверском,
воплощая мечты Идиота,
«Не рыдай мене мати!» – едва ль донесётся с креста,
и куранты державно заплачут – такая работа! –
и мигранты предел обозначат имперского пота,
и скелеты вождей содрогнутся под плотью оплота:
настоящее – в нас, но считать ли умеем до ста?

В мёртвом плеске морском
(вновь на сушу не выйдем из моря!)
наконец-то покой обретает живой матерьял,
неизвестному будущему гомерически вторя,
чья-то наглая харя нам рявкнет: сик транзит, мол, gloria,
зарочет прибой, словно душу обрёл на просторе,
краб рванётся к воде, словно прошлое там потерял.

2008

ЧУЖОЙ АЛТАРЬ

Господи воля Твоя
у камня алатыря
где тварь взыскует творя
аз Твой дом посетил
блуждаю среди светил
под солнцем сим и дождём
паук в огне янтаря
на чужбине рождён

в заботах о теплом жилье
забыша имя свое

Боже Твоя свирель
приручает зверей
монастырей менестрель
мимо пуль мимо стрел
Время летит всё быстрее
уносит Тебя и меня
даты и племена
утраты и имена
стократы все кляня
так средь морских зыбей
спит апостол Матфей
вымолвив Благовест
вымолвив горький крест
Господи
всех валгалл
камень что не солгал
трехвершинный балбал
тмутараканский болван
мать Умай в обличье земном
под тенгрианским зерном
в цепи порвется звеном
Мохаммада ночной полёт
млечный путь не прольёт
единой слезы своей
познаем истину книг
отвратись от них
Твою дорогу торя
замру у алтаря
скинув прохаря
говори со мною заря
лики чужих богов
воззрятся на путь земной
и найдя чужие слова
беззвучно заплачет сова
надо мной

СТАРАЯ ДЗЕРЖИНКА

Памяти Медера Ахунбаева

Как нечаянно тает снежинка
И душа ее в небо взлетает!
Как давно умирает Дзержинка,
В облаках потускневших витает...
Десять лет, как не стало Медера.
В старом доме взгрустнули стропила,
Наступила хреновая эра,
Но она не вчера наступила.
Ах, какие же были ребята! –
Утекает сквозь пальцы тропинка
Без Комека, Жука и Марата –
И с ветвей опадает Дзержинка.
Меж дубов и нечаянных сосен
У чугунных копыт командарма,
Поколения пропылесосив,
А о прочем забыв и подавно,
Надвигается мерное время –
И кому-то отсчёт одинаков
И встречается ветхое племя
В тёмных скверах у мусорных баков.
Только кто же ответит за вызов,
Яви нет, а одни сновиденья:
Юных графов и стройных маркизов
Дотлевают усталые тени.
Как легки и талантливы были
Эти местные дети Арбата,
Беззаботно любили и пили.
Час восхода – и море заката...
Время стало пошлее и плоше,
Пусть кому-то от этого лучше,
Только где вы, Ероши, и Коши,
И Серёжи – веселые души?..

24 октября 2009 г.

Анна ЗАРУБИНА

ОТКРОВЕНИЯ БУДУЩИХ ДНЕЙ

Этот столетник – хозяин пустого дома.
Кот одноглазый... Но всё это было – *после*...
Если бы я не чертила того излома
Взглядом – в окне... Младенец уже был бы взрослым.
...Выносить, сердца не зная, – да! – Весь безумный
Хаос... Явить Естество – вероломно, зримо.
Аист летит, рассекая крылом бесшумно
Воздух... Огонь восстает из дыма...
Падаю – до сближенья. Я тоже – агнец.
Слышу, себя понимаю – в высоких звуках...
Все хорошо. Только жжет безымянный палец
Это кольцо, что вчера отливало в муках.
Путь к Покаянию.
...Только день на планете Земля
Стал короче. В искусственном свете
Человек растворяет свой взгляд
И... безмолвствует. Холодно. Ветер, –
Он сегодня, как будто, сильней...
В межпланетные дали бросает
Откровения будущих дней
Сердце чувствует. Сердце – *знает*.

Ждет в отблесках свечи – Вселенского огня,
И... Если это – я – на лайнере бумажном,
То пусть он унесет, бесплотную, меня,
Туда, где только сутью значим каждый...

Только Мир, открываемый вновь...
Только боль от познания сильнее...
Если то, что во мне, есть – Любовь,
То возможно ль не маяться ею?
Иль как Дар огнеликий принять,
Не пытая: своя иль чужая?
И уже не бояться огня,
Если сердце от сердца... сияет!

На заданной странице – Книга Бытия,
И... Если это – я – вбираю междустрочье,
То сущее во мне, а, стало быть, и я –
Все больше этой бесконечной ночи...

Только день... Что рассвет, что – оскал...
Только – к небу протянуты руки...
Человек, ты от воли устал,
И тебя не берут на поруки.
Что дано – неужель вопреки
Нерадению и недеяньям?
Сердце... Сердце! Движенья руки...
Откровение. Путь к Покаянию.
На заданной странице – Книга Бытия,
И... Если это – я – вбираю междустрочье,
То сущее во мне, а, стало быть, и я –
Все больше этой бесконечной ночи...

... И берег моря вырастал навстречу.
Я шла – из пены, обретая твердь.
Цвета и звуки – многолико вече!
Что было «до»? Я знаю – только смерть.
Я шла, почти примкнувшая к рассвету...

Он мне кивал – с достоинством паж-
На берег, что из черно-белых клеток,
Где каждый шаг – по лезвию ножа...
Четыре края. Весть. Прозренье. Доля.
Я приняла. – Здесь неуместен спор.
Что мнилось мне? – На бело- черном поле
Мерцала цепь коралловых озер.
А Человек... Он – Проводник? Паломник?
Пещерный камень. Мысли – без рядов.
Он – на земле. И он искал терновник
Неистово. Так вот что было «до»!
А море будто вспенилось в кристаллы.
Изранившись, не дрогнула душа.
Я больше Человека... не искала.
Я шла. На острие карандаша.

Опрокинулось небо на землю, и дышится легче.
Перья, перья вокруг! Гомон, шепот... Собрать, что осталось.
Крест и путь к алтарю. Лучик мой. Сон земной. Доля певчая.
Очертания... Горы. Исток. Мой Восток. Всё – сверсталось.
От поставленной точки – до чувства «Я снова верю»
Поползу. И сойдет на землю Наместник.
Он есть Свет. Он войдет в недостроенный терем...
Я дострою его. И... вымолю добрую песню.
Я спою её детям. Услышат – сойдутся «в кучу»,
Будет радостно им. А мне – во сто крат! Пусть глухо
Ставни заперты... Солнце! Явление. Лучик.
Я поверю в него. Как единожды – в Дух от Духа.

Пожалуйста, возьми меня с собою
Туда, куда любимых не берут.
Я помню: елка, двери, снег и пруд,
Промерзший до... (как знать?) Часы – без боя

Идут. – Я – без тебя. Все – неизбежно:
Твой жест – навстречу мне... Проем окна...
Я не одна. Конечно, не одна –
Со мною – мир. Он – мой, и он – безбрежный!
Но ты уже... Ты – вне. Ты – Там. Я знаю.
Я вижу свет. Мне ясен этот путь.
Я обещала, да! Но не забудь:
Я – женщина! И я... не отпускаю.

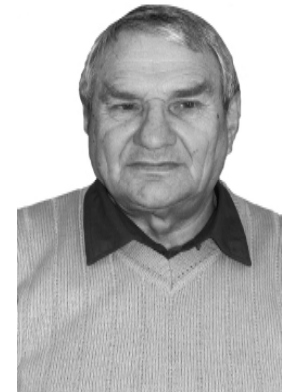
И Я ЗАПОМНЮ НЕЖНОСТЬ...

... И я запомню: нежность и, – без края,
А тембр – это вздох виолончели...
Творение сиреневого мая!
Сияние – в судеб пересечении...
В этой глади стекла столько солнца сегодня искрится!
И минута весны – вспышкой огненной, остроконечной –
Пробежит горизонт, а за ним... Там, я знаю, продлится.
И, конечно, собой переполнит грядущую Вечность.
И эта Вечность есть моя обитель,
Моя – в сознание бьющаяся лира.
А свыше... Свыше мне дано – любить! И...
И это так неразделимо с миром!
С этим ветром – в окне, и пионом, что тянется к свету,
С этой песней, что, утро подслушав, озвучила птица,
С этим самым родным... Тем, кому не давала обетов,
С этой толикой жизни, что я называю зарницей!
Но я уеду. Рано. Очень рано.
Почувствую себя, когда замечу:
В руке сжимаю зрелый плод каштана,
А за окном уже, наверно, вечер...
Только... Запах пиона! Я знаю, он тянется к свету!
Только... Песня, что утро подслушав, озвучила птица,
И... Родное... Родное! Хоть я не давала обетов...
Это – толика жизни...

А В ПОДАРОК ВАМ – СНЕГ!

Я помню осень. Бегу куда-то
За буйством красок. Но... снег как будто?
Вы – в черном, я – в белом (уже театр!)
Где чувств достать – раздетых, разутых?
 И... объявится снег –
 Из зимы моей,
 И сплетается век
 Из кусочков дней,
 Запорошенных (я так хотела!)
 Ожиданием белым-белым...
Ваши глаза – беспокойная Осень,
Сорвавшийся вихрь открытий, затмений...
Томленье и пыл в небо серое бросив,
Раскрошится лист от...неприкосновений!
 А в подарок Вам – снег
 Из зимы моей!
 ...И сплетается век
 Из кусочков дней,
 Запорошенных (я так хотела!)
 Ожиданием белым-белым...
И что за дурман эта непринадлежность?
Не осуждайте. Не отвечайте.
Но я – сквозь ноябрь – отпускаю к Вам нежность...
Под утро ее у окна встречайте
 Как подарок, как снег
 Из зимы моей,
 И сплетается век
 Из кусочков дней,
 Запорошенных (я так хотела!)
 Ожиданием...

Валерий ЖЕРНАКОВ

ТИХАЯ СЕЛЬСКАЯ РОДИНА...

МОЯ СТЕЗЯ

Я верен родословной без конфуза.
Из прошлого ведёт моя стезя.
Я родом из Советского Союза.
Там наша юность. Там мои друзья.

Там нежно голубеет мой цикорий,
Не меркнут вехи памятной поры,
Алеют красногалстучные зори,
Искрятся пионерские костры.

Там вкусно пахнут хлеба караваи,
Кудрявый цвет клубится по садам.
Там радости мои и первомай,
И мама, молодая, тоже там.

Дерзали мы, своё благое гнули,
И не было ни рядом, ни вдали
Ни наркоты, ни малолетних кули,
Таскающих базарные кули.

Как нам жилось –
 про то мы знаем сами,
И рады мы, что видеть не пришлось
Старушек нищих с грустными глазами,
Подслеповато-красными от слёз.

Крутые джипы. Важные вельможи.
Особняки, заборы да буи.
Я – голос неумной стародёжи,
И к господам претензии мои.

Живу под сенью памятного груза,
Печалюсь, не склоняю головы.
Я – родом из Советского Союза, –
Не ведаю, увы, откуда вы.

Ровно под крышу легла
Балка заглавная – матица.
Каплей по глади стекла
Жизнь моя к финишу катится.

Синих небес шапито.
Сад, виноград да смородина.
Кара-Джигач. Ала-Тоо.
Тихая сельская родина.

Вон заблестела в ночи
Звёздочка, чья-то предвестница.
Сердце ретиво стучит.
Давняя молодость грезится.

Словно в бегущий поток
Пёрышко счастья обронено.
Кара-Джигач. Ала-Тоо.
Мать моя здесь похоронена.

По горизонту стоят
Горы, белея сединами.
Свет за окошком объят
Зорями и георгинами.

Нет серебра, но зато
Много изведано, пройдено.
Кара-Джигач. Ала-Тоо.
Сад мой, крапива, смородина.

ТОЙ СКАЗКЕ – ВЕК

Печальна Муза и бледна, как стенка,
Едва жива среди несносных лет.
И вот изрёк Евгений Евтушенко:
Поэт в России – больше, чем поэт.

А чем он больше, тихий современник,
Анахорет, скучающий эстет?
Чей он посланник, чьих идей преемник?
Кто зрит ему восторженно вослед?

К чему терзаться в творческой натуге,
Сжимать в ночи ладонями виски?
Лоснятся в благоденствии хапуги,
Бедуют дети, плачут старики.

Не заслонит от каверз и напастей
Усталый люд базарная юдоль.
Где рифмоносец пермонтовской страсти?
Кто воскресит некрасовскую боль?..

Нас счастье стороной не обойдёт –
Той сказке век и без году неделя.
Мели, Емеля!
Мелет он и ждёт,
Когда забрезжит свет в конце тоннеля.

Не оживит дряхлеющий портрет
И чью-то стать крахмальная манишка.
Поэт сегодня – больше, чем поэт,
Иль попросту – пиаристая фишка?

ПРОШЕПЧУ НА ПРОЩАНИЕ

В горах обрела свое место
Неладная доля моя.
Возьми меня, Божья невеста –
Россия, к себе в сыновья.

Возьми бедолагу седого,
Он сердцем с тобой заодно,
Ретиво побиться готово
И потрепыхаться оно.

Не надо ни злата, ни ордена,
Была бы свобода и честь.
Спасибо, далёкая Родина
За то, что была ты и есть.

Случись, доведет до отчаянья
Натужное наше житьё,
Очнись, прошепчу на прощанье
Великое имя твоё.

КУЛЬТУРА

Виктор КАДЫРОВ,
директор издательства
“Раритет”

КРИЗИС ЧТЕНИЯ – КРИЗИС ДУХОВНОСТИ

Сравнительно недавно Киргизия была частью государства, которое гордилось тем, что его нация – советский народ – был самой читающей нацией в мире. В одной только столице Кыргызстана, городе Фрунзе, насчитывалось около тридцати книжных магазинов. По всей республике раскинул свои щупальца книготорг. Кроме него существовали такие организации, как академкнига, военторг и потребсоюз, которые тоже распространяли книги. В любом далеком селе в магазине можно было обнаружить среди полок с обувью и съестными продуктами полочку с книгами.

Читали, конечно же, не одинаково в различных уголках нашей необъятной родины. В Питере и Москве в вагонах электричек и метро без раскрытой книги в руках были только приезжие. А в Узбекистане, куда я иногда попадал в командировку, возможно было обнаружить такой «дефицит», который скапливался там за несколько лет.

В Киргизии спрос на книги был всегда высок. Люди томились в огромных очередях, чтобы подписаться на какое-нибудь собрание сочинений, старались попасть в книжные магазины в дни завоза новой литературы, завести друзей среди продавцов, чтобы те отложили экзеплярчик нужной книги, сдавали тонны макулатуры в обмен на талон заветного издания и прочая, и прочая.

Советское государство понимало, что путь в души сограждан лежит через книгу. Конечно, и кино, и театр, и телевидение играли не последнюю скрипку в этой борьбе, но книга была важнее. Читали ее везде, когда у людей появлялось свободное время. В городах и селах, в тайге и на полярной станции, на далекой пограничной заставе и на корабле, бороздящем мировой океан – везде рядом с человеком была книга. Она была его самым верным и преданным другом. Поэтому советское правительство поддерживало издательское дело, союзы писателей, выделяло дотации на печатание и распространение книг. Это была идеологическая работа. Книга являлась мощным оружием воспитания нового человека, формировала его мировоззрение, мораль, закладывала патриотические чувства.

И вот по великой советской империи промчался сокрушительный вихрь, разрушив то, что создавалось долгими десятилетиями. Во вновь появившихся молодых государствах, обломках старой империи, была масса проблем, как выжить в условиях разрухи и общего развала. Бывший советский народ бросился выживать. Осваивал дикий рынок, сражался с рэкетом, учился коррупции. В этих «университетах» было не до чтения, надо было действовать – и народ действовал. Челночил, открывал «комки», тащил через появившиеся вдруг «кордоны» контрабанду, укрывался от налогов и делал еще тысячу всяких дел, которые теперь стали называться свободным предпринимательством. Государству не было дела до народа, тем более до людских душ. На первое место вышли политические лозунги и националистические рычажки, с помощью этих нехитрых приспособлений можно было управлять толпами неорганизованных людей.

Книги перестали выполнять прежнюю роль, поскольку государство уже не нуждалось в этом идеологическом оружии.

Во-первых, идеологию еще нужно выработать, создавать среду, из которой могут вырасти писатели, да и читателей изрядно поубавилось. Во-вторых, книжная индустрия требует денег, а всегда есть более важные задачи, чем «ловля душ».

Киргизия в деле разрушения книжной отрасли поработала немало: разорились все бывшие государственные издательства, проданы все полиграфические базы, все книжные магазины.

Книжная торговля выплеснулась на улицы. Рынок захлест-

нула волна самой разнообразной литературы – от мистики и эротики до эмигрантской и диссидентской, ранее недоступной широкой публике. Полиграфия была ужасной, текст едва читался на желтой или серой газетной бумаге, но народ, дорвавшийся до запретного плода, все это проглатывал. Книжные лотки и самодельные столы, заваленные книгами, кольцом опоясывали ЦУМ, стояли на всех больших перекрестках в городе, на базарах, пешеходных переходах и в сотне других людных мест. Как я сейчас понимаю, это была «золотая пора» книжного предпринимательства.

В это же время началась первая волна эмиграции из Кыргызстана русскоязычного населения. Уезжали специалисты, инженеры, ученые, учителя. Покидали нашу страну люди, для которых чтение было нормой жизни.

Резко ухудшившееся экономическое положение, закрытие всех промышленных предприятий, отсутствие рабочих мест привело к миграции и титульной нации, которая подалась из Кыргызстана на заработки. Уезжала самая дееспособная часть населения. Интеллигенция искала себе достойное место в России, Казахстане или в дальнем зарубежье. Спрос на книги в Киргизии катастрофически падал.

За восемнадцать лет независимости нашей республики мы практически полностью утратили систему книгораспространения. Книжные магазины остались лишь в Бишкеке – да и то их четыре. В регионах книжная торговля отсутствует. В России книжным магазином считается торговая единица, в которой ассортимент не менее 50 тысяч наименований книг. В больших – 200-400 тысяч. У нас в книжном магазине едва наберется 20 тысяч наименований. Мы отстаем от современного мира.

Сегодняшнее положение издательств находится за чертой кризиса. Они влачат жалкое существование за счет издания небольших тиражей, которые оплачивают сами авторы. Нет издательских проектов, никто не платит авторам гонорары, не покупаются авторские права и лицензии. Издательства можно понять: при отсутствии сети книгораспространения, при мизерном спросе на книги у населения, очень трудно работать. Но, тем не менее, есть люди, которые не могут не писать, и есть люди, которые видят свое призвание в издании книг.

Я посмотрел на статистические данные за 2008 год. В республике выпущено около 800 книг, включая брошюры. В списке издательств масса ведомственных, которые существуют при учебных заведениях, министерствах и тому подобное, то есть собственно книг, предназначенных для чтения народом, из этих 800 меньше половины, а детских – около пятидесяти.

Печальная картина. В современной жизни человек нуждается в тысячах и тысячах наименований книг. Это книги, связанные с профессиональной деятельностью, с учебной, книги для досуга, справочная, энциклопедическая, словари – всего и не перечислишь. Для того, чтобы вырастить нормального ребенка, требуется огромная библиотека развивающей литературы плюс художественной для всех возрастов.

Поэтому девяносто процентов книг, которые продаются в Кыргызстане, – это книги, изданные в России. Наши издательства не в состоянии обеспечить рынок подобным ассортиментом.

Кроме того, спрос – тонкая штука, им очень трудно управлять. Если, например, во всем мире покупают Поттера или Стефани Майер, то и у нас в Бишкеке эти книги ждут с нетерпением. Так же, как и новый роман Брауна, Акунина или Коэльо – люди сами определяют, что им нравится читать.

Конечно, совет продавца книжного магазина иногда важен при выборе книги, но свои предпочтения делает читатель. Да и всегда ли продавец книжного магазина может выступать в роли просветителя? Для этого нужны достаточно высокие образование, коммуникабельность, умение самому ориентироваться в море разнопрофильной литературы. А таких продавцов у нас – единицы.

Для книжников продажа книг – это бизнес. Мы существуем за счет покупателей, поэтому должны прислушиваться к тому, что они хотят видеть на наших полках. Тем более, что в России в год выходит более ста тысяч наименований книг в год, а в Киргизию попадает лишь десятая часть на них. Волей неволей, от нас зависит, с чем познакомится наш киргизский читатель, а о чем и знать не будет.

Попытки создать спрос искусственно обречены на провал. У нас нет литературной критики, нет специализированных книжных изданий, которые бы доносили информацию до читающей

публики. Да и сама публика находится на грани культурного вымирания.

Посудите сами: для того чтобы развивать язык и культуру нужно развитие отечественной литературы, прозы, поэзии, драматургии. У нас же значительную часть книг составляет мемуарная или биографическая литература.

Нынешнее состояние не только книжного дела, но и всей культуры в Кыргызстане, я назвал бы гуманитарной катастрофой.

В обществе все больше людей, которые не читают литературы, утрачивается возможность освоения достижений мировой цивилизации, падает статус современной киргизской культуры в мире.

Необходимо понимание этой катастрофы правительством Кыргызстана и всем обществом. Выход из нее только один – становление книжного дела в республике. Важно создать условия для свободного литературного творчества, экономические и налоговые льготы для издательств и книгораспространения. Во многих странах эти льготы существуют. В Великобритании, например, закон об освобождении книжников от уплаты НДС был принят в суровый 1942 год.

Книга – уникальное творение человечества. С ее изобретением появилась возможность передавать информацию, чувства и мысли. Книги создали человечество. Без них немислимо ни культурное, ни экономическое, ни политическое развитие любой страны. Для того, чтобы книжное дело в республике процветало, надо приучать население к чтению. Если большевики смогли из неграмотной России и ее окраин создать самое читающее государство в мире, значит задача вполне выполнима. Требуются соответствующие законы об освобождении от налогов предприятий книжного дела и помощь всего общества. Мне кажется, что возможны общенациональные проекты. Например, сбор денег на издание и перевод эпоса «Манас» на различные языки мира, издание и распространение литературных журналов, конкурсы книголюбцев. Все возможно, если ставить перед собой задачу ребилитации чтения в обществе.

Хотя знаком и с другой точкой зрения. Киргизия до вхождения в состав России была феодальной. Советский Союз искусственно поднял Киргизскую республику на ступень индустриально-

го развития. После развала Союза народ занят в земледелии, животноводстве и ему не до чтения. На первое место опять выходит устное творчество.

Я думаю, это ошибочное мнение. Мы живем в современном мире. Интернет и телевидение – самые важные источники информации. Но сам процесс чтения, особенно – художественной литературы нельзя заменить ничем.

Чтение – это, прежде всего, общение с «великими мудрецами». Книга – это один из способов познания мира. В рассказе «Пари» Чехов описывает молодого человека, который на спор просидел взаперти пятнадцать лет. Он никуда не выходил, лишь читал книги. Этот человек познал все, что знало человечество.

«В книгах я пил ароматное вино, пел песни, гонялся в лесах за оленями и дикими кабанами, любил женщин... Красавицы, созданные волшебством гениальных поэтов, посещали меня ночью и шептали мне чудные сказки, от которых пьянела моя голова... я взбирался на вершины Эльбруса и Монблана и видел оттуда, как по утрам восходило солнце и как по вечерам заливало оно небо, океан и горные вершины багряным золотом... В книгах я бросался в бездонные пропасти, творил чудеса, убивал, сжигал города, проповедовал новые религии, завоевывал целые государства... Книги дали мне мудрость...»

Да простят меня за столь длинную цитату, но мне кажется, что в ней Антон Павлович открывает нам тайну чтения. Зачем человек берет книгу в руки – получить знания или информацию? Или нечто большее? Испытать то, что он никогда не испытывал прежде, пережить такие чувства, которые, возможно, никогда еще не переживет?

Английский писатель Хэзлит так писал о чтении: «самая большая радость в жизни – это радость чтения» и о книгах: «книги – это целый мир, на страницах которого, исполненных великой силой страсти, хранится человеческое счастье».

Чтение книг развивает в человеке фантазию, способность к творчеству и, конечно же, невозможно воспитать ребенка без чтения.

Сегодня можно найти в магазине книгу на любой вкус. К сожалению, все меньше людей испытывают потребность читать. Этим нежеланием они заражают своих детей, ведь они равняются на взрослых.

Есть еще одно грозное оружие против книг – это, как ни странно, образование, более всего – школа. Все, что вдалбливается в молодые умы из-под палки обречено на ненависть и неприятие. Даже выпускники филологических университетов, выйдя из стен альма матер, облегченно вздыхают: «Теперь можно не читать!» Привить любовь к чтению, к общению с книгой – великое искусство. Редкость, когда у учителя литературы дети читают, а не скачивают готовые сочинения из Интернета или не знакомятся с классиками в сокращенном варианте.

Меня можно обвинить в заинтересованности: я – издатель и книгораспространитель. Я должен продавать как можно больше книг. Мои оппоненты твердят, что книги отжили свой срок – будущее за компьютерами и Интернетом. Скоро повсеместно появятся электронные книги, не нужны будут издатели и полиграфисты. Многие говорят о вреде чтения. Портятся глаза, тратится время, требуются душевные силы и энергия. Быстрее и легче посмотреть фильм, благо на классические темы создаются кинокартины, прослушать аудиокнигу, занимаясь попутно приготовлением обеда или другими своими делами. И я им отвечаю: да чтение книг на бумаге – это серьезное дело, по сути работа, но именно потому такое чтение приносит наилучшие плоды, не выветривается из памяти, наводит на глубокие размышления.

История помнит такие «темные» времена в истории человечества, но знает, что за ними следует «эпоха возрождения». Когда она наступит у нас, в Кыргызстане?

Наира СЕЙРАНЯН

РОМАНЫ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА – ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ПРОРОЧЕСТВА

Когда охватываешь все романы Чингиза Айтматова единым взглядом, отчетливо видишь, что это целостное художественное панно, которое позволяет определить его как своего рода тетралогии, то есть эпопею из четырех романов, хотя сам Айтматов такого определения не давал. Эти четыре романа, на наш взгляд, дополняют и развивают друг друга в осмыслении вечных философских вопросов бытия, преломленных в насущных проблемах современности и драматических реалиях действительности XX и уже XXI столетий.

Основные проблемы, которые исследуются в романах, таковы: что такое человек («И дольше века длится день», 1980 г.); взаимоотношения между личностью и обществом («Плаха», 1986); человеческое общество и мир природы («Тавро Кассандры», 1994); и, наконец, что делать для выхода человечества из духовного кризиса? («Когда падают горы (Вечная невеста)», 2006 г.).

Первый роман «И дольше века длится день» («Буранный полустанок»), вышедший в свет на рубеже 1980 и 1981 гг. в журнале «Новый мир», а также повесть к этому роману «Белое облако Чингисхана», опубликованная из-за цензурных препятствий позже, в 1990 г. (журнал «Знамя», №8), при всем многообразии сюжетных линий, образов, тем замечательны, прежде всего, ху-

дожественным постижением главного явления мироздания – Человека: что есть человек, что определяет его нравственное нутро, в чем его сила и слабость, какова его миссия в перспективе мирового развития?

В своем исследовании жизни Айтматов опирается на емкую категорию Памяти как нравственную и социальную одновременно. Это эквивалент человечности, общественной, коллективной сущности человека и в то же время – это эквивалент Истории, Времени.

Главная «опорная конструкция» романа в целом и образов главных героев – это память и в прямом, конкретном, и в широком, философском смысле этого понятия.

Примечательно, что основной принцип построения образа героя – это неразрывная взаимосвязь, взаимообусловленность судьбы Едигея с судьбами дорогих ему людей – Укубалы, Казангапа, Абуталипа, Зарипы. Все самое сокровенное и существенное в жизни Едигея связывается с ними. Прорисовывается диалектика понятия личности. Личность, «Я» человека определяется его сопряженностью с судьбой другого и с судьбой века в целом. Масштаб личности Казангапа определяет масштабность размышлений и переживаний Едигея, масштаб вселенской значимости событий, описанных в романе. Самим построением романа личность труженика утверждается как мера всего. В одном «дне» не только вся жизнь Едигея (в воспоминаниях), но и мудрость веков, запечатленная в легендах, и опыт истории страны, пропущенные через его сердце. И содержание этого «дня» – духовный капитал будущих столетий. Отсюда и название: «И дольше века длится день».

Как ипостаси Памяти раскрыты в романе любовь и искусство. «Отношения» Едигея с верблюдом Каранаром и рыбой Мекре высвечивают еще один важный аспект в образе героя, через них раскрываются сила и мощь Едигея-труженика, находящегося в «родственных» отношениях с природой, осваивающего ее своими руками и умом и поэтому подлинного хозяина земли.

Таким образом, в своей социально-нравственной первооснове герой выступает в совокупности таких качеств, как труженик, помнящий, любящий, активная личность.

В легенде о «манкурте», рабе, это понятие осмысливается как непомнящий, то есть не осознающий себя, а значит нелюбящий, неблагодарный.

Символично, что коршун-белохвост, образ памяти, перекрывает своим напоминанием об отце Доненбае рев ракет, запущенных вокруг планеты, метафорически – это «шири», обруч, стискивающий земной шар.

Итог романа таков: настоящий человек – это памятный, любящий, состоящий в родстве с природой, и только он способен спасти мир, привести всех к единению.

В повести «Белое облако Чингисхана» Айтматов, по его словам, использовал «одно из устных преданий кочевья о Чингисхане, миф, мало соотносимый с исторической действительностью, но много говорящий о народной памяти».

Чингисхан, жестокий правитель и завоеватель, но, как ни парадоксально, – раб. Властитель не способен понять, что его богатство – это люди, а не завоеванные страны и территории. Символично, что после того, как он приказал казнить влюбленных, сопровождавшее его все время белое облако, которое он воспринимал как «послание неба небесному сыну, знак одобрения и благословения», исчезло, оно «перетекло» в вещество жизни – белое молоко, которое вдруг обнаружила у себя спасшая ребенка Алтун. А Чингисхан понял, что удача покинула его, дороги ему не будет и поэтому повернул вспять.

Второй роман Ч. Айтматова «Плаха» (1986 г.) отражает очень острый момент в жизни страны, когда обозначился необратимый кризис социализма. Роман поднимает в первую очередь вопрос о роли общества в судьбе личности.

Есть в этом романе и правдоискатели, люди талантливой души, такие, как русский молодой человек Авдий Каллистратов, и киргиз-скотовод Бостон Уркунчиев. Есть и такие, в которых превалирует низменное начало, – это Гришан и Обер-Кандалов, Кочкорбаев и Базарбай.

Герой романа, правдоискатель Авдий Каллистратов, придя в отчаяние от безнравственности общества, пытается сначала создать новую религию, затем, уже на поприще журналиста, столкнувшись с продавцами наркотиков, с шабашниками, варварски уничтожающими сайгаков, пытается добрым словом, обращени-

ем к Божьей правде воздействовать на них, отвратить их от преступлений, вернуть в мир нравственных ценностей, но все его усилия остаются безрезультатными.

Вольготно чувствуют себя шабашники, с предельным цинизмом от имени воинствующего атеизма и государственных интересов распяли они Авдия на саксауле. Так трагически принял он смерть.

Другой правдоискатель, передовой бригадир животноводческого совхоза Бостон Уркунчиев, пытается ввести новые формы хозяйствования, чтобы накормить людей, согреть их заботой и дружественным чувством, создать им достойные условия жизни.

Но и Бостона травят такой же лживой демагогией. Он, де, безразличен к совхозной отаре, лишь бы задобрить волков ради личного спокойствия. А его просьбу о постоянном пастбище для бригады заклеямили как частнособственнический инстинкт, пережиток капитализма. Ату его! И кто преследует Бостона: бездельник Базарбай да бездарный карьерист Кочкорбаев. Вот и Бостона привели к плахе: он нечаянно убил своего сына, в состоянии аффекта убил Базарбая, за что должен предстать перед судом. Находясь в таком состоянии, Бостон близок к самоубийству.

Тема божественного начала в человеке развивается через тему музыки. Пение хора пробуждало в душах певцов и Авдия «высшие порывы», они воспринимают его как момент связи с Богом, с Мировой душой. Авдия волновал «дух человеческий, устремленный к вершинам собственного величия». От песнопений протягивается нить к эпизоду последней исповеди Христа, в которой он объясняет смысл своего Второго Пришествия: «...Смысл существования человека в самосовершенствовании духа своего, – выше этого нет цели в мире... Не я приду, воспрянув, а вы, люди, пришествуете жить во Христе, в высокой праведности... И это будет мое Второе Пришествие».

Но чтобы это произошло, общество должно быть здоровым, то есть укреплять и дать возможность расцвести божественному началу в человеке и, с другой стороны, подавлять низменное в нем. Кроме того, добро должно быть могуче властью и материальным богатством. В государстве псевдосоциализма все противоположно здравому смыслу, все поставлено с ног на голову: люди с большой буквы, правдоискатели Авдий и Бостон, приве-

дены к плахе. Но именно в таких людях видит писатель залог совершенствования общества, с ними связывает обращение его к человеку, потому что их заповедь – «жить не по лжи», и они всегда останутся верны себе независимо от исхода схватки.

В третьем романе – «Тавро Кассандры» (1994) – Айтматов в очередной раз после «Белого парохода» и «Плахи» обращается к «глобальной задаче современного мира – найти гармоничное соотношение человека и природы».

Исходя из основополагающей тезы о двуединстве человека и природы, Айтматов показывает, что всякое агрессивное вторжение в природу, пренебрежение ее законами, неблагодарность по отношению к ней приводят в конечном счете к катастрофе и в человеческом мире. Так, в повести «Белый пароход», в романах «Плаха» и «Тавро Кассандры» конфликт с природой оборачивается детоубийством, иначе, подрывом самих основ бытия.

В романе «Тавро Кассандры» решение трагического конфликта Айтматов связывает с выдающейся личностью, пророком, если хотите, потому что истина является единственно возможной формой его существования.

Суть конфликта в том, что русский ученый Андрей Крыльцов (псевдоним Филофей), работая в научной лаборатории на космическом корабле, сделал, по его словам, «величайшее открытие, последствия которого, несомненно, скажутся на дальнейшей жизни человечества». Оно состоит в том, что человеческий эмбрион уже в первые недели своего развития способен предугадать свою судьбу. Если она имеет трагическое развитие, зародыш выражает негативное отношение к появлению на свет определенным сигналом – маленьким пигментным пятнышком на лбу беременной женщины. Филофей не только расшифровал значение этого пятнышка, но и создал установку, с помощью которой посылал на землю зондаж-лучи, под воздействием которых пятнышко у женщин начинало пульсировать и мерцать. Это знак того, что эсхато-эмбрион (эмбрион с эсхатологическим предчувствием), ощущая свою роковую судьбу, не желает рождаться на свет. Филофей видит причину этого в том, что на планете множатся бедствия: войны, страдания, нищета.

На Земле начинается истеричная паника. Несмотря на настойчивые призывы к людям Филофея и присоединившихся к

нему американского ученого Борка и общественного деятеля Юнгера обратиться к активному искоренению пороков в своей жизни, человечество, охваченное инстинктом страха, во всех концах света отвечает на них возрастающим негодованием, злобой, категорическим неприятием.

Возникает такая же парадоксальная ситуация, как и в романе «И дольше века длится день», – из страха перед небытием, из инстинкта самосохранения человечество отвергает свое будущее. Этим инстинктом страха искусно манипулирует лжелидер Оливер Ордок, баллотирующийся на пост президента Америки. Он возбуждает толпу до истерии и направляет ее на «виновных» – Филофея и Борка. В результате обезумевшая толпа растерзала Борка, а Филофей, чтобы успокоить страсти, покончил с собой, выйдя в открытый космос.

Судьба пророка как защитника живой природы соотносится в романе с поведением стада китов. Тема китов лейтмотивом проходит через весь роман. И, когда погибают герои романа, Борк и Филофей, в прессе появляется сообщение о том, что стадо китов выбросилось на мелководье, что означало их групповое самоубийство. Один из ученых выдвинул гипотезу, что этот факт является реакцией мирового разума на земные события. Как видим, роман «Тавро Кассандры» тоже завершается трагически. Писатель тем самым снова подчеркивает, что противостояние правды и лжи в современной жизни предельно обострено и исход его является судьбоносным для всего человечества в совокупности с природой.

Закрывающий роман тетралогии Айтматова – «Когда падают горы (Вечная невеста)» («Дружба народов», 2006 г.). Нам видится в нем попытка ответить на вопрос вопросов – что делать? Как человечеству выйти из духовного кризиса? Ответ прост: «Не убий» – главная христианская заповедь. Да, просто, но как сложно это осуществить, за ней вся история человечества!

Вводя в свой роман легенду о Вечной невесте, ее женихе-охотнике, ставшем жертвой злодеев, затем сюжет о судьбе прекрасного животного Жаабарса с той же двойной ролью охотника-жертвы и, наконец, историю жизни главного героя, известного журналиста Арсена Саманчина, который тоже выступает в роли охотника-жертвы, Айтматов, по сути, находит предельно обобщен-

ную формулу конфликта в живом мире. С усложнением общественного устройства она видоизменяется: «убить – быть убитым». Формула эта развернута во вступительном рассказе «Убить – не убить...», принадлежащем перу Арсена.

В романе Айтматов снова развивает сюжет и конфликт в предельно заостренном и обобщенном варианте. Легенда о Вечной невесте связывает прошлое и настоящее, а пространство уходит ввысь, на Памир, «крышу мира», отсюда шире обзор и ближе к космосу. События развиваются в высокогорном киргизском аиле Туюк-Джар, здесь задана самая высокая точка отсчета всех жизненных ценностей, ощущается боль века, звучат вечные вопросы. Герои тоже самые-самые: яркая, незаурядная личность, правдоискатель, максималист, независимый журналист Арсен Саманчин и «тигроподобный пятнистый царь высокогорья» – Жаабарс (барс-стрепа), не идущий никогда в обход.

Арсен и Жаабарс своего рода двойники. В контексте романа возникает метафора: Арсен – человекобарс. У них и имена рифмуются – **Арсен** и **Жаабарс**. Для мировосприятия Айтматова с первых его шагов в литературе, как мы уже говорили выше, характерно представление о мире природы и человека как едином целом. А в данном случае Арсен и Жаабарс выступают даже в русле одной судьбы.

Одним из лейтмотивов романа является легенда о Вечной невесте. В этой легенде охотник на барсов сам стал жертвой «охоты» на него завистников и злодеев. Другая вариация конфликта – убить или быть убитым – развита во вступительном рассказе Арсена из времен Великой Отечественной войны «Убить – не убить».

Размышления автора сводятся к тому, что абсолютных победителей и невинных в альтернативе «Убить – быть убитым» нет, поэтому он определил ее как «формулу обреченности». Если ты убит, то уходишь из жизни, если сам убиваешь и остаешься в живых, то все равно что-то убиваешь в себе. При самой доблестной правоте убийство не может не оставлять чувства горечи и тоски.

Итак, легенда о Вечной невесте – это легенда о любви, которую предали злодеи. Но в контексте романа она приобретает широкое, обобщающее звучание. Предательство любви из сферы личных отношений героев восходит к предательству человек-

ности в масштабе национальных, международных отношений, к предательству со стороны тех высоких правителей, которые ввергают народы в распри и войны. Но все это сводится к тупиковой «формуле обреченности». Это еще одна грустная притча писателя. Но есть в романе и вдохновенный образ Вечной невесты, не перестающей ждать возвращения своего жениха, своей любви.

Другой лейтмотив романа – тема судьбы. Да, герою она заранее неизвестна, но автор все знает наперед и знает, как жестко все взаимосвязано и предопределено, имеет свою цену и свою ответственность. Об этом должен помнить каждый, предупреждает писатель. Однако предопределенность судьбы не означает, что она управляема. Не все решает воля личности, ее судьба несет на себе наследие как любви, так и вражды, войн. И опять возвращается писатель к альтернативе «убить – быть убитым». Только выйдя из этой «формулы обреченности», можно открыть потомкам горизонт счастливой судьбы.

Очень значителен новаторский вклад Айтматова в развитие жанра романа. Каждое из произведений писателя отличается высокое художественное мастерство. Масштабность содержания обусловлена не только животрепещущей актуальностью, но и синтезом мифов, легенд с опытом современности. Проза Айтматова отмечена «полнотой времени» (М.Бахтин) и широтой пространства, нередко гротескным соединением реального и фантастического планов. Стиль писателя отличается яркой метафоричностью, символикой. Характерны для прозы Айтматова острый конфликт, развитие его до логического конца, до парадокса с целью четко обозначить проблему, рельефно представить характеры героев. Наличие этих черт позволяет говорить о соответствии романов Айтматова жанру социально-философской притчи.

Романы Айтматова неизменно включены в интеллектуальный диалог с мировой литературой и в то же время волнующе эмоциональны. Думается, именно в таком русле должен развиваться роман XXI века.

Андрей КУЗНЕЦОВ

ЕГО СТИХИЯ – ХОР

С Семеном Романовичем Файнштейном я познакомился во Фрунзе в мае 1961 года, когда поступал на теоретико-композиторское отделение Музыкально-

хореографического училища им. М. Куренкеева. Собрав необходимые документы, я пришел в училище и, немного волнуясь, остановился перед дверью с надписью «Приемная комиссия». Затем, собравшись с духом, решительно потянул за ручку и вошел в кабинет. За столом в лучах яркого весеннего солнца сидел худощавый мужчина в светло-коричневом костюме, с галстуком, и приветливо смотрел на меня. У него были черные курчавые волосы, широкий лоб и живые выразительные глаза. «Здравствуйте! – робко произнес я. – Я вот хотел сдать документы». «Проходите, присаживайтесь!». Доброжелательный голос мужчины придал мне смелости. Я сел на стул и раскрыл папку с документами. Внимательно просмотрев ее содержимое – а это были копии документов, справки, а, главное, мои первые робкие композиторские «опусы» – Семен Романович (это был он) сказал: «Ну, что ж – документы у вас в порядке, готовьтесь теперь к экзаменам, удачи вам!». Окрыленный, я вышел из кабинета в коридор и передохнул: первый шаг в профессиональное искусство был сделан.

Прошло девять лет. Я успешно окончил училище, консерваторию (правда, не как композитор, а музыковед) и начал преподавать в училище. Я стал коллегой Семена Романовича, а вскоре между нами установились добрые товарищеские отношения. Разница в возрасте была не слишком велика, но в тот далекий весенний день, когда я сдавал документы в училище, мне, двад-

цатилетнему молодому человеку, он показался намного старше. Впрочем, это не случайно: с детских лет столкнувшись с жизненными невзгодами – об этом я узнал позже, – Семен Романович рано возмужал, и уже в молодые годы на его лице появились первые морщинки. Однако, это никак не отражалось на его характере – оптимист по природе, музыкант всегда был прост в общении, демократичен, доброжелателен.

Семен Романович по профессии хормейстер. После окончания Ташкентской консерватории (1960), он вернулся во Фрунзе и стал вести в училище класс хорового дирижирования, кроме того, руководил хором, а по совместительству – хоровой капеллой Дворца завода им. В. И. Ленина. Это был человек бесконечно преданный искусству. Невысокого роста, тихий и даже немного застенчивый, он преображался, когда выходил на эстраду. Словно капитан за штурвалом корабля, маэстро Файнштейн уверенно вел коллектив за собой. Обладая исключительно тонким слухом, прекрасно зная особенности хорового пения, он добивался блестящих результатов – его хор всегда звучал как единый организм, точно выполняя все требования руководителя. Не секрет: чтобы добиться хорошего звучания хора, с ним надо долго и кропотливо работать, а работать Файнштейн умел и любил – он был настоящим «трудоголиком». Кроме того, у Семена Романовича был очень выразительный жест. Гибкие руки хормейстера, выразительная мимика его лица были живым воплощением эмоционального строя произведения. Именно эти качества и позволяли маэстро братья за исполнение таких сложных и масштабных произведений хоровой литературы, как «Реквием» В. Моцарта, «Кармина бурана» К. Орфа, «Патетическая оратория» Г. Свиридова, и добиваться прекрасных результатов.

Файнштейн долгие годы возглавлял хоровое отделение училища, являясь его бесспорным лидером. Со студентами он был не столько строг, сколько доброжелателен и терпелив. Педагог никогда не повышал голоса, был вежлив, корректен, отзывчив, но умел убеждать, находить индивидуальный подход к каждому ученику. Не считаясь со временем, он, вместо положенных 45 минут, мог прозаниматься и час, и больше. Естественно, студенты его уважали, любили и старались не огорчать своего преподавателя.

В 70-е годы я стал заниматься музыкально-критической деятельностью, часто бывал на концертах, в том числе и на выступлениях училищного хора. Особенно сильное впечатление на меня произвели исполнение Реквиема Моцарта и «Патетической оратории» Свиридова. Даже для профессиональных коллективов с большим опытом концертной практики эти сочинения представляют значительную трудность. Что же тут говорить о небольшом студенческом хоре – не каждый хормейстер решится на такой шаг. Но Файнштейн решился и, более того, добился почти невозможного – его хор звучал как профессиональный коллектив. Чего только стоило его исполнение сложнейшей четырехголосной фуги «Купе eleison» или насыщенного эмоциями и контрастными сопоставлениями номера «Dies irae» («День гнева»). И все это на латинском языке! Можно только представить, сколько часов репетиционной работы пришлось проделать Семену Романовичу! Но результат был налицо – Реквием звучал так, что даже мурашки по телу пробежали. Успех во многом был определен и прекрасным ансамблем – солисты И. Мастерова, Р. Дедова, Вербицкий, В. Муковников, концертмейстер М. Бурштин. К этому сочинению Файнштейн обращался дважды – в 1976 году (тогда реквием был исполнен полностью) и в 1992 (без сольных номеров). Вспоминает композитор и пианист Михаил Бурштин:

– С Семеном Романовичем меня связывали долгие годы совместной работы. Это был чудесный человек, очень добрый, мягкий, настоящий профессионал. Практически я был полностью согласен с его намерениями, трактовкой во всех случаях нашего сотрудничества. Сейчас ему уже за семьдесят, но я помню его всегда молодым и творчески активным, уверен, что он таким и остался.

Не менее впечатляющим было и исполнение «Патетической оратории» (она прозвучала в марте 1976 года), где вместе с хором училища выступили солисты – обладатель великолепного баса, народный артист Киргизской Республики В. Муковников и певица Р. Дедова (концертмейстеры М. Бурштин и Е. Шереметьев). Оратория тоже представляла немалые трудности для исполнения. Написанная в лучших традициях русской композиторской школы, она была в то же время и новаторской, что наиболее ярко проявилось в хоровых партиях (необычная tessitura, наличие

острых, терпких звучаний, использование речитации и т.п.). Вот строки из рецензии, опубликованной в то время в газете «Советская Киргизия»: «Участники продемонстрировали высокое исполнительское мастерство. Оратория прозвучала ярко, впечатляюще. Великолепно звучал хор под управлением дирижера, педагога училища С. Файнштейна, добившегося от студенческого коллектива подлинного профессионализма и мастерства».

Плодотворно трудился маэстро Файнштейн и в области киргизской музыки. Он не раз вместе со своим хором выступал на пленумах и прослушиваниях Союза композиторов Кыргызстана, записывался на радио, принимал участие в праздниках песни. Хормейстер был первым исполнителем многих хоровых сочинений киргизских композиторов, в том числе и произведений крупной формы – кантат, ораторий. Первое прочтение сочинения, его верная интерпретация – дело трудное, требующее от исполнителя не только богатого опыта и знаний, но и творческой интуиции, воображения. От успеха первого исполнения часто зависит дальнейшая судьба произведения. В этом отношении роль Файнштейна нельзя приуменьшить – многие хоровые сочинения М. Абдраева, К. Молдобасанова, Н. Давлесова и других композиторов Кыргызстана получили путевку в жизнь благодаря его подвижнической деятельности.

Семен Романович был общительным или, как сейчас говорят, коммуникабельным человеком. Это естественно – ведь дирижер всегда работал с людьми, с коллективами. Во время наших встреч мы нередко останавливались, чтобы поговорить, и эти беседы порой затягивали до получаса и больше. Говорили на разные темы, но чаще всего о музыке – о ней мой коллега мог говорить бесконечно. Он хорошо знал хоровую музыку разных времен и народов, особенности ее исполнения, интерпретации и многое другое. Музыкант всегда говорил страстно, увлеченно, забывая в такие моменты обо всем вокруг.

Как-то в начале 90-х годов мы встретились в оперном театре (кажется, это был отчетный концерт музыкального училища, где, наряду с другими исполнителями, выступал студенческий хор Семена Романовича). После концерта мы вместе с военным дирижером, Ефимом Кузнецовым, зашли к Файнштейнам в гости. Радушные хозяева – Семен Романович и его супруга Людмила

усадили нас за стол, распечатали шампанское... За приятной беседой время летело быстро и незаметно. Я тогда и не подозревал, что видимся мы в последний раз: год спустя после этой встречи музыкант эмигрировал в Германию. И там он тоже не остался без дела: хорошие хормейстеры нужны всюду, тем более в стране с давними хоровыми традициями.

Вот уже пятнадцать лет Файнштейн живет в небольшом баварском городке Лауфенбурге, где руководит тремя самостоятельными хорами – двумя в Германии и одним – в Швейцарии. Здесь требуется разъяснение: городок находится у самой границы: достаточно лишь перейти мост через реку – и вы уже в Швейцарии. Именно так поступает наш земляк, когда ему нужно пойти на очередную репетицию в соседнюю страну: взял ноты подмышку, прошел по мосту, еще пятнадцать минут хода, и он уже на месте. А швейцарский хор «Штайн», хотя и самостоятельный, но во многом не уступает профессионалам – недавно ему исполнилось 150 лет. Среди его хористов немало тех, у кого здесь пели и бабушки, и бабушки. С этим хором Файнштейн уже выступал в нескольких европейских странах.

В 2007 году, будучи в гостях у друга в Гамбурге, я созвонился с Семеном Романовичем, и получил приглашение съездить к нему в гости. Я согласился, поскольку у меня еще оставалось несколько свободных дней, после чего я должен был поехать в Милан, а оттуда уже на родину, в Бишкек. От Лауфенбурга до Милана недалеко – нужно лишь пересечь Швейцарию. Но потом выяснилось, что путь через страну банков, часов и шоколада мне заказан – требовалась виза, даже если ехать на поезде и не выходить из него. В общем, поездка в Лауфенбург сорвалась, но зато были долгие ежедневные беседы по телефону, которые в какой-то мере компенсировали несостоявшуюся встречу. Из них я многое узнал о жизни и работе моего друга и коллеги в Германии. А в Милан я добрался окружным путем – через Австрию: Мюнхен – Инсбрук – Верона – Милан. Теперь мы продолжим общаться по телефону и надеемся на будущую встречу.

Коротко об авторах:

Олег Рябов

Родился в 1966 году. После службы в армии окончил филфак Кыргызгосуниверситета, отделение журналистики. Работал корреспондентом газеты «Комсомолец Киргизии», заместителем главного редактора газеты «Слово Кыргызстана», директором Национального информагентства «Кабар».

Первые рассказы опубликовал в ряде газет еще в школьные годы. Сотрудничать с «ЛК» стал в 2002 году, с 2004 г. – член редколлегии журнала. Шеф-редактор книжной серии «Жизнь замечательных людей Кыргызстана».

Николай Труханов

Окончил в начале семидесятых годов прошлого века Фрунзенский политехнический институт, два с лишним десятилетия проработал инженером-механиком на заводе имени Ленина. Уже тогда стал увлекаться туризмом, горными лыжами, а позже – еще и парусным спортом. Это увлечение, заполняя его до краев, и побудило взяться за перо, чтобы рассказывать о людях, которым приобщение к миру природы, сближение с ней дает ощущение окрыленности, полета. В 2007 году вышел сборник рассказов и повестей Труханова «Пора звезд допадов».

Аман Газиев

Аман Газиев – литературный псевдоним трех друзей-историков, выпускников Киргосуниверситета, Юрия Бородина, Владимира Мокрынина и Владимира Плоских, чье совместное творчество принесло нашей литературе такие замечательные исторические романы, повести и новеллы, как «На берегах Яксарта», «Пулат-хан», «Таласская битва», «Курманджан-датка – некоронованная царица Алая», «Брас-бек – каган кыргызов» и др. Бородин и Мокрынин уже покинули этот мир. Вице-президент НАН Кыргызстана, лауреат Госпремии академик Плоских продолжает публиковать исторические произведения под псевдонимом Аман Газиев – как свидетельство нерушимости начатого еще в семидесятых годах литературного дела.

Владислав Андреевич Заречный

Родился 5 ноября 1948 года. Окончил Ленинградский ордена Ленина политехнический институт. По окончании ВУЗа проходил службу в рядах СА. Грамотный, отлично владеющий немецким языком, офицер был замечен и направлен в специальную разведшколу Минобороны СССР. Выполнял различные задания за рубежом, свя-

занные с обеспечением безопасности государства. Работал в странах Индокитая и африканского континента. Награжден многими орденами и медалями. В настоящее время – действующий офицер нового спецпроекта под условным названием «Перспектива».

Дмитрий Ащеулов

Родился в городе Фрунзе, окончил Бишкекский архитектурно-строительный колледж. С 1998 года печатается в журнале «Литературный Кыргызстан». В 1999 году стал лауреатом республиканского литературного конкурса «Наследники пушкинского пера». В 2010 году вышел сборник его рассказов «Бальтазар Неверро». Работает в республиканской газете «Слово Кыргызстана».

Светлана Суслова:

Светлана Георгиевна Суслова родилась в 1949 году в г. Чита РСФСР. С 1952 года по настоящее время живет в г. Бишкеке (ранее – Фрунзе). Поэт, переводчик, лауреат премии ВЛКСМ, заслуженный деятель культуры Киргизской Республики. Автор двенадцати оригинальных поэтических сборников и более двух десятков переводных – с киргизского, арабского, уйгурского, фарси. Заместитель главного редактора журнала «Литературный Кыргызстан».

Вячеслав Шаповалов:

Вячеслав Иванович Шаповалов родился в 1947 году во Фрунзе (ныне Бишкек, Кыргызская Республика). Народный поэт Киргизии, лауреат государственной премии КР, заслуженный деятель культуры КР. Автор многих поэтических сборников, книг переводов киргизской поэзии и поэзии Запада и Востока. Стихи публиковались в ряде стран Европы и Азии. Доктор филологических наук, профессор.

Анна Зарубина:

Родилась в г. Фрунзе. Окончила Российский Государственный медицинский университет (РГМУ) в г. Москве. В настоящее время доцент кафедры управления, экономики здравоохранения и медицинского страхования ФУВ РГМУ.

Член Союза писателей России. Дипломант Московского открытого Фестиваля русской песни. В «Литературном Кыргызстане» публикуется с 1999 года. Автор поэтического сборника «Разбросаю стихи по свету» с музыкальным приложением «Подарю стихам по нотке».

Валерий Жернаков

Валерий Яковлевич Жернаков родился в 1941 году в городе Кушва Свердловской области. С 1948 года живет в Киргизии. Выпускник филологического факультета Киргосуниверситета. Был газетчиком, публиковался в республиканских газетах и журналах. Многие годы работал учителем в сельской школе. Поэзией увлекается

со студенческой скамьи. Сборники его стихов – «Урюковий цвет», «Годы-лебеди», «Осенний большак», «Соло для вас» и другие оставили заметный след в поэзии Кыргызстана. С 1977 года печатается в «Литературном Кыргызстане».

Виктор Кадыров

Кадыров Виктор Вагапович – родился в 1955 году в городе Бишкеке (Фрунзе). Окончил Политехнический институт, специальность – инженер-электрик. С 1992 года работает в книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано более 60 книг по природе, истории и этнографии Кыргызстана. С 2003 года издательство выпускает сборники сказок и сказочные повести, написанные Кадыровым на основе киргизских народных эпосов. Им также изданы три прозаических сборника – «Коровы пустыни», «Золото Иссык-Куля» и «В поисках дракона».

Наира Сейранян:

Наира Паруйровна Сейранян – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературоведения Ереванского государственного лингвистического университета им. В.Я. Брюсова, опубликовала десятки статей в области русской литературы, в том числе – о творчестве Чингиза Айтматова. Живет в Армении.

Андрей Кузнецов

Кузнецов Андрей Георгиевич, музыковед, член Союза композиторов Кыргызстана, автор 12 книг по музыкальному искусству и лингвистике, многочисленных статей.

Его перу принадлежат монографии о выдающихся кыргызских певцах – Булате Минжилкиеве, Сайре Киизбаевой, Марьям Махмутовой, книга рассказов «Невыдуманные истории» и другие работы. Заслуженный деятель КР, кандидат филологических наук, доцент КРСУ.

В «ЛК» печатается с 1986 года.

*Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой
Корректор Валентина Агапова*

Подписано в печать 26.02.2010 г. Формат 84х108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 11,25 Заказ 4.